

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р.Г. ЛАНДА

**ИСТОРИЯ
ЛИВАНА
XX ВЕК**

X 52 Т301

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. Г. Ланда

р

ИСТОРИЯ ЛИВАНА XX ВЕК

Москва
ИВ РАН
2016

ББК 63.3 (5 Ли)
Л22

Ланда Р. Г.

Л22 История Ливана. XX век / Институт востоковедения РАН. — М.:
ИВ РАН, 2016. — 276 с.
ISBN 978-5-89282-679-2

В книге рассматриваются конец османского владычества в Ливане в начале XX в., период Первой мировой войны и режима французского мандатного управления в 1920–1945 гг., борьба Ливана за Независимость в годы Второй мировой войны и в послевоенные десятилетия. Особо выделены кризис 1958 г., проблема палестинцев в Ливане, гражданская война 1975–1991 гг. и воздействие на Ливан арабской «политической весны».

ББК 63.3 (5 Ли)

ISBN 978-5-89282-679-2

© Ланда Р. Г., 2016
© Институт востоковедения РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Ливан в конце XIX — начале XX в.	5
Период мандатного управления Франции	29
Ливан в годы Второй мировой войны	60
Первые годы независимости	76
Кризис 1958 г. и его последствия	96
Ливан и палестинский вопрос	110
Гражданская война 1975–1991 гг.	139
Жизнь после войны	177
Ливан и «арабская политическая весна»	208
Заключение	228
Примечания	236
Указатель имен собственных	264
Указатель географических названий	271

ЛИВАН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Название «Ливан» происходит от арабского «лабан» (молоко), ибо первым впечатлением подъезжающих к стране, особенно с моря, был внушительный вид заснеженных вершин ливанских гор. Эта деталь пейзажа Ливана стала своего рода фирменным знаком страны, влекущим в нее с незапамятных времен путешественников, туристов, спортсменов, художников, ученых.

На рубеже XIX–XX вв. Сирия и Ливан, составлявшие основу Великой Сирии (Биляд аш-Шам), были, пожалуй, наиболее развитыми из арабских областей Османской империи. Административно причисленные к разным ее провинциям, они были едины в социокультурном и историко-лингвистическом плане, осознавали свое единство и даже распространяли его на соседние регионы — Палестину и Заиорданье. Все эти страны были этнически однородны и населены преимущественно арабами, близкими по языку и образу жизни. Сближали их и другие черты, например наличие множества национальных меньшинств и региональных общин. Четко выраженных границ между этими группами и районами их расселения не было. Поэтому считалось, что Сирию и Ливан в османский период в основном населяли арабы, среди которых свое место традиционно занимали армяне, греки, ассирийцы, евреи, турки, курды, черкесы. В XVI–XVII вв. среди арабов Сирии и Ливана оказалась небольшая группа мавров и морисков — мусульман, изгнанных из Испании после завершения Реконкисты. Первое время многие из них говорили и одевались по-испански, за что местные жители называли их «спано», не признавая арабами. Но к концу XVIII в. они практически полностью ассимилировались, хотя и помнили о своей былой принадлежности к «великой цивилизации Аль-Андалуса», которую они называли «потерянным раем». Но они были немногочисленны. Гораздо более весомую роль в жизни Сирии и Ливана играли представители 15–20 конфессий, исторически соперничавших друг с другом¹.

Точных данных о численности конфессий на рубеже XIX–XX вв. не было. По подсчетам известных французских арабистов Доминика Шевалье и Андре Микеля, население арабской Азии угроилось за первую половину XX в. В Ливане по переписи 1932 г. жили 785 тыс. чел. на 10 450 кв. км. Из них 51% составляли христиане. К 1975 г. население страны достигло 2,6 млн чел., но к 1992 г. не превышало 3 млн чел. ввиду потерь от гражданской войны 1975–1991 г. К ним надо добавить до 300 тыс. палестинцев, вынужденных покинуть родину после арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Все эти события изменили соотношение конфессиональных сил в стране: к 1995 г. христиане составляли всего 30–40% населения². Последними событиями внутри и вне Ливана объясняется и неравномерность роста его населения: 1626 тыс. чел. в 1959 г., 2400 тыс. — в 1965 г., 2870 тыс. чел. — в 1971 г.³

В национальном отношении ливанцы были достаточно однородны — 93% арабов, в основном ливанских, с небольшой примесью палестинских, вынужденных покинуть родину, о чем выше уже говорилось. Всего палестинских беженцев (т.е. имевших карту ООН и получавших по ней помощь) в Ливане к 1970 г. насчитывалось до 200 тыс. чел. Были в стране и другие арабы, главным образом из Сирии и прочих стран Ближнего Востока (145 тыс. чел.), что неудивительно, ибо Ливан еще с эпохи Средневековья был центром духовной, книжной и интеллектуальной культуры всех арабов, на территории которого находятся многие памятники старины, например: эмирско-президентский дворец Бейт ад-Дин («Дом веры»), высокогорное селение Дейр аль-Камар («Лунный монастырь») с его замком династии Маанов, частично превращенном в музей, знаменитый Баальбек, или Гелиополис («Город Солнца»), как прозвал его Александр Македонский, и, конечно, развалины самого древнего в мире города Джбейль, уцепившегося за пологий спуск к морю небольшой горы. Этот городок, нередко именуемый в литературе Библос, возник 7 тыс. лет назад и является предметом гордости ливанцев. Греко-латинское название его происходит от папируса, на котором писали финикийцы ко времени прихода в страну фаланг греко-македонской армии. Финикийские, древнеегипетские и древнеримские храмы (от некоторых остались лишь заросшие травой

остатки каменных фундаментов) соседствуют здесь с аморитскими, гиксосскими и прочими обелисками и могилами⁴.

Разумеется, Ливан привлекает внимание не только древностями, но и своей принадлежностью к мусульманской цивилизации и арабо-исламской культуре. Город Сайда (в древности — Сидон) — центр Южного Ливана, затмевавший когда-то такие города, как Библос и Угарит, был основательно разрушен бесчисленными завоевателями, пытавшимися подчинить себе Ливан. Но в нем сохранились выстроенные крестоносцами Морской замок XII в., а также крепость святого Людовика, возведенная тогда же на месте акрополя греко-македонских времен. А от XVII в. здесь сохранился крытый рынок Хан аль-Франдж, выстроенный эмиром Фахр ад-Дином II. Но подлинным оплотом ливанских мусульман-суннитов является, конечно, центр Северного Ливана — город Триполи (по-арабски Тараблос). Господствующая над ним цитадель именуется «замок де Сен-Жиль» в честь овладевшего городом когда-то одного из вождей крестоносцев тулузского графа Раймунда де Сен-Жиль. Но выглядит она совсем не по-европейски, так как была перестроена мамлюкским султаном Калавуном после изгнания крестоносцев.

Триполи заселен преимущественно арабами из Сирии, изгнавшими отсюда в VII в. византийцев. С тех пор это — главная цитадель ливанских суннитов как в религиозном, так и в хозяйственном плане. Здесь бросается в глаза обилие мечетей и мусульманок с закрытыми лицами. Город окружен апельсиновыми садами и пальмовыми рощами. В то же время Триполи — образец мусульманской средневековой архитектуры в Ливане. Ее облик неотделим от множества мечетей, медресе, торговых рядов, искусных аркад, узорчатых ниш и мастерски выполненной мозаики. Кое-где сохранились даже старинные названия районов: Хан ас-сабун (квартал мыловаров), Хан аль-хятин (квартал портных).

Раньше значительное влияние на облик Триполи и других ливанских городов оказывал стиль флорентийских зодчих. Эмир Фахр ад-Дин II (1516–1544) из династии Маанов, будучи формально васалом османского султана, на деле нередко бывал союзником правителей Флоренции Медичи и даже одно время укрывался у них от гнева султана. Рассказывали, что его любовь к итальянской архи-

текстуре доходила до того, что даже мечеть для своих солдат-мусульман он выстроил с наклонным минаретом по типу Пизанской башни. Но это вовсе не значит, что правители Ливана были чужды восточной роскоши. Выстроенный по приказу Фахр ад-Дина II дворец Бейт ад-Дин до сих пор поражал и поражает всех приезжающих в Ливан, начиная со знаменитого французского поэта Ламартина, а окно «мандолина», тоже позаимствованное ливанскими архитекторами XVIII–XIX вв. у зодчих Флоренции, так и осталось своеобразной визитной карточкой времени Фахр ад-Дина II и его любви ко всему итальянскому.

Но было бы ошибкой этим ограничиваться. Ливан всегда был идеальным мостом между Западом и Востоком, своего рода посредником между ними. Конечно, его связи с Италией, особенно с Ватиканом, начиная с эпохи Крестовых походов, имели особое значение, учитывая множество приверженцев католицизма среди жителей страны. Однако не стоит забывать и геостратегическое положение Ливана, его роль в мировой торговле и международных финансовых отношениях, предопределявших значительный экономический, политический, военный и идеологический (с точки зрения влияния различных религий) интерес к этой стране практически всех крупных государств Востока и Запада. Поэтому неудивительно, что в Ливане, особенно в Бейруте, всегда проживало немало представителей этих держав. В частности, до Июньской войны 1967 г., многое изменившей в жизни Арабского (и не только) Востока, т.е. в сравнительно «тихое», особенно по сравнению с нынешним периодом, время в Бейруте постоянно проживало более 4 тыс. американских и более 6 тыс. английских семей⁵. Бейрут, как и Гонконг в свое время, был буквально переполнен агентурой разведслужб всех стран. К концу XX в. эта его роль несколько снизилась, ибо он перестал быть спокойным мирным городом и слишком часто превращался в поле открытых боестолкновений и вооруженных конфликтов различных арабских и иностранных группировок. Подобные боестолкновения и конфликты лишь демаскировали все тайное и скрытое, тем самым не содействуя, а мешая деятельности любых разведок и контрразведок⁶.

Разумеется, сегодня Бейрут, как и весь Ливан наших дней, далеко не тот, каким он был когда-то в эпоху древних царств, Александра Македонского и Крестовых походов Средневековья. Обилием современных зданий, банков, контор с иностранными вывесками, излишествами архитектурного модерна и навязчивых реклам он скорее напоминает «западного гостя» на восточной ярмарке, своего рода «мини-Нью-Йорк» Средиземноморья. И тем не менее Ливан, как и его столица, немыслим без родимых пятен прошлого, без того, что веками определяло жизнь страны. Этническая и религиозная пестрота населения, его разнообразие и многоязычие всегда придавали (и придают сегодня) жизни Ливана оттенок некоторого космополитизма, отличающий Ливан от его арабских соседей. Патриархальные общины и родоплеменные связи в начале XX в. самым непосредственным образом сочетались и с родимыми пятнами прошлого в лице ростовщичества и долговой кабалы, и с наличием современной (по тем временам) промышленности, созданной преимущественно в области производства табака, шерсти, шелка, тканей и некоторых других отраслей экономики. Причем несколько более модернизированный, чем в других арабских областях, характер этой экономики объяснялся во многом как положением самой страны (географически Ливан представлял собой ворота Европы на Восток и Востока в Европу), так и составом населения. Из 20 конфессий Ливана 12 христианских направлений: марониты, греко-православные, мелькиты (греко-католики), армяно-католики, армяно-григориане, сиро-православные (яковиты), халдеи (ассиро-католики), армяно-евангелисты, пресвитериане, адвентисты седьмого дня, баптисты, свидетели Иеговы. Общая численность их постоянно меняется. В 80-е гг. христиане Ливана составляли примерно 44% населения, а мусульмане — 47% из 3 млн ливанцев, не считая примерно 10% друзов, относящихся вообще к мусульманам, но настаивающих на своей религиозной самостоятельности. Мусульмане делились на суннитов и шиитов (преимущественно шиитов-имамитов), алавитов, друзов, исмаилитов. Несколько особняком стояли немногочисленные группы сефардов (иудеев) и езидов (сохранивших остатки древнеперсидского культа огня курдов)⁷.

Ливан всегда был одним из центров арабской культуры, и к нему тяготели уроженцы всех арабских стран. В Бейруте — самые известные издательства, выпускающие до 60% литературы на арабском языке. Здесь же — больше всего студентов из арабских стран. Особенно много было сирийцев (тем более что долгое время Ливан и Сирия считались частью единой Биляд аш-Шам) и палестинцев, численность которых стала расти по мере неудач палестинцев в борьбе с сионистской колонизацией. К 1970 г. в Ливане проживало до 200 тыс. палестинцев⁸. Причем если большинство их были беженцами в лагерях ООН, то были и те, кто сумел адаптироваться к условиям страны, получил диплом о высшем образовании и входил в социальные круги инженеров, учителей, журналистов и предпринимателей.

Кроме арабов на территории Ливана живут также армяне, ассирийцы, греки, курды, турки, черкесы и другие этноменьшинства. Хотя этническая неоднородность Ливана — явление весьма давнее, столкновений и конфликтов на национальной почве в стране было мало. Конфликты, социальные противоречия и недоразумения происходили в основном на религиозной почве. Каждый ливанец и сейчас ощущает себя прежде всего приверженцем какой-либо определенной конфессиональной общины и соответствующим образом вёл и ведет себя в социальной, политической и культурной жизни.

Яркий пример этого — особенности поведения и общественно-го бытия одной из наиболее влиятельных конфессий Ливана — маронитов, недавно подробно и основательно охарактеризованных М. А. Родионовым и А. В. Сарабьевым. Они сосредотачивают внимание читателя на основных чертах «этнической культуры маронитов Ливана», связанных «с приемами жизнеобеспечения, социальными нормами, устной и письменной традицией, то есть со всем тем, что укрепляет внутригрупповую солидарность и влияет на самоидентификацию маронитов как общности». Еще большее значение для этой самоидентификации «имеет ее история, переплавленная в исторический миф, в котором церковная и светская компоненты, особенно на первых порах, практически неотделимы». Характерно, что возникшая в начале XX в. идея «Великого Ливана» высказывалась одновременно представителями маронитского духо-

венства, исходившего из связи Ливана с католической Францией, и таким видным светским интеллектуалом, как Булос (Поль) Нужаим, призывавшим вернуться к временам эмира Фахр ад-Дина Маана, «неоспоримого гения», создавшего государство, «напоминавшее больше цивилизованные страны Европы, чем вилайет Высокой Порты»⁹.

Важнейшей «реалией маронитского самосознания, сочетающего ливанский партикуляризм с космополитическим глобализмом», признается маронитская диаспора — сеть маронитских общин за пределами Ливана. И разумеется, самосознание маронитов, как и прочих конфессий Ливана, всегда формировал и формирует «яркий и запутанный мир ливанской политики, где множество партий, течений, движений и вооруженных формирований складываются в политический калейдоскоп временных блоков и альянсов, меняют и уточняют лозунги и программы, сходятся в ожесточенном противоборстве и заключают перемирия». И конечно, во всех этих акциях активно участвуют все группировки, включая маронитов, будь то депутаты или рядовые члены общин, «традиционные лидеры — займы или современные партийные активисты, ... священники и монахи или высшие иерархи Маронитской церкви вплоть до ее главы». Главой церкви является патриарх, которому подчинены 7 епархий, около 500 приходов, 80 мужских и женских монастырей, ряд богословских семинарий, по традиции связанных с Ватиканом, хотя литургическим языком маронитов всегда был сирияк (арамейский), а не латынь¹⁰.

С определенными поправками и оговорками сказанное выше можно отнести к любой конфессии Ливана, ибо каждая из них является не только религиозной, но и социально-политической силой, стремящейся играть роль в жизни ливанского общества. Однако сыграть такую роль было чрезвычайно трудно, так как Ливан с начала XVI в. был частью Османской империи, весьма жестоко угнетавшей нетурецкие и, тем более, немусульманские этносы и конфессии. Преимущественно военная цивилизация османов, пришедших за четыре века до этого на арабские земли, менялась мало и медленно, ориентируясь на жесткий централизм, административно-полицейское насилие и султанский деспотизм. Правление султана

так и называли «зуллом», т.е. тирания, при которой душилась любая свобода мысли, а всякий человек с образованием вызывал подозрение. Особенно это касалось христиан и вообще не-мусульман. Поэтому все христианские конфессии невольно сплывались вокруг самой экономически и политически мощной из них — маронитов. Поэтому нередко марониты выступали от имени всех христиан страны, а если так не всегда было официально, все равно в Ливане считали, что марониты обычно выражают преобладающее мнение христиан Ливана. Об их влиятельности свидетельствует и такой факт: с середины XVII в. консулами Франции в Бейруте назначались маронитские шейхи или богатые купцы^{10а}.

Если среди христиан Ливана ведущую роль всегда играли марониты, то среди мусульман эта роль долго принадлежала друзам, составлявшим, по разным подсчетам, 6–10% населения в 60–70-х годах XX в. О происхождении друзов также идут споры. На Западе распространена легенда, что они якобы потомки крестоносцев, укравшихся в XIII в. в Горном Ливане. Ходили также слухи, что они будто бы происходят от древних ассирийцев и даже чуть ли не от хеттов. Некоторые склонны считать их выходцами с Кавказа¹¹. Надо сказать, что все эти утверждения, содержащиеся преимущественно в британских изданиях и не имеющие под собой никакой почвы, претендовали «оевропеить» друзов, дабы их привлечь на свою сторону и использовать в своих планах, как это уже было в XIX в., когда «Англия поддерживала друзов, а Франция покровительствовала маронитам»¹². В религиозно-культурном отношении друзы, как и прочие арабы, были весьма далеки не только от европейских христиан, но и от мусульман. Еще в 1020 г. они провозгласили «живым богом» фатимидского халифа Египта аль-Хакима, уверовали в переселение душ и, отвергнув многие традиции ислама (исключая чтение Корана), усвоили некоторые обычаи зороастризма и других

* Подсчеты численности той или иной конфессии обычно мало достоверны, ибо она реально меняется не только в силу естественных причин, но и ввиду эмиграции и реэмиграции, политических и иных событий, а также преуменьшается или преувеличивается самими конфессиями или их конкурентами по соображениям пропаганды или самоутверждения, а также вследствие притока или оттока пришельцев извне — курдов, турок, арабов из других стран.

восточных религий. Они получили свое название по имени шейха ад-Дарази, наиболее известного проповедника новой веры. В то же время они верят в воскрешение аль-Хакима в качестве «грядущего Махди» (т.е. Мессии), который явится, чтобы всем воздать по заслугам¹³.

Несмотря на этноконфессиональную пестроту Ливана, сосредоточение внимания на двух общинах — маронитах и друзах — имеет свой резон и уходит своими корнями в глубину истории Ливана. Среди маронитов широко распространено представление об их непохожести на другие общины страны, об их «финикиизме», т.е. происхождении от древних финикийцев¹⁴. Не вдаваясь в споры на эту тему (ибо финикийский субстрат, как и арабский, очевидно, присущ в той или иной степени всем ливанцам), стоит указать на то, что упор маронитов на «финикиизм» имеет прежде всего политические корни, а именно — стремление отмежеваться от арабомусульманского большинства страны, подчеркнуть свою обособленность от него и культивируемую с эпохи Крестовых походов близость к Франции, Римско-католической церкви и вообще к Западу, с которым всегда была связана верхушка маронитов. Маронитская община вообще является наиболее сплоченной в Ливане, возглавляющие ее «заимы», помимо очень крепких религиозных и экономических связей (марониты — наиболее зажиточная община страны), используют для объединения единоверцев также патриархально-родовые институты «ахль аль-лязим» (т.е. группы родственных семей), «джиб» (объединения групп с общей генеалогией) и «аль» (род, клан)¹⁵.

Община друзов организована иначе. Они разделены на две группы. Первая — «уккали» (просвещенные, умнейшие знатоки), священнослужители друзов, знающие тайну ожидаемого бога аль-Хакима и вообще религиозную доктрину и систему взглядов друзов. Они пользуются большим влиянием на остальных друзов, именуемых «джуххалы» (незнающие, непосвященные), руководствующихся указаниями уккалей. Последние — фактически духовенство друзов — периодически собираются на сходки в особых религиозных помещениях — хальва, куда не допускаются джуххалы. В 70-е гг. в Ливане было до 50 таких хальва. Среди джуххалов —

крестьяне, ремесленники, феодалы (раисы). Но раисы, обладая политической и экономической властью, не обладают религиозной. Несколько закрытый и полумистический характер организации друзов связан с их жестокими преследованиями во времена Айюбидов, мамлюков и османов. В независимом Ливане друзы постепенно демократизируются¹⁶.

К началу XX в. марониты и друзы были наиболее активными общинами страны, хотя и не составляли большинства. Сунниты, представлявшие примерно 20% населения, не были едины: часть их была верна османскому султану (как халифу всех мусульман-суннитов), другая часть, особенно угнетаемая феодалами-иноверцами, поддерживала идеи арабского национализма и пропагандируемого Стамбулом панисламизма, третья часть (прежде всего в районах с суннитским меньшинством) пыталась найти взаимопонимание с другими общинами. Британский политолог и социолог Майкл Джонсон, проследивший эволюцию суннитской общины Ливана за 150 лет, считает, что это были годы почти непрерывного упадка роли и положения суннитов, постепенно отступавших перед лицом «христианской конкуренции», а к 1985 г. окончательно потерявших контроль над «мусульманской половиной Бейрута, перешедшей под влияние шиитской милиции, враждебной суннитам». Вместе с тем Джонсон указывает на «стабилизирующую роль суннитов» в Ливане. Среди суннитов, как и в других общинах Ливана, огромный вес имели отношения патрон — клиент, предполагавшие не столько классовое или социальное деление, сколько наличие заимов (вождей), кабадаи (лидеров того или иного квартала) и рядовых активистов. В подобных условиях партии, профсоюзы и общественные организации неизбежно носили конфессиональный характер. Например, и Торговая палата, и партия «Катаиб» (Фаланги) были преимущественно христианскими.

Пестрота социально-политического строя умножалась наличием «мощных политических боссов (заимов) на местах, которые развивали механизмы по набору своих клиентов и контролю за ними». Наиболее ярко выраженная среди суннитов западного Бейрута эта система клиентелизма постепенно распространилась на всю страну, поощряемая к тому же соперничеством на уровне кабадаи и

кварталах городов и феодалов-землевладельцев в селах. Что касается мусульман-шиитов (имамитов) или, как их называли в стране, мутуалиев, то они, будучи по удельному весу примерно равны суннитам, рассредоточились по всей стране, на 90% представляя собой почти неорганизованную (до 70-х гг.) сельскую бедноту, а горожане из их среды, как и жители пригородов и окрестных городов (в основном в Бейруте и Баальбеке), ориентировались главным образом на Иран.

Таким образом, исторически сложившаяся этнокультурная и религиозная пестрота ливанского общества придает Ливану особую оригинальность и неповторимость. Эта страна не укладывается ни в одну из культурологических и политико-исторических схем, применяемых к Востоку западными учеными, в том числе — в схему Фернана Броделя, разделившего в 1977 г. все страны Средиземноморья на «Запад, ислам и греческую вселенную». Все эти цивилизации представлены в Ливане, но — в тесном слиянии с другими¹⁷.

На положение в стране влияют и ливанские диаспоры за рубежом, то что называлось раньше «заморским Ливаном»¹⁸. Они в 60-е гг. имели даже особый «Банк заморского Ливана», который ежегодно проводил в Бейруте конференции представителей диаспор. Всего тогда в Бейруте было 93 банка, среди владельцев которых, кроме ливанцев, были палестинцы, саудовцы, американцы, французы, итальянцы, голландцы и прочие. Характерны были и названия этих учреждений, называвшихся не арабским словом «мас-раф», а европейским — «банк». Большинство их было ориентировано на весь Ближний Восток, Африку и Америку: «Арабо-африканский», «Банк Кувейта и арабского мира», «Банк арабской экономики». Лишь «Банк ливанского процветания» и «Банк кедров» выглядели «патриотичнее» прочих. Бейрут был тогда крупнейшим международным финансовым центром¹⁹.

И это нисколько не удивляет, ибо, по некоторым данным, в самом Ливане, включая осевших в нем мигрантов, проживало в 80-е гг. около 3 млн чел., а за пределами страны — около 4 млн ливанцев²⁰. Причем зарубежные диаспоры росли явно быстрее: ведь в 1965 г. вне Ливана проживало более чем втрое меньше, т.е. около

1,2 млн ливанцев, из них треть — в США, примерно половина — в Южной Америке, остальные — в Африке и на Ближнем Востоке²¹.

Зарубежные диаспоры ливанцев образовались в основном в XIX в. как средство спасения от упомянутого выше «зулума». Сначала они выезжали в Египет, который, формально входя в состав Османской империи, реально ей уже не подчинялся. Правители Египта (паши, а затем — хедивы) после 1841 г. гораздо чаще оглядывались на Лондон и Париж, чем на Стамбул. Поэтому ливанцы, прибывавшие в Египет, были гораздо свободнее в своих действиях, чем у себя на родине, основывали предприятия, владели акциями, издавали прессу, включая широко известную в арабском мире газету «Аль-Ахрам» (Пирамиды), основанную в 1875 г. ливанцами Бешарой и Салимом Такла. То же самое относится ко многим другим арабоязычным периодическим изданиям. В Ливане было больше грамотных журналистов, литераторов, педагогов, но главное — меньше возможностей выступить с критикой османских порядков.

На фоне довольно бурных событий, переживавшихся Ливаном в первой половине XIX в. (достаточно вспомнить о друзско-маронитских столкновениях, османских репрессиях и неоднократном вмешательстве западных держав), страна успешно развивалась в культурном отношении. Она была одним из главных участников духовного, литературно-политического и общественного подъема, постепенно распространившегося на весь арабский мир и получившего название «Ан-Нахда аль-Арабийя», т.е. Арабское возрождение. В определенной мере этому способствовала и деятельность христианских духовных миссий, направлявшихся в Ливан великими державами, заинтересовавшимися так называемым Восточным вопросом после выхода России к берегам Черного моря и Кавказа.

Первые миссии были направлены на Ближний Восток формально Ватиканом, а фактически Францией, без поддержки которой папский престол вряд ли что-либо смог сделать. Это было естественно, ибо с 1110 г. марониты активно сотрудничали с крестоносцами, включая военное сотрудничество, а в 1182 г. заключили унию с Римско-католической церковью, которой с тех пор и придерживаются²². Руками миссионеров-иезуитов и лазаритов было создано множество школ и семинарий, выпускники которых потом завер-

шали образование в Риме, Париже и Брюсселе. В 1820 г. в Бейрут прибыли первые американские миссионеры-протестанты. В течение 40 лет они выстроили свыше 30 школ, арабскую типографию, а в 1866 г. — Сирийский протестантский колледж, реорганизованный в дальнейшем в Американский университет в Бейруте (по его подобию возник впоследствии такой же университет в Каире). Менее успешна была деятельность английских и немецких миссионеров, хотя усилиями Лондона в Иерусалиме был учрежден англо-пруссский епископат²³.

Западные миссионеры не случайно ориентировались на местных христиан, которые в Ливане преобладали не только численно, но и экономически. Еще в 1827 г. из 34 фирм, которые вели торговлю Бейрута с Европой, 15 принадлежали местным христианам, 6 — мусульманам, остальные — иностранцам.

В Палестине с 1847 г. действовали русские духовные миссии, а чуть позже — Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО). Оно создавало больницы, библиотеки, школы в различных городах Ливана, Сирии и Палестины. Школы ИППО воспитывали широко образованных людей, что может лично подтвердить автор этих строк, обучавшийся арабскому языку у выпускницы школы ИППО в Бейт-Джале Кульсум Наср Оды (Клавдии Викторовны Оде-Васильевой) и встречавшийся в 1967 г. с другим выпускником этой школы, известным ливанским писателем и поэтом Михаилом Нуайме. Ему тогда было 78 лет, но он отлично помнил русский язык, на котором не говорил уже 56 лет, читал наизусть стихи русских поэтов и довольно квалифицированно судил о русской литературе. (Великий русско-украинский арабист академик Агафангел Крымский писал еще в 20-е гг., что Нуайме в Полтавской семинарии «получил вкус ... больше всего к лучшей русской словесности и к критике Белинского».) По его словам, почти все, кто с ним учился, также сохранили на всю жизнь неплохое знание русского языка. Это просто поражало, особенно ввиду того, что мы знали: после учебы в русской школе и Полтавской семинарии Нуайме 20 лет прожил в США, писал как по-арабски, так и по-английски, и считался одним из основателей так называемой сиро-американской школы новоарабской литературы. Вместе с тем он

сохранил глубокое уважение к творчеству своих коллег по движению Арабского Возрождения. Запомнилась и его фраза: «Ведь для того, чтобы дальше заглянуть в будущее, нам надо почаще и получше учиться у собственного прошлого»²⁴.

И ливанцы учились, причем более результативно, чем их соседи и собратья, так как уже к середине XIX в. Ливан оказался самой развитой в социокультурном отношении страной региона. В 1841 г. они свергли эмира, уничтожив феодальный характер своего государства. Попытка более состоятельных и пользовавшихся поддержкой извне маронитов восстановить режим эмирата во главе со своей династией Шихабов была блокирована восстанием друзов в 1842 г. В 1843 г. османы вынуждены были согласиться на управление Ливаном двумя наместниками каймакамами — мусульманским и христианским. Дабы еще более осложнить положение, консул Франции в 1844 г. предложил в каждую деревню со смешанным населением назначать двух вакилей (старост) от мусульман и христиан. Это вызвало восстание крестьян-маронитов, начавших истреблять феодалов-друзов. Друзы ответили на это резней маронитов. К осени 1845 г. вражда была прекращена ценой нового изменения системы управления: при каждом каймакаме создавался совет, ведавший судебной властью и налогообложением. В совет входили по два маронита, два друга, два суннита, два православных и два греко-униата. Ничего не решив, данная реформа лишь внедрила в политическую жизнь Ливана принцип конфессионализма, т.е. тщательного распределения всех постов и средств влияния между различными конфессиями.

Конечно, помощь извне в области образования и культурно-просветительской деятельности имела разные, часто противоположные, последствия для Ливана. С одной стороны, в стране готовились, причем более быстро и качественно, кадры интеллигенции и специалистов, с другой — формировался (в том числе из этой же интеллигенции) влиятельный слой компрадоров и лиц прозападной ориентации, которых в Ливане всегда было более чем достаточно ввиду геостратегической роли страны как «Ворот Запада на Востоку» и обратно. К тому же посреднические функции Ливана в мировой торговле лишь возросли с началом эпохи колониализма, что при-

влекло к нему дополнительное внимание держав. Вместе с тем ливанцы, получившие образование за рубежом или в школах миссионеров у себя на родине, смогли духовно овладеть наиболее передовыми идеалами западной демократии, что давало возможность более целенаправленно и осмысленно бороться против феодальных пережитков, религиозного фанатизма и султанского деспотизма «зулума». В Бейруте уже тогда возникали частные типографии. Позднее они возникали и в Сайде.

Таким образом, ливанским просветителям было где высказывать свои идеи. Следуя им, против «зулума» стали выступать наиболее видные представители интеллектуальной элиты того времени, такие как Бутрус аль-Бустани (1819—1883), его родственник Сулейман аль-Бустани, поэт Насиф Язиджи и его сын Ибрахим. Бутрус аль-Бустани, один из первых публицистов, просветителей и педагогов Ливана, решительно выступал против религиозной нетерпимости (главной причины раскола среди ливанцев), клерикальной розни и фанатизма. Он основал первую арабскую национальную школу, начал издавать журналы, посвященные как арабской культуре, так и ознакомлению арабов с достижениями европейской культуры. Огромная его заслуга — издание первых семи томов арабской энциклопедии «Даират аль-маариф» (Круг знаний). Ее издание впоследствии продолжил Сулейман аль-Бустани*. Насиф и Ибрагим Язиджи возобновили в 1868 г. деятельность Арабского научного общества, созданного еще в 1857 г. представителями ливанской интеллигенции без различия религиозной принадлежности.

Их деятельность проходила на фоне очередного обострения политической ситуации в стране. «Высочайший манифест» (Хатт-и-хумаюн) османского султана в 1856 г. расширял права немусульман и их возможности вести экономическую деятельность. Манифест был издан под прямым давлением западных держав, заинтересованных в расширении привилегий своих подданных, подвизавшихся в Османской империи, а также — своей агентуры из верхушки немусульманских меньшинств империи. Однако непосредственной реак-

* В 1967 г. автор этих строк встречался в Бейруте с Фуадом аль-Бустани, потомком этого славного рода, который тогда занимался в Национальном университете Ливана переизданием и дополнением «Даират аль-маариф» наших дней.

цией на манифест стало выступление крестьян-маронитов области Кесруана, потребовавших освобождения от всех феодальных повинностей, отмены привилегий знати (независимо от ее религиозной принадлежности) и справедливого налогообложения²⁵. Восстав осенью 1859 г., они избрали своим каймакамом простого кузнеца Таниуса Шахина. Однако эта внезапно возникшая «республика бедноты» была буквально потоплена в кровавой истерии новой друзско-маронитской резни, хотя поначалу марониты-крестьяне изгоняли преимущественно маронитов-феодалов. В результате многие маронитские феодалы весьма нерешительно действовали против друзов, которым помогали части османской армии, местные шииты и сунниты, даже британская агентура, в то время как маронитов всячески поощряла французская дипломатия, а местные православные и протестанты старались сохранить нейтралитет²⁶.

В результате марониты и вообще христиане понесли большие потери. Только в Ливане были убиты 22 тыс. чел., полностью уничтожены 60 (по другим данным — 360) деревень, 560 церквей, 42 монастыря и 23 школы. Кровопролитие распространилось и на Сирию, выразившись, в частности, в христианском погроме в Дамаске, во время которого были убиты 5 тыс. христиан, уничтожена библиотека древних рукописей и книг, разграблена церковная утварь. В Антиохийском патриархате были убиты 17 тыс. христиан, сожжены 10 тыс. детей, изрублены 7 тыс. женщин²⁷.

От полного уничтожения христиан в Дамаске спас только национальный герой Алжира эмир Абд аль-Кадир, живший в Дамаске в качестве изгнанника и укрывший в своем дворце многих христиан (за что он получил ордена от ряда европейских государств, в том числе России). Тем не менее зверства фанатиков создали повод для вмешательства извне. Опасаясь этого, османы провели в Дамаске показательную расправу, расстреляв 11, повесив 57, осудив на казнь 325 и выслав 145 наиболее активных участников событий²⁸.

Тем не менее в августе 1860 г. в Бейруте высадились французские войска. Наполеон III, претендовавший в Европе на главную роль после Крымской войны и поощряемый трудностями англичан в Индии, где они с трудом подавили восстание сипаев, всерьез рассчитывал на захват Сирии. Однако к этому времени беспорядки в

стране в основном прекратились, причем марониты — главная опора Франции — были серьезно ослаблены. Казалось, французы опоздали и свели свое пребывание в Ливане к бесполезным «торжественным маршам». Однако с их помощью феодальный деятель Юсуф Карам смог подавить восстание крестьян в Кесруане и вернуть земли маронитским шейхам, частично восстановив позиции маронитов на севере страны.

Еще более важным результатом французской интервенции (формально закончившейся под давлением Великобритании и Австрии к июню 1861 г.) стала выработка нового «Органического статута Ливана». Он был оформлен как конвенция Османской империи с европейскими державами и предусматривал превращение Горного Ливана (без побережья) в автономную область (мутасаррифию) во главе с губернатором-христианином, непосредственно подчиненным султану. При губернаторе формировался совет из 12 членов (по два от каждой конфессии — друзов, маронитов, суннитов, шиитов, православных и греков-униатов). Область была разделена на 6 мудирий (директоратов), которые возглавлялись тремя маронитами, одним друзом, одним православным и одним греко-униатом. Центром области стал Дейр аль-Камар. При каждом мудире создавались окружные советы, а все должности чиновников распределялись по определенной пропорции между религиозными группировками. Через три года статут был изменен. Был учрежден еще один маронитский округ и реорганизован совет при губернаторе: в него теперь входили 4 маронита, три друга, трое православных и греко-униатов, один суннит и один шиит²⁹. В таком виде Органический статут функционировал до 1914 г.

Он, безусловно, усилил позиции маронитов в стране. Им принадлежала власть в 4 из 7 округов мутасаррифий. Шестая часть всех земель мутасаррифий была собственностью маронитской церкви. Из 102 мужских монастырей с 1366 монахами маронитам принадлежали 71 монастырь с 1054 монахами, из 22 женских с 301 монахиней — 14 монастырей с 278 монахинями. Они доминировали и среди массовой эмиграции, охватившей во второй половине XIX в. около 25% ливанцев. Из Ливана в 1860–1900 гг. ежегодно выезжали в США и Египет по 3 тыс. чел., а в 1900–1915 гг. — по

15 тыс. чел. После 1921 г. последовал спад, но в 1951–1959 гг. в среднем — по 2850 чел. В результате к 1973 г. вне Ливана оказалась 1/2 ливанцев (1 089 040 чел.). Вследствие эмиграции (но также и урбанизации) в деревнях уже к 1962 г. осталось лишь 26,7% населения страны³⁰.

Интересно отметить, что среди эмигрантов оказались и четыре наиболее талантливых ливанских писателя XX в. Это — рано скончавшийся в Бостоне в 1931 г. Джубран Халиль Джубран (его музей сейчас действует в его родном селении Бшарре — высокогорном, красивом, напоминающем театральную декорацию), уже упоминавшийся нами Михаил Нуайме, уехавший в Египет исторический романист Джирджи Зейдан и много скитавшийся по свету своеобразный мыслитель, литератор, публицист и поэт Амин ар-Рейхани. Вместе с Нуайме и Джубраном ар-Рейхани участвовал в деятельности «Писательской Лиги», созданной в Нью-Йорке молодыми литераторами Сирии и Ливана, которые выпускали газету «Ас-Саих» (Путешественник), стихи, альманахи, играя роль своего рода посредников между арабской и западной культурой (ар-Рейхани, кстати, начинал свою литературную деятельность на английском языке, так как с 12 лет жил в США). При этом ар-Рейхани всегда занимал несколько особую позицию благородного, но в чем-то наивного и политически неопытного гуманиста, уверенного, что все трудные проблемы общества можно решить бескровно, путем «мирной революции»³¹.

Вместе с тем Амин ар-Рейхани был одним из первых писателей Ливана, который критически отнесся к безудержной идеализации Франции в ливанских школах и прессе, французских миссионеров, прежде всего иезуитов в Ливане. «Французская нация, — писал ар-Рейхани в 1924 г., — это павлин с блестящими перьями, и ее школы распускали свой павлиний хвост по всему Ливану, прививая нам мысль, что Франция — величайшая нация на земле, благороднейшая нация, самая богатая нация, самая просвещенная нация, что она — полюс цивилизации, столица света и красоты». Однако Рейхани при этом вовсе не был франкофобом. Более того, поселившись (на некоторое время) в Америке, он оставался верен культуре Франции (подобные противоречия не так уж редки в мировоззрении

художественно одаренных людей) и говорил тогда: “Сердце мое — в Париже, тело — в Нью-Йорке”»³².

Очевидно, так думал не только он, ибо почти все образованные марониты начинали с восхищения всем французским, искренне считая Париж «культурной столицей» мира (что во многом было правдой на стыке XIX–XX вв.), но затем перебирались в США, где было более открытое и пестрое в этноконфессиональном отношении общество, больше возможностей для бизнеса, издания своих книг и личного материального процветания. Впрочем, марониты, весьма предприимчивые и энергичные, всюду были в первых рядах ливанских эмигрантов. Этому способствовали их организация в рамках Маронитской церкви, ее орденов и конгрегаций, таких как действующие с XVIII в. Ливанский маронитский орден, Ливанский маронитский орден монахинь, Антонинский маронитский орден, Конгрегация сестер-антонинок, Маронитский орден Блаженной Девы Марии, Маронитская конгрегация ливанских миссионеров, Конгрегация сестер Святого семейства. К ним надо добавить образованные в 1975 и 1976 гг. Маронитское сестричество святой Терезы и Сестричество миссионеров святой Евхаристии.

Функционеры этих конгрегаций выполняют самые разные задачи — службы в монастырях и приходах, работы в сфере религиозного воспитания и образования, в больницах, богадельнях, приютах, библиотеках, школах, университетах. Одновременно многие из них являются миссионерами. Общая численность участников этих организаций равнялась к началу XX в. примерно 1444³³. Однако их деятельность, смыкаясь с достаточно четким функционированием Маронитской церкви, веками воспитанной дисциплиной маронитского духовенства, регулярной поддержкой Ватикана и содействием католических правительств Европы, прежде всего Франции, оказывалась всегда достаточно эффективной. Тем более что марониты постепенно стали наиболее состоятельной частью ливанского общества, что тоже позволяло им задавать тон в жизни страны и не только.

Находясь на перекрестке путей с Востока на Запад и обратно, Ливан издавна, когда он еще именовался Финикией, посылал за пределы своих границ морские, торговые, военные, поисковые экспедиции, нередко колонизуя те или иные земли или же оставляя на

них запоминающийся след своего пребывания. Превратности истории (нашествия ассирийцев, персов, греко-македонцев, римлян и др.) не раз прерывали эту древнейшую миссию Ливана как моста между Востоком и Западом. Но со второй половины XIX в. она внезапно возобновилась в виде эмиграции, вызванной, с одной стороны, османским «зулумом», а с другой — резким подъемом международных экономических связей в Средиземном море, который никак не мог оставить равнодушными наследников древних финикийцев, этой нации моряков и торговцев, искателей и исследователей.

Только в Аргентину в 1888–1914 гг. прибыло 104 тыс. эмигрантов, главным образом из Ливана (но также из Сирии и Палестины)³⁴. В дальнейшем темпы и масштабы этого переселения резко возросли. Эмиграция, о которой выше уже говорилось в плане культурного и духовного влияния Ливана и движения «Арабское возрождение», имела огромное значение для всего Арабского Востока. Она познакомила с Европой и США также сирийцев и палестинцев, но мы здесь ограничимся ее значением для Ливана. А в жизни Ливана эмиграция тоже усилила влияние маронитов, которые составили большинство эмигрантов — 2171 тыс. чел. из примерно 4 млн выехавших³⁵. Иными словами, их голос звучал достаточно громко и в руководстве ливанских диаспор за рубежом.

Однако экономическое, духовное и прочее влияние ливанцев во главе с маронитами и их «заимами» не могло найти себе выхода в условиях османского «зулума». Крупные волнения, происходившие тогда в Ливане и Сирии (в то время они еще не были разделены), особенно в Бейруте, Триполи, Халебе и Дамаске, были подавлены. Многие его участники эмигрировали. В 1904 г. ливанец Наджиб Азури основал в Париже Лигу арабской родины, а в 1905 г. издал книгу «Пробуждение арабской нации». С 1907 г. он стал издавать журнал, проповедовавший лозунг: «Арабские страны — арабам». Но, призывая всех арабов восстать и, объединившись, создать общearабское государство, Азури не включал в него ни фактически захваченный Англией Египет, ни страны Магриба, ставшие объектом колониальных интересов Франции, а также Италии и Испании. И ливанские, и прочие арабские националисты, надеясь на помощь Запада, избегали любых трений с западными державами.

Начало XX в. было временем не только «пробуждения Азии», как было принято писать в нашей литературе (имея при этом в виду революции в Китае, Иране и Османской империи), но и временем окончательного разочарования арабов в возможности обрести свои права в рамках Османской империи. Возникшая после младотурецкой революции 1906 г. первая массовая партия в арабском мире называлась «Арабо-османское братство» и считала арабов «элементом османского народа». Однако первые же выборы после революции показали истинную суть вышеупомянутого «братства»: из 245 депутатов 150 были турками и только 60 арабами, хотя из 22 млн жителей Османской империи арабы составляли почти половину — 10,5 млн чел., а турки около трети — 7,5 млн чел. Все это, как и последующее поведение младотурок, вызвало сильное недовольство даже арабских феодалов, не говоря уже о буржуазии и, тем более, широких слоях арабов³⁶. Стали возникать уже «чисто» арабские тайные общества, клубы, партии, постепенно переходившие на позиции борьбы против османского ига. Они установили связи с консульствами Англии и Франции, получая через них финансовую и прочую поддержку. В декабре 1912 г. премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре заявил об «особых интересах» Франции в Сирии и Ливане, о решимости защищать ее «традиционные позиции» в этих странах, о «симпатиях» местного населения к Франции, имеющей право отстаивать свои позиции и интересы на Ближнем Востоке. Одновременно Франция добилась расширения автономии Ливана.

К рубежу XIX–XX вв. Франция была крупнейшим инвестором и кредитором Османской империи, контролируя в 1914 г. 53% (а по другим данным — 61%) всех иностранных инвестиций в ее экономику. Англия, встревоженная проникновением Германии на Ближний Восток, с 1898 г. не препятствовала экономической (а еще раньше — культурной) экспансии Франции в страны Леванта, молча признав за ней роль «ближневосточного банкира». Это поощрило правящие круги Франции (и стоявшие за их спиной банки Кредитного союза и Сосетэ Женераль) на еще большую активность в странах Леванта, что проявилось и в открытой поддержке антиосманских тенденций среди арабских националистов³⁷.

Хотя брожение охватило все провинции Османской империи, наибольшую активность проявляли «Лига реформ» в Бейруте и общество «Ливанское пробуждение», которые поддерживали постоянный контакт с центрами ливанской эмиграции в Египте, США, Франции и даже с французским правительством. Волна массовых митингов в поддержку общеарабских требований была подавлена младотурками. В июне 1913 г. в Париже был созван первый все-арабский конгресс. В нем участвовали 24 делегата (19 от Ливана и Сирии, 2 — от Ирака, 3 — от арабских общин США) и свыше 200 гостей, которые потребовали признания национальных прав арабов и автономии их провинций. Под давлением Франции Стамбул согласился выполнить все требования конгресса, но реально ничего сделано не было. Поэтому осенью 1913 г. арабы стали готовить вооруженное восстание. Однако в начале 1914 г. глава заговора майор Азиз Али аль-Масри был арестован младотурками и приговорен к смерти. Английскому посольству удалось спасти аль-Масри и вывезти его в Египет. Незадолго до начала Первой мировой войны арабская Партия децентрализации (ранее добивавшаяся лишь «либерализации» османских порядков) заключила с французским послом в Стамбуле соглашение о поставке арабам 20 тыс. винтовок, присылке военных инструкторов и т.д. В 1912 г. французский броненосец «Жюль Ферри» прибыл в порт Джуния. Его капитан нанес визит маронитскому патриарху, открыто продемонстрировав намерения Франции, о которых говорил Р. Пуанкаре. С ливанской стороны тоже последовало ответное выражение «симпатий»: Лига реформ и «Общество ливанского возрождения» в 1913 г. предложили Франции оккупировать Ливан и Сирию, а Партия децентрализации просила также посла Франции Бомпара о финансовой и политической помощи арабскому восстанию³⁸.

Однако организовать подобное восстание ни в Ливане, ни в других арабских провинциях Османской империи не удалось. Одной из причин этого явилась этническая и религиозная неоднородность ливанцев, их социальная дробность и общинная разобщенность. Сунниты и шииты, друзья и марониты, турки и армяне (а также халдеи и греки) не изжили к началу Первой мировой войны своей исторической вражды. Разногласия были даже внутри той или

иной этнической или конфессиональной общности (несториане и халдеи среди ассирийцев, православные и униаты среди арабов и греков). Да и политические ориентации различных групп далеко не были одинаковы. Среди суннитов, например, были и последователи арабского национализма и арабского единства, но также — традиционалисты, слепо доверявшие османскому султану. Даже среди религиозных меньшинств, в целом критически относившихся к режиму «зулума», да и к оголтелому пантюркизму младотурок, задававших тон в Османской империи после 1909 г., находились авторитетные лидеры, заявлявшие, подобно друзскому эмиру Шакибу Арслану: «Халифат Османов — это гарантия для Востока»³⁹.

Несмотря на относительно большую развитость Ливана по сравнению с его арабскими соседями, страна все же была в основном докапиталистической, вернее — «недокапиталистической» к началу Первой мировой войны. Крупное феодальное землевладение (в том числе в более культурной христианской среде) по-прежнему доминировало, сочетаясь с патриархально-натуральным укладом в деревне (что не исключало наличия мелкотоварного крестьянства) и преобладанием родоплеменных связей между сельскими и даже кое-где городскими жителями. Распространенность ростовщичества и долговой кабалы, прочих добуржуазных традиционных форм эксплуатации консервировала архаичные черты экономики и деревни, и города. Отделение ремесла от земледелия не было полностью завершено, а в промышленности преобладал ручной труд, в том числе женский и детский. Сама промышленность строилась на примитивной технике и переработке продуктов сельского хозяйства — производстве табака, шерсти, шелка, муки и масла. Лишь через полвека, в 1957 г., в Ливане промышленность стала давать 16% национального дохода, насчитывая 2906 предприятий (в том числе кустарных) с 24 200 рабочих.

Экономическая отсталость, социальная архаика, неимоверно тяжелый трудовой день по 14–16 часов в сутки, нехватка жилья в городах для постоянно пребывавших пришельцев из деревни были дополнительными стимулами для эмиграции. К концу османского владычества до 50% ливанцев жили в США, Латинской Америке, Азии, но особенно — на западе Африки, где в их руках была вся

торговля. Немало «левантинцев» (т.е. сиро-ливанских эмигрантов, в основном христиан) проживало также в Египте и других арабских странах (от Ливии до Йемена). Переводимые ими средства как-то поддерживали оставшихся на родине соотечественников. Но все же темпы развития Ливана были слишком медленными, а приток инвестиций если и имел место, то не в промышленность, не дававшую быстрой прибыли, а главным образом в торговлю, ростовщичество и земельные спекуляции. Тем не менее накануне Первой мировой войны имело место некоторое ускорение темпов развития Ливана, превратившегося в зону активной посреднической торговли и многообразного сотрудничества местной буржуазии, главным образом маронитской, армянской, греческой, еврейской, с иностранным, прежде всего французским, капиталом. Французы, давно укоренившиеся в Ливане, дополнили свое традиционное влияние в коммерции, финансовой и культурной жизни расширением позиций в дорожном строительстве, скупке урожаев табака, зерна, шерсти, хлопка. С 1883 г. здесь получила печальную известность французская монополия «Режи де таба». В ведении французских предпринимателей оказалось строительство Бейрутского порта, водопровода, газовой и электростанции⁴⁰.

К этому периоду в жизни Ливана вполне можно отнести характеристику Самира Амина и Файсала Яшара о доминировании в Средиземноморье (а следовательно, и в Ливане) «единого типа городской цивилизации, необъяснимого без торговых функций города», а также связанного с «властью городской аристократии, торговлей и клерикальной». С. Амин и Ф. Яшар даже считают, что этот городской патрициат, который, де, чужд феодализму и прокладывает какой-то свой «особый» путь, является ведущей силой в Ливане⁴¹. Эта концепция вряд ли подходит к определению ситуации в современном Ливане, но, возможно, заслуживает внимания при рассмотрении положения в стране в первые десятилетия XX в.

ПЕРИОД МАНДАТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФРАНЦИИ

С началом Первой мировой войны положение Ливана ухудшилось. Его связи с Европой, США и вообще с внешним миром были прерваны. Для страны это была почти катастрофа, так как прекращались вывоз шелка-сырца во Францию (самого ценного ливанского сырья) и ввоз из Франции многих продуктов питания. Начались рекрутские наборы (в османской армии иногда целые дивизии состояли из арабов), принудительное строительство военных объектов, на которое было мобилизовано все трудоспособное население в доступных османским властям районах. Скрыться от насильственной мобилизации было трудно. Тем более население, терявшее таким образом самую активную молодежь, безжалостно разорялось масштабными реквизициями скота и всех видов продовольствия.

Автономия Горного Ливана была ликвидирована, а сам регион — блокирован османскими войсками и фактически изолирован от окружающего мира. Естественно, уделом населения региона стали всеобщий голод, чуть ли не поголовная безработица и болезни, что привело к гибели примерно четверти (по другим данным — трети) жителей Горного Ливана. От тех же бедствий страдали и остальные ливанцы. Только в 1917 г. в Ливане умерло до 100 тыс. чел., т.е. около 25% всех проживавших в стране. Экономические и социальные бедствия сопровождались политическими. Правивший в Сирии и Ливане в годы войны морской министр Ахмед Джемаль-паша (член хозяйничавшего в империи «младотурецкого триумвирата»), сначала пытавшийся вести переговоры с арабскими националистами с целью привлечь их на свою сторону, в 1915 г. узнал об их тайных контактах с Англией и Францией. После этого он развернул кампанию жестоких репрессий против них. К середине 1916 г. были казнены более 800 деятелей национально-освободительного движения в Ливане и Сирии⁴². Это обстоятельство окончательно

привело к разрыву арабов с младотурками. Война, которая и до этого шла для Османской империи неудачно, стала быстро приближаться к своему финалу.

Плохо оснащенная, состоявшая в значительной своей части из представителей угнетенных нетурецких этносов, поставленная под контроль германских офицеров, османская армия вынуждена была воевать одновременно на Кавказе и на Синайском полуострове, в Ираке и на Балканах. Естественно, у империи не хватало ни людских, ни сырьевых, ни технических резервов для столь широкомасштабных действий. В конечном итоге она потеряла 2,6 млн чел. убитыми и ранеными, оставила обширные территории от Синая до Басры и Эрзерума, а при отступлении «компенсировала» свои неудачи расправами с наиболее значительными нетурецкими общинами — армянами и греками, а затем — и с арабами (в Сирии и Ливане, например). В результате империя была разорена, урожаи и производство резко сократились, представители нетурецких меньшинств дезертировали из армии в массовом порядке. Особенно пострадали Ливан и Сирия, через территорию которых шло отступление османских войск, весьма «отличавшихся» грабежами, погромами и убийствами, так как было известно, что британская армия фельдмаршала Алленби, гнавшая османов от Суэцкого канала, с декабря 1917 г., т.е. с момента своего вступления в Иерусалим, пользовалась содействием аравийских повстанцев во главе с эмиром Фейсалом, ранее изгнавших османов из Хиджаза⁴³.

В октябре 1918 г. Османская империя вынуждена была капитулировать. В том же месяце английские войска заняли основную часть Сирии с Дамаском, а французы высадили свои десанты на средиземноморском побережье Ливана, Сирии и даже турецкой Киликии (из которой, впрочем, вынуждены были вскоре уйти под напором «турецких партизан Мустафы Кемалю»). С октября 1918 г. французы контролировали Бейрут и другие порты Ливана. Еще в мае 1916 г. между Англией и Францией было заключено тайное соглашение Сайкс–Пико, по которому территория арабских вилайетов Османской империи после ее краха должна была быть поделена между державами — участницами соглашения. Однако ход событий (как и разногласия между обеими державами) помешал быстрому

осуществлению соглашения. Восстание арабских племен Сирии, поддержавших армию эмира Фейсала, позволило ему вступить в Дамаск 30 сентября 1918 г., на день раньше армии Алленби. Эмир Фейсал немедленно сформировал в Дамаске свое правительство, надеясь на выполнение англичанами ранее данных ими обещаний и не зная о наличии соглашения Сайкс–Пико. Но англичане отмалчивались (Сирию и Ливан они «уступали» Франции), а назначенный из Парижа «верховным комиссаром Французской Республики в Сирии (Ливан тогда считался частью Сирии) и Киликии» генерал Гуро высадился в Ливане в ноябре 1919 г. с 60 тыс. солдат и офицеров, танками, артиллерией и авиацией. И если англичане в Сирии вели себя лояльно в отношении своего союзника Фейсала, то Гуро принялся наводить свои порядки, крайне возмущившие арабов. Гуро приказал всюду снять арабские флаги, отстранил арабского губернатора Бейрута, заставил арабские отряды уйти из северо-западной Сирии и вообще изгонял чиновников, назначенных Фейсалом (которого англичане признали «военным губернатором» Сирии, не препятствовали ему в созыве панарабских конгрессов и других действиях вплоть до намерения провозгласить себя королем Сирии). В ответ на самоуправство Гуро эмир Фейсал преследовал представителей арабской элиты, занимавших профранцузскую позицию. Возмущение арабов (некоторые из них даже говорили о желании заключить сепаратный мир с османами и сражаться вместе с ними против стран Антанты) вызвали также опубликованные в ноябре 1917 г. декларация Бальфура (о признании английским правительством Палестины «национальным очагом еврейского народа») и, чуть позже, текст тайного соглашения Сайкс–Пико, обнародованный сразу после Октябрьской революции в России первым советским наркомом иностранных дел Львом Троцким.

Эмир Фейсал направился в Лондон и Париж, но в Лондоне получил лишь пустые заверения в «дружбе» и «взаимопонимании», а в Париже даже подписал протокол с «проникнемся к нему симпатией» премьером Жоржем Клемансо, который готов был признать Фейсала правителем «федеральной» (т.е. расколотой на автономии) Сирии с безусловным отделением от нее Ливана. Но англичане вскоре ушли из Сирии (в «отведенные» им по соглашению Сайкс–Пико Ирак и

Палестину), а Клемансо в январе 1920 г. вынужден был уйти в отставку (не в последнюю очередь за проявленную им и в Сирии, и в Алжире «арабофилию»). В июле 1919 г. Фейсал созвал в Дамаске Сирийский национальный конгресс (впоследствии названный «первым панарабским»), который потребовал «независимости Сирийского арабского королевства» с включением в него Сирии (в ее современных границах), а также Ливана и палестинских территорий на обоих берегах Иордана. 8 марта 1920 г. была провозглашена независимость этого королевства во главе с Фейсалом. В апреле 1920 г. была опубликована конституция этого королевства — первая в истории Сирии. Всего в XX в. их будет десять.

Однако эти действия Фейсала и его сторонников имели лишь символический характер. 5 мая 1920 г. Франция, получив от Лиги Наций мандат на управление Сирией и Ливаном, двинула свои войска вглубь Сирии. У Фейсала было всего 8 тыс. солдат, которые не смогли бы устоять против 50-тысячной армии Гуро. К тому же Фейсал колебался, не желая ссориться с Францией и веря в действительность подписанного им с Клемансо «протокола». В результате лишь 1 тыс. патриотов во главе с военным министром Юсуфом аль-Азмой попыталась задержать французов у горного прохода Майсалуи («сирийских Фермопил»). Но все они погибли в неравной схватке. За 4 дня до этого брат Фейсала эмир Зейд расстрелял демонстрацию в Дамаске, требовавшую оружия. 200 человек погибло. 25 июня войска Гуро вошли в Дамаск и начали «алжиризацию» Сирии, стараясь превратить ее в колонию, что вызвало сопротивление местных жителей во многих районах. Страна была разделена на несколько искусственных карликовых государств. Только в 1922 г. мятежи (главным образом на севере страны) вспыхивали 35 раз. К лету 1924 г. в Сирии погибло до 9 тыс. французских солдат⁴⁴.

Иная картина складывалась в Ливане, где большинство населения составляли христиане, среди которых ведущее место занимали марониты (242,3 тыс. из 414,8 тыс. чел. всего населения Ливана, т.е. 58,5% в 1918 г.). К переписи 1932 г. их доля сократилась (227,9 тыс. из 793 тыс. чел., т.е. 28,7%), но с учетом зарубежных общин маронитов составила 351,8 тыс. из 1078 тыс. чел., т.е. 33,5%. Кроме того, надо учесть, что маронитов практически всегда поддерживали хри-

стианские общины, ориентировавшиеся на Ватикан: армяно-католики, греко-католики и ассиро-католики (халдеи). Вследствие этого даже в 70-х гг. XX в. и даже французские авторы писали, что Франция чуть ли не искусственным путем объединила в рамках Ливана «горный Ливан — твердыню христиан-маронитов и мусульман друзов», побережье от Триполи до Тира и 4 префектуры «с преобладанием мусульман, но не менее чем с 18 религиозными общинами» — Баальбек, Бекаа, Хасбайя и Рашайя, — отторгнутые от Сирии». Франция не встретила в Ливане такого сопротивления, как в Сирии, а, наоборот, имела возможность использовать давние религиозные и культурные связи, вековые традиции крестоносцев и миссионеров, а также сыграть на интересах местных феодальных кланов, вождей конфессиональных общин и предпринимателей (наиболее богатых и активных среди маронитов), которые давно уже ориентировались на торговлю и прочие экономические и финансовые связи с Францией, на бизнес-партнерство с французскими банками и монополиями, конторы которых давно обосновались в Ливане и были заинтересованы в расширении транзитной и посреднической коммерции на территории страны с помощью своих давних союзников-христиан. Поэтому на Парижскую мирную конференцию 1919 г. были направлены сразу 3 ливанских делегации (большинство арабских стран там вообще не были представлены). Одну из них возглавлял маронитский патриарх Ильяс Хувайек. Все делегации поддерживали план создания ливанского государства под протекторатом Франции. Оно и было создано 1 сентября 1920 г. под названием «Великий Ливан» во главе губернатором-французом и органами власти, реально осуществлявшими лишь совещательные функции⁴⁵.

Полумарионеточный характер режима, установленного в Ливане, вовсе не означал «полной лояльности» ливанцев утвердившим свою власть колонизаторам. Среди шиитов и суннитов, населявших вошедшие в состав «Великого Ливана» (его территория совпадала с территорией современного Ливана) районы (Бейрут, Триполи, Сайду, Сур и др.), нашлось немало противников колониального господства Франции. И хотя их было (по данным 1913 г.) 85 232 чел., т.е. всего 20,5% населения, в дальнейшем соотношение сил менялось в

их пользу, например: в 1932 г. на 397 026 христиан приходилось уже 386 499 мусульман (по другим данным, христиан было 392 544 чел., т.е. 50%, а мусульман — 383 180 чел., т.е. 48%)⁴⁶. В дальнейшем эта тенденция усиливалась и вплоть до наших дней является одной из причин внутривосточной напряженности в стране.

Французские власти, руководствуясь положениями соглашения Сайкс–Пико, еще до решения Совета Лиги Наций о предоставлении Франции мандата на управление Ливаном начали создавать структуру этого управления. В апреле 1919 г. был учрежден Банк Сирии и Ливана, полностью принадлежавший французскому капиталу. Ряд других банков Франции открыли в Ливане свои филиалы, а французские компании получили выгодные концессии. Экономика Ливана все больше подчинялась интересам державы — мандатария, все больше интегрировалась в систему хозяйственных связей Франции.

Следует подчеркнуть, что французское влияние в Сирии и Ливане было подготовлено не только давностью экономического проникновения Франции на Ближний Восток, но и воспитанием необходимых для этого кадров на местах. В странах Леванта (т.е. Сирии и Ливане) достаточно эффективно функционировала сеть французских школ (включая школы католических миссионеров), в которых к 1914 г. обучались 58 тыс. учеников. Эти школы прежде всего именно в Ливане (гораздо меньше в Сирии) вместе с возвышавшимся над ними иезуитским университетом Сен-Жозеф (Святого Иосифа) в Бейруте выпускали хорошо образованных приверженцев всего французского — культуры, литературы, нравов, образа мыслей, политической ориентации. Благодаря этому влияние Франции в странах Леванта, особенно в Ливане, превосходило влияние Великобритании, у которой в регионе и миссионерских школ, и потенциальных сторонников (из числа немногочисленных протестантов и лишь немногих мусульман) было меньше. Более серьезным конкурентом французов были США, влияние которых шло также через религиозные миссии и учебные заведения, главным из которых был Сирийский протестантский колледж (впоследствии — Американский университет в Бейруте)⁴⁷. Но влияние американцев — и по давности, и

по значимости в глазах жителей Леванта — все же уступало французскому.

Принимая во внимание вышеуказанную расстановку сил, следует учесть, что в 1914—1918 гг. она изменилась. США, до 1917 г. не участвовавшие в войне, почти сохранили в Леванте свое присутствие, в то время как учреждения Англии и Франции были закрыты. В то же время к концу войны имели место трения и между англичанами и французами, что выразилось и в неравенстве их военных сил: Франция имела к осени 1918 г. на Ближнем Востоке всего лишь 8 тыс., а Англия — 45 тыс. солдат и офицеров. К тому же больше половины французского контингента составлял «Восточный легион», состоявший из армян и арабов (либо довоенных эмигрантов из Ливана, либо взятых в плен военнотружеников османской армии). Боеготовность и дисциплина в «Легионе» были низки, но англичане, фактически контролировавшие ситуацию в Леванте в 1918—1919 гг., не разрешали присылать из Франции никаких подкреплений и даже никаких гражданских служащих. Очевидно, британское правительство надеялось все же в нарушение соглашения Сайкс—Пико установить свою власть и в странах Леванта, чем и объяснялась внешняя «лояльность» англичан правительству эмира Фейсала и даже потворство его попыткам создать в Сирии «арабское королевство». Представители Лондона за спиной французов внушали арабской знати: «Мы хорошо знаем, как отучить (*dégoûter*) Сирию от Франции и Францию от Сирии»⁴⁸.

Англичане не только говорили, но и делали: под разными предлогами затрудняли доступ бизнесменам Франции в страны Леванта, не разрешали им использовать порт Бейрута, вынуждали всех небританцев въезжать в Сирию и Ливан через Каир, где максимально затягивали выдачу, особенно французам, соответствующих документов и лицензий, одновременно максимально содействуя во всем подданным Великобритании. Более того, англичане даже стали поощрять в Каире и Дамаске деятельность арабских националистов, как бы «не замечая» антифранцузских демонстраций, петиций и других акций сирийцев и ливанцев. Франция, в сложившихся обстоятельствах вынужденная считаться с доминированием англичан, тем не менее не намерена была отступить. Уже в ноябре 1918 г. Па-

риж назначил верховным комиссаром Франции в Сирии и Ливане Жоржа Пико, одного из соавторов соглашения Сайкс–Пико, с явным напоминанием Лондону о необходимости соблюдать это соглашение. Об этом же сказал 29 декабря 1918 г. министр иностранных дел Франции Пишон: «Мы имеем в турецкой империи неоспоримые права, которые должны защищать ... в Ливане, в Сирии, в Палестине». Пишон даже сослался при этом не только на «исторические условия», «соглашения и договоры», но и на «желания и потребности местных жителей, которые в течение долгого времени являются нашими клиентами». Совершенно ясно, что министр имел в виду верхушку христиан Ливана, особенно маронитов, и явно игнорировал «желания и потребности» мусульман, в первую очередь суннитов, настроенных в основном (не без участия англичан) против Франции.

Попытка найти компромисс в ходе переговоров в Лондоне в декабре 1918 г. практически мало что дала, хотя французский премьер Жорж Клемансо во время одной из встреч с британским премьером Дэвидом Ллойд-Джорджем дал согласие на передачу Англии богатого нефтью региона Мосула (кроме Англии и Франции на него претендовала и Турция, ссылавшаяся на то, что в этой области Ирака проживало тогда немало турок и курдов). Клемансо также согласился на установление полного господства Англии над Палестиной. У некоторых европейцев это вызвало «недоумение». Но удивляться было нечему. И Мосул, и Палестина были заняты британскими войсками. К тому же Франция не имела там никакого влияния. Поэтому Клемансо трезво рассудил: лучше эти регионы отдать, но сохранить за собой страны Леванта, где у Франции было и политическое влияние, и давние экономические связи, и еще более давние культурные, религиозные и просто человеческие контакты. Правда, Клемансо потом представлял уступку Мосула как «аванс за получение Киликии», но, скорее всего, он и сам вряд ли верил в реальность подобной сделки⁴⁹.

Вообще период 1918–1920 гг. был временем ожесточенной борьбы, иногда скрытой, иногда открытой, за раздел арабских областей прекратившей свое существование Османской империи. Позиции Англии в этой борьбе были сильнее, чем она и пыталась вос-

пользоваться для пересмотра соглашения Сайкс–Пико в свою пользу. Однако в целом ей это не удалось. Лондону пришлось учитывать многие факторы, рожденные политическими переменами 1917–1918 гг. Английские войска в 1918–1919 гг. находились на территории России (в связи с вмешательством англичан в гражданскую войну в России), Египта, Судана, Турции, Ирана, Ирака, Сирии, Ливана, Палестины, Индии, Афганистана. И везде они противостояли большинству населения и пытались решать задачи, часто невыполнимые, в частности — свержение неугодных им национальных правительств или подавление массовых народных движений с ярко выраженной антибританской направленностью. В этих условиях англичане в основном пытались решить все послевоенные конфликты преимущественно путем компромисса, сговора с местной верхушкой и лишь в редких случаях прибегали к силовому варианту, после которого, кстати, тоже следовал обычно компромисс или сговор с верхушкой (например, в Египте, Ираке, Афганистане). Тем более Англия не могла в сложившейся ситуации позволить себе открыто ссориться с союзниками, прежде всего с Францией и США, или игнорировать мнение Лиги Наций.

Поэтому англичане спокойно «ушли» из Ливана и Сирии, заручившись согласием Франции на «передачу» им Ирака (включая богатый нефтью регион Мосула, ранее бывший предметом спора Англии, Франции и Турции) и Палестины и не очень беспокоясь о судьбе брошенного ими Фейсала. Французы же немедленно изгнали Фейсала как ставленника англичан, тем самым уничтожив только зарождавшуюся сирийскую государственность. Практически это привело к тому, что вооруженное сопротивление сирийцев продолжалось до 1927 г.⁵⁰ Это не вызывает удивления: за год становления господства Франции в Сирии, т.е. летом 1919 г., американская комиссия Кинга–Крейна произвела опрос населения «Великой Сирии», т.е. стран Леванта и Палестины, собрав 1863 петиции, 80% которых требовали сохранить единство Великой Сирии, 73% — ее абсолютной независимости, 59% — провозгласить ее «демократическим королевством» во главе с Фейсалом. В то же время лишь 4,5% петиций требовали отдать Сирию под мандатное управление Англии, 3% — США, а 14,5% соглашались на мандат Франции. При

этом петиционеры предусматривали и возможные варианты: 57% их выступали за «помощь» США (очевидно, независимой Сирии), а в случае отказа США 55% петиций возлагали надежды на «помощь» Великобритании, 60% петиций были враждебны Франции. По данным А. М. Фомина, за Францию выступали тогда, естественно, марониты и примыкавшие к ним другие католики-униаты, а также — часть православных общин, за Великобританию — другая часть православных и мусульмане-сунниты. Друзы, алавиты и исмаилиты стремились в основном сохранить свой автономный статус, но при этом друзы ориентировались на свои давние связи с англичанами⁵¹.

Удивительно, но комиссия Кинга–Крейна, основываясь на вышеприведенных данных, высказалась за передачу Сирии (включая Ливан и Палестину) под мандатное управление ... США, в крайнем случае — Великобритании. Что касается Франции, то комиссия допускала, но «не рекомендовала» предоставить ей мандат даже только на один Ливан, да и то в случае «серьезной угрозы» отношениям Франции с ее союзниками. Последовавшие англо-французские споры (с участием президента США В. Вильсона и эмира Фейсала) мало что изменили. США отказались от участия в разделе Леванта: рост изоляционизма среди американцев и отсутствие войск США в регионе предопределили их решение. Да они ничего и не могли изменить в судьбе народов Леванта. Эта судьба была определена соглашением Сайкс–Пико, каковое и было в конце концов реализовано (с некоторыми поправками и уточнениями)⁵².

В Ливане Франция чувствовала себя увереннее, чем в Сирии. Во главе «Великого Ливана» был поставлен Административный комитет — своего рода псевдоправительство, реально игравшее чисто совещательную роль при губернаторе-французе. В 1922 г. комитет был заменен Представительным советом, но это ничего реально не изменило. В экономике Ливана также мало что изменилось, за исключением увеличения французских и других иностранных концессий, а также филиалов французских банков, многие из которых и раньше «интересовались» Ливаном. Многие феодальные кланы Ливана, лидеры конфессий и просто предприниматели различной этнической и религиозной принадлежности охотно шли на

деловое сотрудничество с представителями французских монополий и мандатными властями. И у них была довольно широкая опора в стране: 79% населения были христианами! Конечно, их численность сильно убавилась за годы войны 1914–1918 гг., но так или иначе превышала численность мусульман даже к началу 30-х гг. Ядром их были марониты (58,5%), безоговорочно поддерживавшие Францию, а колеблющуюся позицию занимали только православные (12,6% по данным 1913 г.), часть которых (особенно в среде средней и мелкой буржуазии города) «поддерживала хорошие отношения с их суннитскими партнерами» и опасалась за их судьбу под властью Франции, благоволившей маронитам.

В течение всего периода французского мандата Париж в первую очередь принимал во внимание настроения маронитов и суждения их патриархов Ильяса Хувайека (1899–1931) и Антуна Ариды (1931–1955 гг.). Фактически они играли политическую роль. Но далеко не каждый их шаг получал одобрение французских властей. В 1931 г. папа римский даже отказался сначала утвердить избрание патриархом А. Ариды, у которого были разногласия с верховным комиссаром Франции в Бейруте, и был готов заменить его своим назначенцем. Конфликт был улажен, но Арида, став патриархом, продолжал придерживаться вопреки традициям маронитов позиций арабского патриотизма. Французов это удивляло и возмущало, но мусульман (не только Ливана, но и Сирии) это так радовало, что они даже изобрели лозунг: «Нет Бога кроме Аллаха, и патриарх Арида любим Аллахом». И хотя марониты оставались опорой Франции в Ливане (тем более что многие из них критиковали позицию Ариды), они постепенно вставали в оппозицию к режиму мандата. Причиной были как экономические противоречия Маронитской церкви с французской администрацией (церковь владела четвертью всех обрабатываемых земель Ливана и была не согласна с вводимой колонизаторами табачной монополией), так и политические: по мере роста в стране антиколониальных настроений и сближения на их основе разных конфессий, наиболее дальновидная часть маронитов старалась найти общий язык с другими конфессиями, прежде всего с суннитами, что в дальнейшем выразилось в образовании конституционного блока и тандема Б. аль-Хури и

Р. ас-Сольха, соответственно политических лидеров маронитов и суннитов.

Сближению конфессий в первые годы мандата в некоторой степени содействовала политическая риторика Парижа. Например, в декабре 1925 г. премьер-министр Франции Аристид Бриан заявил: «Права жителей Сирии и Ливана будут соответствовать принципам, на которых основываются свободы Запада. И нам надлежит ввести их в законы и нравы сирийского Востока: свободу совести, свободу личности, равенство в суде и право собственности в соответствии с Декларацией прав человека». Характерно, что в это время в Сирии шли революционные бои, вскоре распространившиеся и на Ливан, что отталкивало от Франции и сирийцев, и ливанцев⁵³.

Суннитская община хотя и уступала (и по численности, и по богатству, и по влиянию) маронитам, но все же играла в Ливане значительную роль. Еще в 1878 г. ею было создано в Бейруте общество добрых намерений (Джамъийят аль-макасид аль-хайрийя аль-исламийя), впоследствии просто «Макасид». В его руководство вошли члены семейств суннитской элиты Бейрута, Триполи, Дамаска, Халеба и Хомса. В 1881 г. османы закрыли общество «за национализм», но в 1918 г. оно возродилось. Вплоть до 70-х гг. XX в. «Макасид» занималось одновременно управлением вакфами (религиозным имуществом), благотворительностью, банковской деятельностью, образованием и ... подготовкой политических кадров — из колледжа «Макасид» вышло множество суннитских политиков-юристов. Кроме того, среда суннитской знати и торговой буржуазии выдвинула в годы французского мандата немало незаурядных деятелей из семей Сольх, Салам, аль-Яфи, аль-Фахури и других. Майкл Джонсон называет 22 знатные суннитские фамилии, совмещавшие занятия бизнесом, политикой и другими видами общественной деятельности с постом президента «Макасид» в период 1918–1970 гг.

Сунниты (3,5% населения Ливана в 1913 г. и 22,4% — в 1932 г.) составили, особенно в первые годы мандата, основу антифранцузской оппозиции в Ливане, продолжая выступать за «корону шерифов» (т.е. Хашимитов — Фейсала и Хусейна аль-Хашими в Мекке) и «мусульманское государство» в единой Сирии (т.е. с включением в нее Ливана, Палестины и Заиордания), где они составляли бы

большинство. Кроме того, преимущественно торговая суннитская буржуазия выступала против возведения границы между Сирией и Ливаном, поскольку она занималась реэкспортом западных промышленных товаров из Бейрута в Сирию, а также импортом сырья и других товаров из Сирии в Бейрут. Особенно торговцы Триполи, в основном — сунниты, опасались новых границ (и следовательно, таможенных барьеров), каковые могли прервать давно налаженное их сотрудничество с сирийским торговым центром в Хомсе, связанным с Триполи железной дорогой с 1911 г. Кроме того, они были недовольны превращением Триполи в «простой сателлит» Бейрута, ставшего при французах экономической и политической столицей Ливана, очень прибыльная торговля которого с Европой в основном контролировалась маронитами. Но, вопреки опасениям суннитов и других мусульман, торговля с арабскими странами, особенно с Сирией, впоследствии не только не блокировалась, но и поощрялась благодаря единым таможенным тарифам и единой валюте. Немногие мусульмане, занятые в торговле с Западом, также выиграли (наряду с численно превосходившими их маронитами) за счет постоянного расширения коммерческих связей с Францией и Англией, а также установления их с США и (впоследствии) с Японией⁵⁴.

Поэтому сунниты как община не прибегали в Ливане к вооруженному сопротивлению, стремясь добиться своего путем переговоров. Но переговоры, которые вел с Францией Сиро-палестинский конгресс (в который входили также наиболее знаменитые друзья и шии́ты) от имени всех арабов Ближнего Востока, заканчивались обычно ничем, шла ли речь о требованиях исполкома Конгресса на Генуэзской конференции 1922 г. или же перед Советом Лиги Наций (многократно), полностью поддерживавшим политику держав-мандатариев. Частично это объяснялось долгим отсутствием у суннитов современных политических организаций, задачи которых не всегда быстро и адекватно обстоятельствам решались традиционными родовыми и клановыми структурами, прежде всего влиятельными семьями «займов» (вождей, предводителей) с громкими именами и знаменитыми родословными. Они нередко конкурировали друг с другом, соперничая в известности и популярности, знатности и богатстве. В городах им помогали «кабада́йя» («дяди с материн-

ской стороны» — по-турецки). Их задачей был контроль над кварталом их проживания, мобилизация всех родственников и знакомых на поддержку своего «займа» во всех массовых мероприятиях, особенно на выборах, обычно — путем предоставления работы, денег или же воспитанием солидарности родственников и соседей, противопоставляемых кварталу «чужих», чаще всего — иноверцев, «кабадайя» нередко создавали для этого своего рода мафии кварталов.

Представители других конфессий, немаронитов и несуннитов, находились как бы на втором плане либо ввиду своей малочисленности, либо по социальному составу, либо в силу своей традиционной отстраненности от политической активности. Христианские конфессии, как уже говорилось, в основном примыкали к маронитам — главной силе христианского лагеря. Среди мусульман шииты, будучи в основной массе крестьянами или неквалифицированными рабочими в городах, в первые послевоенные десятилетия не выдвинули заметных политических фигур, за исключением, может быть, Арифа аз-Зейна и Адиля Усайрана, крупных землевладельцев юга Ливана. Что касается друзов Ливана, то они, будучи заметны в XIX в., находились к началу XX в., в отличие от друзов Сирии (выдвинувших руководителя революции 1925–1927 гг. Султана аль-Атраша) в некотором упадке. В элите страны они были представлены в период французского мандата в основном семействами Арсланов и Джумблатов, известных еще с XVIII в. Из них к началу 20-х гг. наиболее активен был эмир Шакиб Арслан (1869–1946), впоследствии ставший довольно видной, хотя и чрезвычайно противоречивой политической фигурой международного уровня⁵⁵.

Выходец из друзской аристократии, обосновавшейся в Ливане еще в XI в., наследственный сеньор друзов горной области Шуф, талантливый поэт и литератор, получивший уже в юности почетное прозвище «Амир аль-байян» (Князь риторики), Шакиб Арслан учился в Париже и Лондоне, возглавлял в 1902–1911 гг. родную область Шуф, участвовал в 1911–1913 гг. в итало-турецкой и балканских войнах, был депутатом парламента Османской империи, а с началом Первой мировой войны привлек 2 тыс. добровольцев-друзов в османскую армию и сам участвовал в боевых действиях. После окончания войны жил в Швейцарии и Германии. В 1921 г.

созвал в Женеве Сиро-палестинский конгресс, потом стал президентом арабского клуба в Берлине, а в 1922 г. в Риме — председателем Исламского союза угнетенных народов. Во время непрерывных поездок 1923–1927 гг. в Берлин, Париж, Стамбул, Каир, Детройт вел переговоры о помощи восставшим арабам Сирии, призывал их вождя (тоже друга) Султана аль-Атраша «сражаться до независимости» и в то же время пытался вести переговоры с верховным комиссаром Франции де Жувенелем о прекращении военного подавления повстанцев Сирии в 1925–1927 гг. Принял участие в создании Антиимпериалистической лиги в Брюсселе в 1927 г. вместе с Джавахарлалом Неру, Антонио Мелья и другими лидерами освободительной борьбы 37 стран Азии, Африки и Латинской Америки, включая коммунистов и социалистов.

Именно тогда Арслан (ездивший в Москву еще в 1921 г. с целью получить помощь Коминтерна для патриотов Сирии) заявил: «Ленин был первым, кто внушил пролетариату чувство братской дружбы к народам колоний». В 1928 г. он представлял Сирию на съезде друзей СССР. В 1930 г. начал издавать в Женеве газету «Ля Насьон Араб»; с этого времени переходит на позиции арабского национализма и панарабизма, а потом сближается с Муссолини, аравийским королем Ибн Саудом и крайне правыми националистами Боснии. В 1935 г. он вступает в Берлине в «Международный союз националистов» прогерманской ориентации. С этого времени авторитет Ш. Арслана в арабском мире резко падает из-за поддержки им агрессии Италии в Эфиопии. В дальнейшем он сблизился с бежавшим в Германию бывшим иерусалимским муфтием Амином аль-Хусейни (выступавшим во время Второй мировой войны по германскому радио) и пытался настраивать в пользу держав «оси» националистов Марокко (это было одной из причин поддержки ими мятежа генерала Франко в Испании), Алжира и Туниса. Политическая смерть поэтому настигла его раньше физической⁵⁶.

Доля друзей в населении Ливана была невелика — 7,2% в 1922 г. и 6,8% (53 тыс. чел.) в 1932 г. Но они сохраняли свое традиционное влияние в стране и участвовали в определении ее судеб, неизменно выдвигая из своей среды видных деятелей. Этому способствовала и их роль в соседней Сирии, и их привычка к незави-

симости от любой власти в Бейруте, которой всегда было непросто добраться до сплоченной и воинственной общины, к тому же обитавшей в основном в горах. Надо отметить также, что в политической элите друзов в 30–40-е гг. влияние все больше переходило от клана Арсланов к их соперникам Джумблатам. Среди причин этого явления — приверженность первых традиционным ценностям и открытость вторых к более современным идеям, а также, возможно, непоследовательность и личные промахи Шакиба Арслана. Впрочем, позиции кланов не были стабильны. По данным Абу Шакры, среди друзов Ливана после 1927 г. активно действовала профранцузская фракция Назиры Джумблат (женщины у друзов могли занимать высокое положение вплоть до священнослужителей). К этой фракции примкнула и часть Арсланов, обеспокоенная потерей верхушкой друзов многовековой первостепенной роли в Ливане.

Пока Шакиб Арслан совершал политические кульбиты на мировой арене, шарахаясь от союза с коммунистами к сотрудничеству с державами «оси», его клан, сохраняя влияние в Горном Ливане, посылал своих представителей (в частности, Амина Арслана) на различные конференции, конгрессы и прочие межконфессиональные встречи, пытаясь тем или иным путем отстоять позиции мусульманской элиты и ее требования, предъявлявшиеся французским властям. Однако тактика разных фракций этой элиты была различной. Например, большинство суннитов Бейрута бойкотировало организованные французами парламентские выборы в 1922 г., хотя и участвовало в последующих. Майкл Джонсон из университета Сассекса (Великобритания) объясняет это тем, что для суннитов «парламентская демократия служила скорее выражением протеста, чем средством управления». В 1926 г. французы ввели в действие конституцию Ливана, которая предусматривала республиканский режим, отдельные от Сирии правительство и двухпалатный парламент. Это было как бы «наградой» Ливану за лояльность Парижу. Но эта конституция также была использована суннитами и прочими мусульманами Ливана для антифранцузской агитации, поскольку она формально подтвердила границы Ливана, с которыми большинство мусульман были не согласны, так как они «превращали хри-

стиан в крупнейшее сообщество, а маронитов — в крупнейшую секту» в стране⁵⁷.

По целому ряду ранее упомянутых причин освободительное движение в Ливане не приняло, как в Сирии, форму вооруженного сопротивления. Но нельзя считать Ливан полностью лояльным колонизаторам. Это можно отнести лишь к маронитам и основной части их католических союзников. Уже в 1920 г. в Бейруте и других городах бастовали рабочие ряда предприятий (в основном иностранных и частных), протестуя против политики колониальных властей. Последние поспешили сколотить «Всеобщую партию рабочих Великого Ливана» с целью парализовать антиколониальные настроения ливанского пролетариата. Но из этой затеи ничего не вышло. Более того, волнения среди рабочих и ремесленников начались и в Сирии в 1922 г., сопровождаясь выступлениями бедуинов на берегах Евфрата и крестьян-друзов на юге. Впоследствии эти бунты и выражения всеобщего недовольства вылились в национально-освободительную революцию народа Сирии в 1925–1927 гг.⁵⁸

Эта революция не сразу распространилась на территорию Ливана как в силу профранцузских настроений, доминировавших в стране ливанских христиан, сильных позиций влиятельной маронитской буржуазии — основной опоры Франции и Ватикана на Арабском Востоке, так и вследствие того, что, как считает видный знаток Ливана Доминик Шевалье, еще до 1914 г. «османский порядок поощрял жизненность региональных связей», что объяснялось, помимо политико-религиозных расчетов Стамбула, также «наивысшими прибылями земледельцев, культивировавших в тянущихся вдоль Средиземноморья горах производство олив, но особенно шелка в районах Ливана». Важную роль играли и ливанские порты — Триполи, Бейрут, Сайда. Через них шли связи турецкой Анатолии с «Палестиной... Египтом, Магрибом и портами христианской Европы, особенно Марселем». Но сама по себе специфика географии и экономики Ливана не определяла решающим образом настроений сепаратизма в стране. Тем более что некоторые общины, например сунниты Сайды в Ливане и Хомса и Дамаска в Сирии, поддерживали друг с другом не только «коммерческие», но и

«брачные и духовные отношения», как и связи по «линии религии и юриспруденции»⁵⁹. Однако превосходившие суннитов (да и шиитов) по численности и влиянию марониты (тем более — в блоке с другими христианами) оказывали решающее влияние на позицию большинства ливанцев.

Тем не менее в Ливане все же были силы, сопротивлявшиеся власти Франции. Под влиянием Октябрьской революции 1917 г. в России в Ливане возникли политические группы рабочих и интеллигенции, обратившиеся к идеям марксизма. Одной из них была Ливанская партия труда⁶⁰. Основанная в 1924 г., она выступала за «организацию рабочих и крестьян в профсоюзы, защиту их интересов и помощь им в получении их прав». Она создала свои отделения в ряде городов и селений Ливана, с июля 1925 г. начала издавать газету «Аль-Инсанийя» (Человечество), провела демонстрации солидарности «с рабочими и крестьянами всего мира», избрала свой исполком и предъявила свои требования французскому губернатору. Тот обещал «издать закон об охране труда рабочих и крестьян», но обещание свое не выполнил⁶¹. В 1925 г. партия была запрещена.

Власти решили игнорировать партию ввиду ее малочисленности (в ней было в самом начале 20-х гг. не более 5 человек!) и слабого влияния среди рабочих и вообще коренного населения страны, преимущественно инонационального состава ее актива. Главным же недостатком этих «первых марксистов» Ливана было механическое выполнение ими директив Коминтерна, нередко не учитывавших особенности обстановки в стране и ставивших партию в трудное положение. «Детская болезнь левизны», догматизм и сектантство были свойственны марксистам Ливана, как и их единомышленникам в других странах (особенно в 20–30-е гг.). Но в 1930 г. на базе Ливанской партии труда была создана Компартия Сирии и Ливана, обновившая свое руководство (во многом — путем его «арабизации»), которое стало больше внимания уделять национальным проблемам и внутренним процессам в странах Леванта. Ему удалось несколько расширить влияние партии среди рабочих, безработных, интеллигенции и молодежи, организовать бойкот иностранных компаний (в том числе — особенно ненавистной «Режи де таба») и ряд манифестаций под лозунгами конфискации земель феодалов с

передачей их безземельным сельским жителям, создания рабоче-крестьянского правительства и провозглашения национальной независимости. Последующие аресты коммунистов и судебные процессы против них способствовали в определенной степени росту их авторитета и превращению компартии в общепризнанную часть антиимпериалистического движения в странах Леванта⁶².

Следует подчеркнуть, что обращение внимания партии на национальные проблемы в странах Леванта и само формирование партии не как специфически ливанской, но общей для стран Леванта, происходили на фоне упомянутой выше сирийской революции 1925–1927 гг. и ее воздействия на Ливан. В ноябре 1925 г. группировка сирийских повстанцев во главе с Зейдом аль-Атрашем (братом лидера революции Султана аль-Атраша) вступила в Южный Ливан. Ее поддерживали крестьяне-шииты округа Джебель Амиль и крестьяне-друзы округов Вади аль-Аджам и Вади ат-Тин (что не удивляет, так как Зейд и Султан аль-Атраш были друзьями), а также даже некоторые христиане этих районов. По данным прессы Англии, Германии и Франции, группировка Зейда аль-Атраша, вступив в Ливан, насчитывала около 2 тыс. чел., но за счет примкнувших к ней ливанцев возросла до 3–5 тыс. чел. Зейд аль-Атраш называл ливанцев «братьями» и «соотечественниками». Скоро партизаны стали действовать и в долине Бекаа, т.е. на востоке Ливана. Французы спешно сформировали для борьбы с ними «Христианскую добровольческую армию» во главе с феодалами-маронитами. Однако многие «добровольцы», особенно из крестьян, при первой же возможности переходили на сторону повстанцев. В результате в ряды наемников («ливанских стрелков») колонизаторы стали привлекать «бандитов, грабителей, уголовных преступников», а также делали упор (как и за 100 лет до этого!) на противопоставлении друзей маронитам, т.е. пытались, по словам Зейда аль-Атраша, «превратить национальное восстание в религиозную войну, отвратительную по своему существу и своим последствиям». Командование повстанцев и в дальнейшем придавало большое значение проповеди конфессионального мира между всеми общинами Ливана и Сирии, стремясь ликвидировать все спекуляции колонизаторов на этом особенно остром в Ливане вопросе⁶³.

В обращениях Зейда аль-Атраша к населению Ливана подчеркивалось, что восстание не является религиозным, что друзья, наставшие его, не враждебны христианам Ливана, а считают их «братьями по нации». «Восстание является не местным, дружеским, но национальным... Оно стремится к чисто национальным целям и не имеет никакого отношения к религиозным спорам и разногласиям». В заголовке всех обращений Зейда аль-Атраша каждый раз повторялся лозунг повстанцев: «Религия для Бога, а родина — для всех» (Ад-дин ли-ль-лах ва-аль-ватан ли-ль-джамии).

Однако постепенно колонизаторам удалось добиться численного перевеса над силами повстанцев путем переброски в страны Леванта колониальных формирований из Сенегала и Мадагаскара, алжирских, марокканских и тунисских стрелков, наемников из Индокитая. Численность вооруженных сил Франции в странах Леванта в июле 1925 г. составляла 18 700 чел. (из которых тысячи погибли уже в первые месяцы революции), а к весне 1927 г. — до 80 тыс. солдат и офицеров, не считая упоминавшейся выше «Христианской добровольческой армии» Ливана, сирийской жандармерии и Сирийского легиона из представителей национальных (черкесов, армян, курдов, ассирийцев) и конфессиональных (шиитов, алавитов, исмаилитов, езидов) меньшинств. Общая численность этих спецформирований достигала 30 тыс. чел.⁶³

Но дело было не только в численном и военно-техническом превосходстве колонизаторов, но и в их политических интригах и маневрах, умелой игре на этноконфессиональной разобщенности населения Леванта и некоторых уступках: именно в разгар революционных событий французы «даровали» Ливану конституцию в мае 1926 г. и формально признали его независимость, а за месяц до этого, в апреле 1926 г., образовали «национальное» правительство Сирии. В конституции Ливана от 1926 г., по мнению Доминика Шевалье, «искусно смешаны модель французского парламентаризма и старые формы представительства общин Леванта». Естественно, имущие классы стран Леванта откликнулись на эти меры французских властей и поспешили пойти с ними на контакты, сначала тайные, а потом и явные. Городские предприниматели и интеллигенция, в первую очередь в Ливане (но с конца 1926 г. и в Сирии),

стремились к прекращению повстанческих операций. Они считали, что достаточно «напугали» колонизаторов, чтобы вырвать у них нужные элите Леванта уступки. К тому же с самого начала восстания они опасались его неизбежных последствий — разрушения домов и лавок, уничтожения товаров, упадка или полного прекращения торговли. Буржуазия, особенно в Ливане, не желала терпеть убытки во имя завоевания независимости, предпочитая компромисс с колонизаторами и сохранение режима мандатного управления в более «мягком», либеральном варианте. На этой основе и было достигнуто соглашение нового верховного комиссара Франции в странах Леванта, опытного дипломата Франсуа Понсо с элитой Сирии и Ливана. К осени 1926 г. военные действия в Южном Ливане и на большей части Сирии прекратились. Окончательно восстание было подавлено к июню 1927 г.

Бои еще продолжались, а Понсо, договорившись с деловыми кругами Парижа об интенсификации экономической экспансии в Леванте, уже начал налаживать бизнес-сотрудничество с предпринимателями Ливана и Сирии. При этом Ливан пользовался особым вниманием французских властей, которые ввели дополнительные тарифы, благоприятствовавшие развитию отдельных отраслей ливанской промышленности, рассчитывая еще больше привязать буржуазию Ливана к Франции. Но в целом французы так же не доверяли ливанцам, как и сирийцам, особенно после того, как «христианская армия» Ливана сократилась за счет дезертирства до 400 чел. Французские гарнизоны постоянно находились (и усиливались) в ливанских городах Бейруте, Дейр аль-Камаре, Джебзине, Кабатии, Райяке, Рашае, а в Бейруте и Сайде стояли боевые корабли Франции и США. Наладив контакт с маронитами, французы были менее удачливы в отношениях с другими конфессиями, особенно с суннитами и друзами. В то же время опасения многих ливанцев по поводу «маронитского засилья» заставляли власти Франции маскировать свою благосклонность к маронитам. Поэтому первым президентом Ливана после провозглашения конституции 1926 г. стал православный Шарль Даббас. Но это мало что изменило: пост премьер-министра на 6 лет был фактически монополизирован маронитами Огюстом Алибом, Халибом ас-Саадом, Эмилем Эдде, Бишарой аль-

Хури. Но они быстро убедились, что пребывание на высших постах в условиях полновластия колониальной администрации носит сугубо формальный характер. Роспуск сената в 1927 г., правительства и Совета депутатов в 1932 г. наглядно это продемонстрировал⁶⁵.

Дело было в том, что поражение революции 1925–1927 гг. в Сирии, как это ни странно, не способствовало водворению «спокойствия и порядка» как в Сирии, так и в Ливане, где шииты, друзья и даже часть христиан хорошо помнили действия отрядов Зейда аль-Атраша на юге Ливана и даже принимали участие в их борьбе, а сунниты постоянно были в оппозиции французским властям. Под влиянием событий 1928 г. в Сирии (где колонизаторы разогнали Учредительное собрание и «дополнили» принятую им конституцию статьей о сохранении режима мандата) и начавшегося мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., в результате которого цены на продукцию сельского хозяйства упали в 5 раз, а сбыт промышленных товаров сократился в несколько раз, в Ливане, как и в Сирии, начались массовые волнения, голодные походы в города десятков тысяч разоренных крестьян, стачки рабочих и ремесленников, протестовавших против резкого снижения заработной платы, массовых увольнений, закрытия предприятий.

Экономика Ливана и до кризиса 1929–1933 гг. была не в идеальном состоянии. Колонизаторы всячески стремились ограничить ее развитие функциями придатка хозяйства метрополии. «В период мандата, — писал ливанский экономист Юсуф Хаттар аль-Хило, — ливанская торговля не выходила за пределы французского рынка. Это наносило удар по отечественному шелководству. Мы были вынуждены вырубать тутовые деревья и продавать их на дрова. ... Чтобы иметь возможность сохранить эту отрасль у себя в стране, французские монополии заставили нас отказаться от разведения шелковичного червя и выращивания тутового дерева. Мы потеряли огромное богатство — Ливан в 1913 г. производил 6 млн кг коконов». А через 40 лет — всего 125 тыс. кг в год. Всё это вызывало протест ливанцев самого разного происхождения и вероисповедания.

В 1929 г. возобновились и политические манифестации, тесно смыкавшиеся с экономической борьбой. Тогда же стало известно о

съезде деятелей освободительной борьбы в Вади-Сирхане, среди песков Аравийской пустыни, в октябре 1929 г. Выступивший на съезде Султан аль-Атраш призвал к продолжению борьбы «за права человека и гражданина, за принцип освобождения слабых народов». Этот «конгресс в пустыне» резко протестовал против политики мандатных властей и в Сирии, и в Ливане.

Вскоре после этого, в 1930 г., состоялся первый съезд компартии Сирии и Ливана, выступивший также за национальную независимость стран Леванта и за передачу крестьянам земель феодалов и иностранных концессионеров. Все это происходило на фоне подъема рабочего движения, всеобщего бойкота иностранных концессий, начатого в марте 1931 г. по призыву компартии. Бойкот сопровождался учащением выступлений крестьян и рабочих демонстраций в крупнейших городах Ливана — Бейруте, Триполи и Захле⁶⁶.

Роспуск колониальными властями органов власти формально независимого Ливана был вызван неспособностью (а возможно, и нежеланием) и президента, и парламента, и правительства Ливана противостоять подъему антиколониального движения⁶⁷. Приостановив действие конституции 1926 г., верховный комиссар Франции после отставки в январе 1933 г. Шарля Даббаса самочинно назначил президентом Ливана маронита Хабиба ас-Саада, а заодно — и треть членов нового Совета депутатов. Это вызвало недовольство даже среди многих маронитов, которые считали себя как бы уважаемыми союзниками Франции, а не ее бесправными колониальными подданными. Не нравилось им и стремление французских властей непосредственно взять в свои руки наиболее доходные отрасли экономики Ливана, в частности табачную монополию, традиционно обогащавшую Маронитскую церковь.

Конечно, марониты, считавшие союз с Францией лучшим средством отстоять самостоятельность Ливана от грозившего поглотить его мусульманского окружения, претендовали на особое положение в стране. А французские власти после революции 1925–1927 гг. в Сирии и участия в ней многих ливанцев-южан, включая христиан, стали «закручивать гайки», осуществляя более жесткую политическую линию как в Сирии, так и в Ливане, и не проявляя склонности уважать ими же формально признанную независимость Ливана.

Практически к 1927–1928 гг. стало ясно, что никакие решения ливанских органов власти, принятые без согласования с французской администрацией, никакого значения не имеют. Согласно условиям мандата, все действия ливанцев, включая возможность обратиться в Лигу Наций, могли предприниматься только с разрешения Парижа и желательно при его посредничестве⁶⁸.

Только в 1934 г. была восстановлена конституция Ливана, но с изменениями: вся полнота власти передавалась президенту республики, которого выбирал не народ Ливана, а назначал верховный комиссар Франции! По новой конституции парламент не имел права законодательной инициативы, бюджет утверждался президентом без участия парламента, а исполнительную власть осуществляли госсекретарь и правительственные советники. Новая конституция вызвала возмущение большинства ливанцев и, вопреки ожиданиям властей, лишь обострила обстановку в стране.

Вследствие этого усилилась политическая борьба против колониальной полицейщины и эксплуатации жителей Ливана французским капиталом. Компартия Сирии и Ливана призвала к созданию единого антиимпериалистического фронта. Фактически (но не формально) он возник, так как в 1933–1934 гг. в Сирии и Ливане прошли под руководством или при активном участии коммунистов и националистов 45 забастовок, охватившие 50 тыс. трудящихся⁶⁹. Рабочее движение в обеих странах все теснее смыкалось с национально-освободительным и вообще быстро политизировалось. В 1933 г. компартия впервые выдвинула свою программу национального освобождения на парламентских выборах в Ливане. В 1934 г. она была инициатором профсоюзных конференций в Бейруте и Дамаске, создавала крестьянские комитеты, комитеты защиты Эфиопии (от агрессии итальянского фашизма) и другие антифашистские организации.

Угроза фашизма стала конкретно ощущаться в Ливане после создания в 1932 г. православным преподавателем немецкого языка в Американском университете Антуном Сааде Национально-социальной Сирийской партии (НССП), связанной с Германией и Италией. Партия выступила за создание «Великой Сирии», противопоставляла идею объединения Сирии, Ливана, Палестины, Тран-

сиордании, Ирака, Синайского полуострова и даже Кипра лозунгу общеарабского единства. Поддерживая отношения с германскими и итальянскими фашистами и проповедуя «великосирийский» шовинизм, НССП, состоявшая в основном из ливанских христиан (протестантов и православных), включила в свое название эпитет «Сирийская» и, требуя немедленного воссоединения Ливана и Сирии, объективно сомкнулась с аналогичным требованием ливанских суннитов. Влияние партии росло в 30-е гг. при почти открытой помощи Германии и Италии. Одно время в нее входили более 30 тыс. чел. Характерно, что в Ливане ее стали называть «Аль-хизб ас-сурий аль-кауми» («Сирийская народная партия») по аналогии с действовавшей тогда во Франции «Партией французского народа» профашиста Жака Дорио, также ориентировавшегося на Германию и Италию и получавшего от них помощь⁷⁰.

В Ливане, за редким исключением, партии всегда играли роль своего рода выразителей интересов тех или иных религиозных общин. Есть даже мнение, что они являются «не чем иным, как конфессиональными кланами». Это не совсем так. Партии в Ливане обычно возникали тогда, когда у лидеров конфессиональных общин (а их в стране 17) появлялась необходимость решения тех или иных политических, социальных или идеологических задач, что требовало особых форм организации и сплочения сторонников, в том числе с привлечением представителей иной конфессии. В 1935 г., когда партия А. Сааде, действовавшая вначале тайно и осторожно, стала выступать открыто, а в апреле 1935 г. забастовка таксистов надела много шума в Бейруте (тем более что она была направлена против французской компании), французские власти выслали из страны лидера суннитов Риادا Сольха и с ним группу панарабистов. Это вызвало беспокойство маронитов, поспешивших создать свою партию и военизированную организацию «Аль-катаиб аль-любнатийя» (Ливанские фаланги) во многом по образцу фалангистов Испании, как отметил известный историк К. С. Салиби. А еще через год суннитская молодежь создала как бы свой эквивалент «Аль-Катаиб», а именно — боевую организацию «Ан-Наджада» (Помощники).

«Аль-Катаиб» довольно быстро стала ведущей (к тому же и вооруженной) политической силой общины маронитов. Она и ее

лидер Пьер Жмайель твердо стояли за ориентацию на Францию и за господство в Ливане христианских общин. Однако само копирование этой партией названия испанской «Фаланги» генерала Франко, ее связи с Ватиканом, тогда сотрудничавшим с режимом Муссолини, и сходство ее организационной структуры с таковой итальянских фашистов были косвенным показателем возрастания влияния в Леванте Германии и Италии — давних конкурентов Франции в регионе. Еще убедительнее об этом свидетельствовала деятельность «национал-социалов» Сааде.

Помимо партий, имевших свою структуру и идеологию, весьма влиятельны были объединения крупных аграриев, капиталистов и политиков, действовавшие главным образом на выборах. Из них наиболее значительны были Конституционный блок во главе с Б. аль-Хури и Национальный блок Э. Эдде (последний — главным образом среди маронитов Горного Ливана)⁷¹.

Таким образом, политические партии Ливана возникли позже, чем в других арабских странах, и в основном в тесной связи со сложившейся в стране конфессиональной системой. Исключение представляли лишь компартия и партия Антуна Сааде, в которых были представители разных конфессий, объединявшиеся не по религиозному, а по социально-идеологическому принципу, а также — под мощным влиянием извне СССР и Коминтерна, когда речь шла о компартии, Германии и Италии — в случае с партией Антуна Сааде.

На позицию всех партий и религиозных общин Ливана повлияли результаты переписи населения в 1932 г. Согласно этим результатам, в стране проживало 50% христиан, 48,8% мусульман и 1,2% прочих. При этом среди христиан доминировали марониты (28,8% всех ливанцев), далее следовали православные (9,7%), греко-католики (5,9%), армяно-грегориане (3,2%), армяно-католики (0,7%), протестанты (0,9%), яковиты (0,3%), сиро-католики (0,3%), халдеи, т.е. ассииро-католики (0,1%), несториане (менее 1,1%). Среди мусульман лидировали сунниты (22,4%), на втором месте тогда были шииты (19,6%), на третьем — друзы (6,8%). Некоторые конфессии (например, алавиты, проживавшие тогда на севере Ливана, и другие крайне малочисленные группы) указаны не были. Но тен-

денция к уменьшению доли маронитов и христиан вообще по сравнению с переписью 1913 г. была несомненной.

Лидеры мусульман решили этим воспользоваться. В марте 1936 г. Салим Али Салам созвал «Конференцию побережья», потребовавшую вернуть Сирии отторгнутые от нее мусульманские районы «Великого Ливана» (север, населенный алавитами, и долину Бекаа с преимущественно шиитским населением). В июле 1936 г. участники конференции сформировали Мусульманский Консультативный Совет «с сильными пансирийскими симпатиями», который позднее образовал Исламский конгресс во главе с Салимом Али Саламом, «выступивший с требованиями суннитской, шиитской и друзской общин Ливана». В Исполком Конгресса вошли Риад ас-Сольх (суннит), Ариф аз-Зейн (шиит) и Амин Арслан (друз)⁷².

Однако вскоре они пересмотрели свою позицию. На фоне почти непрерывных стачек и демонстраций, вызванных последствиями мирового экономического кризиса 1939–1933 гг., а также репрессивной политикой французских властей, почти все лидеры конфессий Ливана почувствовали, что они теряют контроль над широкими массами единоверцев. Из этого они (прежде всего мусульмане) сделали выводы. Некоторые из них стали искать контакты с властями. «Суннитская буржуазия постепенно стала понимать, — считает Майкл Джонсон, — что политическое размежевание с Сирией — свершившийся факт, ее арабский рынок вышел за пределы таможенного союза с Сирией под эгидой мандата, а связи Ливана с Европой могут быть использованы к ее выгоде». В то же время «многие группы христианской буржуазии», имеющие торговые и финансовые интересы внутри страны, также осознали «риски полного отделения от арабского мира». Среди мусульман «молодое поколение элиты» первым заговорило о сотрудничестве с христианами как в Ливане, так и в Сирии. И уже в июле 1936 г. секретарь «Конференции побережья» Салах Байюм в письме в газету «Л'Ориан» призвал к заключению «соглашения об эффективном союзе всех общин, необходимом для безопасности нашего национального существования».

Важным событием явилось присоединение к этой позиции Рида ас-Сольха, самого популярного из суннитских лидеров, ранее —

сторонника только «широкого арабского единства». Джонсон полагает, что с 30-х гг. «постепенно происходила политическая интеграция господствующего класса, нашедшая свое завершение в Национальном Пакте 1943 г. — неписанном джентльменском соглашении Риада ас-Сольха и Бишары аль-Хури, соответственно первых премьер-министра и президента независимого Ливана». По этому соглашению христиане «отказывались от французского покровительства, признавая Ливан независимым и суверенным государством арабского мира, а мусульмане признавали Великий Ливан и отказывались от своего требования объединения с Сирией». Позднее Риад ас-Сольх скажет: «Ливан — это нация с арабским лицом, которая принимает все хорошее и полезное из западной цивилизации»⁷³.

Чуть позже вице-министр иностранных дел Франции Пьер Вьено высказал иную точку зрения: «Франция связана с христианами Ливана вековой дружбой. Ее присутствие, ее помощь, ее авторитет не просто принимаются. Их добиваются... Основа влияния Франции в Ливане, как и ее морской мощи в восточном Средиземноморье, это — **Ливан**. Здесь интересы Франции».

В сентябре 1936 г. Франция пошла на заключение с Сирией договора «О дружбе и помощи», который признавал независимость Сирии. Это стало возможным после прихода к власти во Франции летом 1936 г. правительства Народного фронта и роста беспокойства французов по поводу усиления в Сирии и Ливане, как и во многих других странах Средиземноморья, влияния германо-итальянского фашизма. В ноябре 1936 г. Франция заключила договор с Ливаном, предусматривавший также признание независимости этой страны (Р. ас-Сольха, как творца этого договора, в Бейруте встречала восторженная толпа из 6 тыс. чел.). Как и договор с Сирией, он предусматривал отмену режима мандата через три года, отказ державы-мандатария от контроля над таможнями, финансами и системой связи Ливана. Но Ливан при этом обязывался согласовывать с Францией свою внешнюю политику, оставлял на своей территории французские войска, а самое главное — признавал за Францией право защиты религиозных и национальных меньшинств. Фактически это означало ничем не ограниченную возможность вмешательства Франции во внутренние дела Ливана, поскольку

обилие в стране всевозможных меньшинств, наличие у них претензий друг к другу и политические амбиции их лидеров всегда могли быть использованы внешними силами.

Характерно, что один из лидеров маронитов Эмиль Эдде, избранный в январе 1936 г. президентом Ливана, настоял на том, что Ливан не просто был подключен к франко-сирийскому протоколу, а заключил бы с Францией особый, отдельный от франко-сирийского, договор. И хотя очень многие мусульмане Ливана, особенно сунниты, продолжали выступать за единство с Сирией, верхушка суннитов во главе с их видным лидером Риадом ас-Сольхом совершенно неожиданно поддержала «ливанскую идею». Материальные, социальные, идеологические, политико-тактические соображения оказались сильнее (тогда!) исторических традиций и религиозной солидарности.

Тем не менее всё это не помешало Риаду ас-Сольху поехать в Париж в марте 1936 г. вместе с делегацией Сирии в качестве «официального наблюдателя» и даже спонсора некоторых сирийских партий. Иными словами, отделение Ливана от Сирии происходило при сохранении многих связей между ними⁷⁴.

Сирийцы и ливанцы считали договоры 1936 г. первым шагом к независимости, а их ограничения — временными. Однако ход событий опроверг эти иллюзии. В 1937–1938 гг. Франция навязала Сирии дополнительные соглашения, расширившие ее позиции, и пошла на уступки соседней Турции, хотя все арабы, особенно в странах Леванта, отвергали турецкие претензии, не забыв еще 400-летнее османское господство. Тем не менее в июле 1939 г. самая удобная гавань Сирии — Искандерун — была передана Турции. Еще раньше, в январе 1939 г., парламент Франции отказался ратифицировать договоры с Ливаном и Сирией. Реакция во Франции, поднявшая голову после сговора в Мюнхене осенью 1938 г. с гитлеровской Германией и фашистской Италией, стремилась ликвидировать все завоевания распавшегося к концу 1938 г. Народного фронта. Ее стимулировала наглость фашистов, возросшая благодаря их успехам — захвату Австрии и Чехословакии немцами в 1938–1939 гг., оккупации Албании Италией в апреле 1939 г., победе генерала Франко тогда же в гражданской войне в Испании. В Ливане и

Сирии французские власти развернули репрессии против патриотов и участников антифашистских и антиколониальных демонстраций. То же самое происходило в Алжире, Тунисе, Марокко, Ираке, так как в зоне Средиземноморья Вторая мировая война началась фактически не в 1939 г., а в 1936 г. — с мятежа генерала Франко против Испанской республики. В дальнейшем в эти события были втянуты в той или иной степени Марокко, особенно северное, запад Алжира с высокой долей испанского населения, Италия и Ливия⁷⁵.

Пытавшаяся остаться в стороне Франция также была вовлечена в испанские события, так как принимала во время войны 1936–1939 гг. беженцев из Испании и сама была ареной борьбы антифашистских левых сил во главе с все укреплявшей свои позиции компартией и крайне правых организаций профашистского толка — Партией французского народа (ППФ) Жака Дорио и Французской социальной партией (ПСФ) Казимира де Ла Рокка⁷⁶. Все партии вели работу как среди французов, так и среди проживавших во Франции иностранцев, которые в 1936 г. составляли 5,71% всего населения страны (примерно 929 тыс. чел.)⁷⁷. У левых партий дело шло успешнее, поскольку правые не скрывали своих не только националистических, но и сугубо ксенофобских и империалистических взглядов. «Наши интересы, — говорил Ж. Дорио, — на Средиземном море, и это значительно облегчает окончательное примирение с Германией, чья естественная экспансия направлена на восток Европы»⁷⁸. На созванном в 1938 г. съезде ППФ в Алжире Дорио выдвинул идею «Фронта средиземноморских стран», который объединил бы Францию и ее владения в Северной Африке с фашистской Италией и франкистской Испанией. С последней у ППФ были тесные связи. Вместе они надеялись, на вербовав в испанской зоне Марокко «мусульманских коммандос», поднять в Алжире и во Франции профашистский мятеж, подобный франкистскому⁷⁹.

Однако большинство арабов, приезжавших во Францию на учебу или на заработки, попадало под влияние левых партий и сочувствовало им. В частности, известен пример трех учителей из Сирии, получивших образование во Франции и сблизившихся там с компартией, как правило проявлявшей заботу о посещавших Францию уроженцах колоний. Эти учителя — христианин Мишель Афляк,

алавит Заки Арсузи и суннит Салах ад-Дин Битар — впоследствии, в 1943 г., стали основателями Партии арабского возрождения (Баас), сыгравшей значительную роль в жизни арабов, прежде всего Сирии и Ливана⁸⁰.

Возвращаясь к 1939 г., отметим, что, отказавшись от договоров 1936 г. со странами Леванта, французские власти постарались взять назад и все прочие уступки, в частности опять восстановив регионализацию Сирии. Все проявления протеста — демонстрации, забастовки, митинги, выступления в прессе — были подавлены, а попытки их возобновить жестоко пресекались. Новый верховный комиссар Франции в странах Леванта, генерал Максимилиан Вейган, по своим взглядам крайний националист и реакционер, сразу же продемонстрировал свою приверженность традиционному колониализму и тоталитарным методам управления. Он ответил на уход в отставку правительств Сирии и Ливана отменой их конституций, роспуском парламентов в обоих государствах и заменой их «советом директоров» из 5 человек, полностью ему подчиненного. С началом Второй мировой войны репрессии ужесточились. 27 сентября 1939 г. был издан декрет о роспуске компартии (Вейган был известен своим патологическим антикоммунизмом), а в декабре были арестованы ее руководители и запрещена ее газета «Саут аш-Шааб» (Голос народа), а также Лига борьбы с фашизмом и нацизмом, созданная на антифашистском конгрессе в Бейруте в мае 1939 г. Став главнокомандующим французских войск на Ближнем Востоке, Вейган сконцентрировал в Сирии и Ливане значительные силы, начал строительство стратегически важных объектов, дорог и аэродромов. Однако заботился он при этом не об обороне Леванта, а о том, как бы напасть на СССР и вывести из строя нефтепромыслы Баку⁸¹.

ЛИВАН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Весной 1940 г. Вейган был назначен главнокомандующим всей армией Франции и позорно «прославился» тем, что содействовал капитуляции Франции в июне 1940 г. В Ливане и Сирии это привело к установлению полуоккупационного режима. Назначенный новым верховным комиссаром Леванта генерал Денц неукоснительно выполнял указания марионеточного «правительства Виши» во главе с предавшим Францию маршалом Петэном по использованию территории и ресурсов стран Леванта в интересах фашистских держав. Этому попыталась помешать Великобритания, в своей декларации от 1 июля 1940 г. обещавшая не допустить оккупации стран Леванта любой «враждебной державой» и превращения их в плацдарм для нападения на британские базы в регионе. С этой целью англичане объявили экономическую блокаду Сирии и Ливана, закрыли связывавший Ливан с нефтяными районами Ирака нефтепровод Киркук—Триполи. Тем не менее генерал Денц, ставший одним из наиболее лояльных державам «оси» чиновников-вишистов, во всем помогал прибывшей в Бейрут в сентябре 1940 г. германо-итальянской комиссии по перемирию. Комиссия с его помощью наладила вывоз из Ливана и Сирии сырья и продовольствия в Германию и Италию, что привело к экономическим трудностям и росту цен. Одновременно Денц вел «чистку» своего аппарата от антифашистов, предал суду арестованных еще Вейганом коммунистов (в августе 1940 г.) и националистов (в октябре 1940 г.).

В феврале 1941 г. Денц подавил голодные бунты в ряде городов Леванта с помощью войск. Но после этого он пытался добиться соглашения с частью националистов, предоставив им в апреле 1941 г. посты в национальных правительствах Сирии и Ливана, деятельность которых он обещал восстановить, причем наделив их более широкими полномочиями в сфере экономики. Это было вызвано его

стремлением не допустить влияния на арабов Ливана и Сирии движения «Свободная Франция», которое основал 18 июня 1940 г. генерал Шарль де Голль, а также британской пропаганды из соседних Палестины и Ирака. К тому же речь шла, возможно, о поддержке немецких планов по использованию арабских националистов. Именно в это время с Германией и Италией сотрудничали лидер палестинских националистов и бывший иерусалимский муфтий Амин аль-Хусейни, а также известный идеолог панарабизма дружеский эмир Шакиб Арслан⁸². Но еще более серьезную ставку тогда немцы, захватившие 1 июня 1941 г. остров Крит, делали на премьера Ирака Рашида Али аль-Гайлани и четырех полковников (так называемый «золотой квадрат»), возглавлявших иракскую армию. Для организации помощи аль-Гайлани и его сторонникам германо-итальянское командование использовало территорию Сирии и Ливана, особенно аэродромы, военные базы и сеть дорог. В ответ английская авиация стала бомбить страны Леванта как «враждебную территорию»⁸³.

8 июня 1941 г. британские войска (в основном одна австралийская дивизия и индийская бригада) вместе с подразделениями армии «Свободной Франции» вступили в Сирию и Ливан. 14 июля Денц капитулировал. В этот же день командовавший частями «Свободной Франции» на Ближнем Востоке генерал Жорж Катру выступил с декларацией, в которой официально объявил о намерении «Свободной Франции» отказаться от мандата на управление Сирией и Ливаном и признать независимость этих стран после их освобождения. В тот же день правительство Великобритании поддержало заявление Катру, фактически взяв на себя обязательство сделать то же самое. Но, поскольку союзники не восстановили нормальную конституционную жизнь в стране, это вызвало протесты в Ливане. Одним из актов этого протеста стал общенациональный конгресс всех общин страны 25 декабря 1941 г. в Бкерки под лозунгом: «Независимость требует конституционного режима». Но союзники не приняли его во внимание, занятые в том момент соперничеством по поводу политического будущего Ливана и Сирии. Но здесь англичане не хотели реализации обещаний Катру. У них были совсем

другие планы, а именно — включение стран Леванта в зону влияния дружественных Англии Хашимитов⁸⁴.

«Вскоре стало ясно, что это не удовлетворит англичан, — вспоминал впоследствии Шарль де Голль. — Их действия направлялись из Лондона... осуществлялись на месте группой людей, лишенных щепетильности, но располагающих большими средствами, одобрялись Форин-офисом, которое иногда сетовало по этому поводу, но никогда не высказывало своего отрицательного отношения. Их поддерживал премьер-министр (Черчилль. — *Р. Л.*), чьи двусмысленные обещания и наигранные эмоции вводили в заблуждение относительно его намерений. Все это было направлено на то, чтобы обеспечить повсюду на Востоке руководящее положение Великобритании». Соперничество на Востоке, разделявшее Англию и Францию, по крайней мере, с XVIII в., резко обострилось именно в Сирии и Ливане 40-х гг. прошлого столетия. «Проводя свою политику, — подчеркивал де Голль, — Англия намеревалась с помощью то завуалированных, то грубых методов занять место Франции в Дамаске и Бейруте»⁸⁵. Иногда дело доходило до того, что командир британской бригады, занявший область Джебель-Друз в Сирии, угрожал представителю де Голля: «Ну что ж, если потребуется драться, будем драться»⁸⁶.

7 августа 1941 г. между де Голлем и британским министром резидентом на Ближнем Востоке Литтлтоном было, после долгих дискуссий, заключено соглашение: «Свободная Франция» признала главенство Англии в военных вопросах, английская сторона — «особые интересы» Франции в странах Леванта. Но это не положило конец разногласиям. «В Бейруте, — отмечал де Голль, — обосновался Спирс (британский генерал, ставший посланником при правительствах Сирии и Ливана. — *Р. Л.*). — В его руках были великолепные козыри: наличие английской армии, многообразная деятельность английской разведки; контроль над экономическими отношениями двух стран, которые могли существовать только при наличии торговли; поддержка его деятельности во всех столицах со стороны первой в мире дипломатии; огромные средства для пропаганды; официальная поддержка соседних арабских государств, Ирака и Трансиордании, где царствовали короли из дома Хуссейна,

а также Палестины, английский Верховный комиссар которой систематически выражал лицемерные страхи по поводу реакции арабского населения порученных ему территорий в связи с «притеснениями», которым якобы подвергаются их сирийские и ливанские братья»⁸⁷.

9 сентября 1941 г. английский премьер Черчилль, выступая в палате общин, заявил, что «не может быть и речи о том, чтобы Франция продолжала сохранять в Сирии то же положение, что и до войны». И хотя 27 сентября генерал Катру провозгласил «независимость и суверенитет» Сирии, а 26 ноября — и Ливана, давление англичан продолжалось. «Англичане, — вспоминал де Голль, — хотя на словах и не оспаривали наших прав, на самом же деле никак не считались с нами», постоянно вмешиваясь в отношения «Свободной Франции» с правительствами Ливана и Сирии, формируя кавалерию из друзей, пытаясь контролировать закупку и распределение зерна, угрожая выслать неугодных им французских представителей и т.п.⁸⁸

Сирия и Ливан были включены в стерлинговый блок. Внешняя торговля этих стран, снабжение населения продовольствием, средства сообщения и связи контролировались английским военным командованием, располагавшим в странах Леванта намного более многочисленными и лучше оснащенными вооруженными силами, чем сторонники де Голля. Тем не менее желание и Англии, и «Свободной Франции» привлечь сирийцев и ливанцев на свою сторону, пресечь происки нацистской агентуры и профашистских организаций, поощрявшихся вишистами во главе в Денцем, отмена запрета на издание демократической прессы, включая газету «Саут аш-шааб», требовавшую от имени компартии решительной борьбы с безработицей, дороговизной и продовольственным кризисом, способствовали активизации патриотических и прогрессивных элементов в Сирии и Ливане. Была восстановлена Лига борьбы с фашизмом и нацизмом, создано Общество культурных связей с СССР. Практически были разрешены все политические партии и организации за исключением «Сирийской национально-социальной партии» Антуна Сааде ввиду ее всем известной профашистской ориентации.

Хотя провозглашенная генералом Катру независимость стран Леванта была ограничена «требованиями военного времени» и ее окончательное оформление было отложено на послевоенные годы, сам факт признания ее официальными представителями Франции имел огромное значение, вызвал подъем патриотических чувств и сильно повлиял на последующее развитие социально-политической обстановки в Сирии и Ливане. Новое поколение интеллигенции, учащейся молодежи, особенно студенчества, все более проникалось идеями общеарабского единства Наджиба Азури и Шакиба Арслана, все более прислушивалось к призывам добиться национального освобождения. Об этом убедительно свидетельствовал общенациональный (межобщинный) конгресс в Бкерки — духовном центре маронитов, открывшийся 25 декабря 1941 г.⁸⁹

Однако в 1941—1942 гг. вопрос об этом еще не мог быть поставлен, так как существовала (до осени 1942 г.) угроза германо-итальянского вторжения (при возможном участии в нем Турции), еще шла упорная борьба на севере Африки, где войска Э. Роммеля, стоявшие у порога Александрии, планировали прорыв на Ближний Восток, и еще не ясен был исход решающих для советско-германского фронта битв за Сталинград и Кавказ. Кроме того, по мере нарастания успехов союзников по антигитлеровской коалиции росли и противоречия между ними.

Борьба за сохранение позиций Франции в Леванте занимала де Голля, судя по его мемуарам, не меньше, чем борьба за освобождение Франции. В августе 1942 г. он посетил Ливан и Сирию, чтобы «укрепить контакты с правительственными и руководящими кругами, поднять дух населения, постараться утвердить в делах и умах преимущественные права Франции», которые постоянно ставились англичанами под вопрос. «В Бейруте, — вспоминал де Голль впоследствии, — куда я прибыл в сопровождении Альфреда Наккаша, президента Ливанской республики, массы населения стекались отовсюду. То же самое мы могли наблюдать в Бекаа, в южном Ливане, особенно в Сайде и у маронитских горцев, которые толпами явились в Беккербе и окружили своего патриарха, к которому я явился с визитом». В Сирии, как и в Ливане, «ораторы заверили меня в симпатиях населения, не всегда столь приветливо встречавшего

французов... На обратном пути Триполи и Батрун оказали мне знаки волнующего доверия».

Из всего этого генерал сделал верные выводы. Ему «ясно было, что верхи общества в Сирии и Ливане, каковы бы ни были разделявшие их разногласия, едины в своей воле добиться независимости... Состояние умов настолько резко выражало все это, что было бы нелепо сопротивляться». Но далее следовала важная оговорка: «Конечно, необходимо было обеспечить экономические, дипломатические, культурные интересы Франции, которые составляли ее достояние на Ближнем Востоке уже на протяжении веков»⁹⁰. Но добиться этого было довольно трудно, ибо Англию практически поддерживали США, относившиеся довольно прохладно к де Голлю и к Движению сопротивления во Франции и сохранявшие дипломатические, экономические и прочие связи с марионеточным режимом Виши. Де Голль писал по этому поводу, что Вашингтон «готов был договориться с любым, кто откроет американским войскам ворота в Северную Африку». При этом США продолжали делать ставку если не на режим Виши в целом, то на известных вишистов типа адмирала Дарлана. Но более всего де Голля возмущала Англия: «Можно ли было верить в искренность Лондона, который, желая оправдать свое вмешательство в дела подмандатной Франции территории Леванта, твердил о правах арабов на независимость, когда англичане посадили в Индии за решетку Ганди и Неру, сурово карали в Ираке сторонников Рашиди Али (Гайлани. — *Р. Л.*) и диктовали Фаруку, королю Египта, состав его правительства?» И генерал резюмировал: «Сегодня, как и вчера, надо было исходить только из интересов Франции»⁹¹.

Поэтому де Голль, находясь в Бейруте, встречался со многими общественными деятелями Сирии и Ливана, с чиновниками и представителями интеллигенции, стараясь укрепить «французское присутствие» всюду и получить как можно больше информации «о коммунальном обслуживании, о строительных работах, об образовании и медицинской службе, о содействии французов в качестве советников в административном аппарате, в органах народного просвещения, правосудия, службы порядка, общественных работ, о связях профессиональных, интеллектуальных, родственных между

выходцами из Франции и сирийцами и ливанцами... Во всех канцеляриях, на стройках, в школах, больницах, которые я посетил, все думали и говорили, что необходимо поддерживать эти связи, на каких бы основах ни установились будущие политические отношения между Парижем, Дамаском и Бейрутом»⁹². Особое внимание генерал, естественно, уделил формированию воинских соединений, общая численность которых составила 25 тыс. чел. Большинство составляли сирийцы (9 батальонов против 3 батальонов из Ливана), но 2 артиллерийские группы и 1 танковый батальон, саперные и транспортные части и части войск связи были общими для обеих стран. Офицеры были в основном французами, но уже появились и офицеры-арабы, такие как полковники Хусни аз-Заим и Адиб Шишкекли, сыгравшие впоследствии видную роль в политической жизни Сирии, и полковник Фуад Шихаб — выходец из старинного рода ливанских эмиров.

Однако силы де Голля не могли тогда идти в сравнение с армией и вообще разнообразными возможностями Великобритании. «Семьсот тысяч английских солдат, — вспоминал де Голль впоследствии, — оккупировали Египет, Судан, Киренаику, Палестину, Трансиорданию, Ирак и государства Леванта. Кроме того, Лондон создал в Каире “Экономический центр”, и благодаря кредитным махинациям, монополии в области транспорта, могущественным банкам эта организация держала в своих руках всю внешнюю торговлю арабских стран, то есть фактически всю жизнь населения, определяла мнение видных деятелей и позицию правительств. И, наконец, присутствие в этих странах целой армии специалистов, широко снабжаемых финансовыми средствами, проникновение англичан в высшие круги, воздействие дипломатии и прекрасно организованной пропаганды — все это усиливало влияние Англии; освободившись на Востоке от угроз вражеского вторжения, она рассчитывала утвердиться там в качестве единственного сюзерена»⁹³.

Это ярко проявилось в июле–октябре 1943 г. вследствие выборов в Ливане. «После злосчастных событий, столь подорвавших престиж Франции, новый ливанский парламент, разумеется, проявил безудержный национализм. Англичане, вмешательство которых весьма повлияло на результаты выборов, хотели теперь вос-

пользоваться этим». Де Голль пытался блокировать их усилия, заявив в Бейруте 28 августа 1943 г.: «Государственная независимость Сирии и Ливана становится свершившимся фактом. Она является целью Франции, зафиксированной в мандате Лиги Наций и может быть провозглашена лишь в соответствии с ним. Это означает, что Франция и только она может ввести независимость... В то же время тяжелые испытания войны не позволяют молодым государствам Леванта, как и прочим государствам, пользоваться нормальной практикой демократических учреждений». Выразив надежду на скорое восстановление «нормальных условий достоинства и спокойствия», генерал от имени Франции гарантировал скорое наступление «этого светлого дня для народов, судьба которых нам так дорога».

Но заявление генерала практически не имело последствий, не вызвав сочувствия даже у элиты маронитов, не говоря уже об элите суннитов, чей лидер Риад ас-Сольх «среди всех вождей националистов пользовался самой широкой народной поддержкой». С несколько неожиданным для французов единым фронтом всех этих «несочувствующих» и пришлось столкнуться де Голлю⁹⁴. К тому же, по мнению большинства историков, на вновь избранного 21 сентября 1943 г. президента Ливана Бишара аль-Хури и нового премьера Риада ас-Сольха стал оказывать все возрастающее влияние уже упоминавшийся британский генерал Спирс⁹⁵. Французы приписали его воздействию декларацию Б. аль-Хури о немедленной «реализации независимости в согласии и союзе, в порядке и мире, при равенстве и сближении всех сыновей Ливана и при полном их сотрудничестве», что противоречило заявлению де Голля от 28 августа 1943 г. о том, что «лишь Франции и больше никому следует учредить независимость» в Сирии и Ливане.

Еще более жестким было заявление Р. ас-Сольха от имени правительства 7 октября 1943 г.: «Мы хотим подлинной независимости и полного суверенитета, дабы мы могли распоряжаться нашими судьбами... и утвердить наш национальный интерес, исключая всякий иной». Подчеркнув, что «единственным официальным языком в Ливане будет арабский», премьер сказал: «Мы не хотим больше,

чтобы Ливан оставался дорогой, по которой колониализм проникает в арабские страны»⁹⁶.

«Мы не в состоянии были противостоять такому натиску, — считает де Голль. — Три батальона сенегальцев, несколько пушек, несколько танков, два вестовых судна, дюжина самолетов — вот и все французские вооруженные силы в странах Леванта... Правда, к этому надо добавить сирийские и ливанские войска, то есть восемнадцать тысяч хороших солдат под нашим командованием. Но как-то они поведут себя, если в Дамаске и в Бейруте правительства займут в отношении нас недвусмысленно враждебную позицию?... В общем, мы были слишком слабы и слишком поглощены своей основной задачей (освобождением Франции. — *Р. Л.*), чтобы пытаться подавить на месте все возможные посягательства на позиции Франции». Премьер ас-Сольх и министр иностранных дел Ливана К. Шамун выступили с нападками на Францию, а ливанский парламент внес поправки в текст конституции, «выбросив из нее как раз то, что имело отношение к мандату, как будто он был ликвидирован»⁹⁷.

Тогда 12 ноября 1943 г. генеральный делегат Франции в Леванте наложил вето на исправленный вариант конституции, распустил парламент Ливана и арестовал президента аль-Хури, премьера ас-Сольха и нескольких министров. Временным президентом был назначен маронит Эмиль Эдде, ранее (в 1936–1939 гг.) уже занимавший этот пост. Но образованный к тому времени в Алжире Французский комитет национального освобождения (ФКНО) во главе с де Голлем счел, что «наш делегат ... вышел за пределы действий, допустимых в данной ситуации», хотя и признал «оправданными» его меры «и, главное, те чувства, которыми они были продиктованы». В Бейрут был направлен лучший в ФКНО знаток Востока генерал Жорж Катру (он родился в Алжире), который освободил Б. аль-Хури и Р. ас-Сольха, как и арестованных министров (они все вернулись с триумфом в Бейрут 22 ноября), несколько позже, в декабре 1943 г., дал согласие на исключение из конституций Сирии и Ливана статей о французском мандате, обещал вывести французские войска из этих стран с одновременной передачей им «специальных частей» из ливанцев и сирийцев.

Тем не менее англичане, явно стремясь представить себя «друзьями» арабов и, пока не поздно, вытеснить конкурентов из Леванта, организовали «шумные протесты против Франции», хотя в Сирии и Ливане наступило некоторое затишье. «В Каире, — иронизировал по этому поводу де Голль, — требования исходили от Наххас-паша, которого английский посол навязал королю Фаруку в качестве председателя Совета министров, в Багдаде — от Нури Саида, возвратившегося к власти только благодаря воздействию английских войск, в Аммане — от эмира Абдуллы, бюджет которого составлялся в Лондоне и армией которого командовали генерал Пик и полковник Глабб, именовавшиеся “Пик-паша” и “Глабб-паша”»⁹⁸.

Ирония де Голля лишь маскировала его возмущение лицемерием и цинизмом «коварного Альбиона». Ведь именно в 1943 г. трансйорданский эмир Абдаллах выдвинул согласованный с Лондоном проект «Великой Сирии», планировавший слияние Сирии, Ливана, Трансйордании и Палестины под эгидой династии Хашимитов. Тогда же премьер-министр Ирака Нури Саид предложил включить в это объединение Ирак и назвать его планом «Благодатного полумесяца». Оба эти проекта вызвали неприятие не только французской стороны, но и большинства ливанцев и сирийцев, которые немедленно выступили с протестами против подобных планов ликвидации их только что обретенной независимости и республиканской формы правления. Тем более что в странах Леванта уже с 1941 г. наблюдалось широкое движение студенческой молодежи и интеллигенции под лозунгами арабского национализма и единства арабов. В 1943 г. эти кружки объединились в партию «Арабское возрождение» (Аль-Баас аль-Арабий), резко выступавшую против режима мандата и за достижение реальной, а не формальной независимости.

1943 г. был знаменательным в истории Ливана, став временем окончательного оформления Национального пакта — устного, но, тем не менее, оказавшегося весьма серьезным и долго действующим соглашением между христианами и мусульманами страны, от имени которых выступили президент-маронит Б. аль-Хури и премьер-суннит Р. ас-Сольх. Пакт предусматривал, что Ливан — часть арабского мира,

но имсущая особый характер и связи с Западом. Христиане не должны навязывать Ливану иностранное влияние, а мусульмане — объединять его с каким-либо арабским государством. Сотрудничая с арабским сообществом, Ливан не будет ни к кому присоединяться, сохраняя полный суверенитет. Специально оговаривалось, что президентом страны должен быть маронит, премьером — суннит, председателем палаты депутатов — шиит, вице-председателем палаты — православный. Среди министров предполагалось то же распределение. Вообще каждая община должна быть представлена в государственных учреждениях, включая парламент, по данным переписи 1932 г., когда в стране было 30% маронитов, 22% — суннитов, 18% — шиитов, 10% — православных, 6% — друзов, 6% — униатов (греко-католиков) и 8% остальных (армяно-грегориан, армяно-католиков, несториан, халдеев и других, главным образом христиан разных конфессий). В парламенте на 5 депутатов мусульман должно было быть 6 христиан⁹⁹.

Принцип конфессионализма, таким образом, закреплял превосходство христиан. Но постепенно, по мере изменения религиозного состава населения, он из фактора стабилизации политической ситуации превратился в фактор дестабилизации и источник конфликтов, раздиравших Ливан на всем протяжении его дальнейшей истории. В реальной жизни было очень трудно, а в ряде случаев — просто невозможно, отгородиться от внешних влияний и с Запада (который обладал самыми разнообразными средствами воздействия на Ливан, начиная с эпохи Крестовых походов), и с Востока (окружавшего Ливан со всех сторон и все более «ориентализирующего» его, особенно ввиду неуклонного роста численности мусульман и их доминирования среди жителей страны). Ввиду геостратегического и геополитического положения Ливана, его исторической роли посредника между Востоком и Западом борьба за него, за вовлечение его в те или иные союзы военного, экономического и идеологического характера после принятия Национального пакта отнюдь не прекратилась, а лишь обострилась, тем более — в связи с выходом в годы войны на мировую арену США с их многообразными интересами на Ближнем Востоке.

С конца 1943 г. Ливан вступил в относительно более спокойный (хотя и краткий!) период. Как сказал генерал Ж. Катру по ра-

дио Ливана 23 ноября 1943 г., восстановление в правах президента и премьера Ливана означало, что «традиционные и эффективные отношения, веками связывавшие Францию и Ливан, вновь возродились, а потрясший их прискорбный кризис закончился... Франция остается верна своим обещаниям, своим обязательствам и своему долгу»¹⁰⁰.

Ливан действительно получил возможность осуществлять свой суверенитет, хотя он и был ограничен наличием английских и французских войск в стране. Но это не помешало правительству Ливана проявить себя на дипломатическом поприще, в частности приняв участие в 1944 г. в подготовке создания Лиги арабских государств¹⁰¹. Во внутривластической жизни тон стал задавать объединивший вокруг президента Бишары аль-Хури депутатов, министров и представителей крупных землевладельцев, коммерсантов и финансистов разной конфессиональной принадлежности Конституционный блок. Он выступал за признание понятия «киян любнаний» (ливанское бытие), за неукоснительное следование всем пунктам Национального пакта, за то, «чтобы каждая община получила свои права справедливо и соответственно важности своего положения». Основу блока составляли группировавшиеся лично вокруг президента аль-Хури 36 депутатов (из них — 26 христиан), бывшие владельцами (или совладельцами) 230 крупнейших компаний Ливана. Так что это был не конфессиональный, а по сути своей сугубо **классовый** блок буржуазной элиты страны. Конституционному блоку противостоял (неудачно) Национальный блок, выражавший в Ливане экстремистские позиции части маронитской верхушки¹⁰².

В августе 1944 г. при посредничестве посла СССР в Египте Н. В. Новикова были установлены дипломатические отношения Ливана с СССР. Правительство Ливана заявило по этому поводу: «Безоговорочное признание Советским Союзом укрепит нашу независимость и сделает ее непоколебимой». Авторитет СССР тогда, в годы побед Советской армии над полчищами Гитлера, был высок как никогда. Ливанская пресса в этой связи с удовлетворением констатировала: «Россия признала независимость нашей страны совершенно искренне», дабы «наш малый народ пользовался всеми

своими правами, своими свободами и своим абсолютным суверенитетом»¹⁰³.

На международной арене правительство Ливана старалось действовать совместно с правительством Сирии, в том числе в экономических вопросах. Обе страны договорились сохранить единые органы, контролировавшие иностранные компании и концессии, а также управление таможен и табачную монополию. От этих учреждений зависела вся экономика стран Леванта, их финансовая и хозяйственная устойчивость. Вместе с тем Ливан и Сирия старались утвердить свое положение как равноправных партнеров других государств, подписав в апреле 1945 г. Декларацию ООН, членами которой они стали. За месяц до этого они также стали членами-учредителями Лиги арабских государств (ЛАГ), подписав в Каире ее пакт, предусматривавший сотрудничество между арабскими странами, «защиту их интересов и суверенитета, общее рассмотрение дел и интересов». Тем самым оба молодых государства старались заручиться поддержкой и ООН, и ЛАГ в борьбе за окончательное освобождение от всех еще сохранившихся ограничений суверенитета.

Решающий этап этой борьбы наступил в мае 1945 г. Окончание Второй мировой войны лишало и Францию, и Англию повода держать свои войска на территории стран Леванта. Правительство де Голля во Франции соглашалось вывести свои войска из этих стран, но лишь после заключения с ними выгодных для Парижа соглашений в сфере дипломатии, культуры, финансов, военного сотрудничества. Что касается Великобритании, то она тоже не отказалась от своих планов подчинить себе Левант путем втягивания его в упомянутые ранее проекты «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца». США по мере усиления своих позиций в ходе войны также вынашивали планы установления контроля над территорией Сирии и Ливана, через которую планировали проложить нефтепроводы от принадлежавших им нефтепромыслов Саудовской Аравии, Кувейта и Бахрейна к Средиземному морю. Зная обо всем этом, правительства стран Леванта с начала 1945 г. не раз ставили вопрос о выводе англо-французских войск с их территории, причем без каких-либо предварительных условий и уступок со стороны Дамаска и Бейрута.

В конце концов власти Франции решили разрешить этот конфликт силовым путем. 6 мая 1945 г. под предлогом замены французских войск, предназначенных к выводу (но еще не выведенных) из Ливана, в Бейрут был десантирован новый континент французской армии без уведомления и, естественно, согласия на это правительства Ливана. Это спровоцировало в стране антифранцузские волнения и вооруженные столкновения с воинскими подразделениями французов. То же самое, но в более резких и кровопролитных проявлениях, происходило и в Сирии, где с 8 мая участились нападения на военнослужащих Франции. Ответом на них были расстрел манифестантов в Дамаске 19 мая, репрессии против жителей Халеба 20 мая, артобстрел городов Хоме и Хама 27 мая, беспрецедентная по жестокости и разрушительности артиллерийская и авиационная бомбардировка Дамаска 29 мая. В Ливане таких масштабных репрессий не было, но имели место стычки и «бои местного значения» в отдельных районах. Вплоть до 17 мая французы продолжали присылать подкрепления своим войскам в Ливан, но действовали здесь осмотрительнее, чем в Сирии¹⁰⁴.

Агрессия Франции против стран Леванта вызвала не только протесты правительств и возмущение народов Ливана и Сирии. В их поддержку выступили многие арабские страны, а 21 мая — ЛАГ. 28 мая пересмотра политики Франции в странах Леванта, но особенно в Ливане, потребовали США, которые уже не первый раз демонстрировали свой показной антиколониализм (иногда даже вспоминая о своей борьбе за освобождение от колониального владычества Англии) в целях вытеснения империалистических конкурентов из того или иного региона. На этот раз США решили воспользоваться удобным случаем, дабы одновременно получить на Ближнем Востоке экономические (путем строительства двух нефтепроводов через земли Леванта), политические (путем завоевания симпатий арабов) и социокультурные (с помощью расширения деятельности Американского университета в Бейруте) преимущества. К тому же в 1945 г. голос США на международной арене звучал более весомо, нежели Англии и Франции, вместе взятых.

Тем не менее правительство Англии тоже пыталось воспользоваться трудностями Франции для того, чтобы заменить французское

господство в странах Леванта своим. Оно надеялось при этом на свои давние связи с суннитами, друзьями и некоторыми протестантскими конфессиями Ливана, а также на свое военное превосходство (60 тыс. солдат и офицеров против 5 тыс. французских военнослужащих) в Сирии и Ливане (до 6 мая 1945 г.). 31 мая 1945 г. премьер Великобритании Черчилль направил главе Временного правительства Франции де Голлю откровенно угрожающее послание с требованием вернуть французских военных в казармы «во избежание столкновений между английскими и французскими войсками». Наконец 1 июня 1945 г. прекращения военных действий в странах Леванта потребовал СССР, который возобновил свою критику колониализма, лишь временно свернутую в период войны. Кроме того, став постоянным членом Совета Безопасности ООН, СССР не мог остаться в стороне от быстро формировавшегося нового узла сложных противоречий на Ближнем Востоке¹⁰⁵.

В создавшейся обстановке Франция была вынуждена свернуть боевые операции и начать вывод войск (в основном из Сирии и Ливана). Французские гарнизоны повсеместно стали заменяться английскими, а некоторые британские военнослужащие, срочно превращаясь в «гражданских лиц», старались проникнуть в государственные и частные учреждения Сирии и Ливана. Все это сопровождалось дискуссиями в ООН, требованиями ЛАГ о полном выводе иностранных войск из стран Леванта, спорами дипломатов и т.п. Англичане постепенно вынуждены были отказаться от своих замыслов. Они не хотели предложенного де Голлем участия СССР и ряда арабских стран в урегулировании конфликта. Но для этого надо было договариваться с Францией. Они не хотели сравнивать положение в Сирии и Ливане с ситуацией в Ираке и Трансиордании, но французы настаивали на этом. Они не могли предотвратить официальной передачи 8 июля 1945 г. правительствам Сирии и Ливана сиро-ливанских спецформирований (20–25 тыс. бойцов, подготовленных французскими офицерами). И наконец, им пришлось признать, что их проекты «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» не встретили ни малейшей поддержки ни в Сирии, ни в Ливане.

Противоречия между великими державами помогли Ливану и Сирии в конечном итоге обрести реальную независимость. Внима-

тельно следя друг за другом, а также за настроениями мировой общественности (прежде всего в арабских странах), Англия и Франция к концу 1945 г. договорились о взаимном выводе своих войск из стран Леванта «в принципе», не оговорив сроки этого вывода. Но эта оговорка не сработала. «В феврале 1946 г., — пишет арабский историк Сана Абу Шакра, — Совет Безопасности ООН начал по требованию Сирии и Ливана обсуждение вопроса о выводе войск, но не смог из-за маневров Англии, Франции и США принять решение. Однако перед решительностью Сирии и Ливана, твердой позицией Советского Союза и изменением соотношения сил в пользу освобождения обеих стран колонизаторы отступили. В марте было достигнуто соглашение о выводе англо-французских войск из Ливана до 31 декабря 1946 г.». Но этому предшествовала бурная дискуссия в Совете Безопасности, где СССР, Польша, Египет и Мексика поддержали государства Леванта, а США предложили резолюцию, практически замораживавшую решение проблемы, что было в интересах Англии и Франции, стремившихся вырвать у Бейрута и Дамаска побольше уступок. Тогда делегация СССР впервые в истории ООН наложила вето на проект резолюции США, не отвечавший национальным чаяниям народов Леванта. Таким образом, никакого решения принято не было. Однако сам факт обсуждения этой проблемы в ООН вынудил правительства Англии и Франции пойти уже в марте 1946 г. на заключение с Сирией и Ливаном соглашения о сроках вывода войск¹⁰⁶.

Несмотря на отсутствие официального мнения ООН по этой проблеме, было ясно, что вывода войск не избежать и дальнейшее затягивание его лишь еще больше ухудшит отношения стран Леванта с европейскими державами, претендовавшими на роль их «освободительниц». Поэтому уже 17 апреля 1946 г. англо-французские войска ушли из Сирии, а 31 декабря 1946 г. — из Ливана¹⁰⁷. Эти дни в обеих странах отмечаются как «яум аль-джаля» (День эвакуации) и считаются национальными праздниками.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Став суверенным государством, Ливан продолжал руководствоваться положениями Национального пакта 1943 г., в том числе принципом конфессионализма, согласно которому нормы представительства религиозных общин в органах власти страны базировались на данных переписи 1932 г. (397 тыс. христиан, т.е. 49,9% и 386 тыс. мусульман, т.е. 48,7%)¹⁰⁸. Преимущество христиан (достаточно незначительное и вскоре исчезнувшее) тем самым было закреплено надолго. Оно еще более внушительно выглядело, поскольку президент республики, которым всегда должен быть маронит, обладал по конституции весьма широкими полномочиями: назначал и увольнял министров, включая премьер-министра, имел права законодательной инициативы и роспуска парламента, мог ввести в стране чрезвычайное положение. Христиане также занимали главные командные посты в армии и секретных службах. Все это, с учетом сложного переплетения клановой, конфессиональной и классовой принадлежности в условиях Ливана, позволяло господствующей общине, а именно маронитам, использовавшим также поддержку прочих христианских конфессий, перераспределять в свою пользу национальный доход страны. «Этот фактор, — считают Н. М. Горбунова и В. П. Румянцев, — отрицательно влиял на процесс национальной интеграции, способствовал диспропорциональному развитию районов страны и обуславливал слабость ливанского государства, которое сформировалось как своеобразная федерация религиозных общин. Каждая из них представляла собой полуавтономный политический организм и для укрепления своих позиций нуждалась в союзниках»¹⁰⁹.

Союзниками ведущей конфессии — маронитов — были другие христианские общины, но также, как это ни странно, верхушка суннитов, с которой маронитская элита уже имела опыт альянса в 1936 г. и 1943 г., основанного на общности экономических и соци-

альных, а в чем-то и политических интересов. И недаром во главе суверенного Ливана встали два человека, как нельзя лучше воплощавшие вышеуказанный альянс, — президент Бишара аль-Хури и премьер Риад ас-Солх.

Бишара Халиль аль-Хури (1892–1964) «хотя и был адвокатом и правительственным чиновником по профессии, но имел очень крепкие личные и экономические связи с влиятельными деловыми и финансовыми кругами Бейрута. В апреле 1922 г. он женился на сестре Мишеля Шихи, богатого католического банкира и владельца газеты. Этот брак расширил его связи, поскольку сам Шиха был женат на сестре греко-католического банкира Анри Фараона (банк Фараона и Шихи был одним из важнейших банков Ливана в годы мандата и первые годы независимости). Благодаря этим двум католикам президент-маронит вошел в элиту миллионеров, в значительной мере состоявшую из христиан-немаронитов. Тесные связи между семьями Хури, Шихи и Фараона сотворили политический союз, чрезвычайно влиятельный в первые годы независимости». Сам Б. аль-Хури, виртуоз политической тактики и стратегии, умело манипулировал различными фракциями парламента и вообще политическими группировками Ливана. «Дабы понравиться наибольшему числу депутатов и в то же время ограничить их власть, он назначал четырнадцать кабинетов министров с восемью разными премьерами». В среднем каждый состав правительства при нем функционировал не более 9 месяцев. При этом Мишель Шиха был, как и Анри Фараон, не только деловым партнером, но и политическим помощником президента еще с 1925 г., когда он в качестве секретаря парламентской комиссии по подготовке конституции вместе с Фараоном стал «одним из создателей политико-экономической системы Ливана», а Фараон в принадлежавшей Шихе газете «Ле Жур» формулировал основы либеральной идеологии будущего ливанского государства, высказываясь за «толерантность», «свободу», «уравновешенность» и «мудрость», которые «являются условиями нашей защиты и нашего прогресса»¹¹⁰.

Майкл Джонсон называет установленный в Ливане президентский режим «основополагающим государственным учреждением торгово-финансовой буржуазии», которое унаследовало большую

часть широких полномочий исполнительной власти французского верховного комиссара». Он подчеркивает, что «Ливанское государство с его сильной исполнительной и слабой законодательной властью легко контролировалось доминирующим экономическим классом», который именно в президентство аль-Хури (1943–1952) «утвердил в Ливане либеральную экономическую систему», а позднее «закрепил роль Ливана как торговой нации через урезание импортных лицензий и ограничений, сокращение тарифов и последовательное введение свободного порядка международной торговли». Был даже ослаблен контроль за внешней коммерцией, что позволило торгово-финансовой буржуазии полностью использовать резервы, накопленные в годы войны, когда союзные войска потратили в Ливане и Сирии до 76 млн ф. стерлингов. Эти деньги способствовали послевоенному экономическому буму в странах Леванта, который длился до середины 60-х гг.

Кроме того, президент и его союзники сколотили в парламенте прочную коалицию депутатов, представлявших интересы крупных землевладельцев, коммерсантов и банкиров. Из этой же среды, преимущественно с помощью «заимов» и «кабадайя», формировалась государственная бюрократия, верхушка которой назначалась лично президентом (выходцем из семьи крупных промышленников Северного Ливана)* и, очень часто, по представлению Анри Фараона, который, сам будучи крупным землевладельцем в плодородной долине Бекаа, через свои деловые, семейные и конфессиональные связи нередко обеспечивал президенту поддержку «заимов» в решающих районах страны. При этом не только греко-католическая община Бекаа, но и богатейший неофеодал-шиит этой области Сабри Хамада был связан с Фараоном. Они вдвоем всегда избирались депутатами от этой области, опираясь на разветвленную кланово-конфессиональную клиентуру. В Бейруте же неизменно побеждали списки связанных с ними православного финансиста Хабиба Абу Шахлы и маркиза Мусы де Фрейжа, католического банкира, бизнесмена и родственника Фараона. На севере Ливана режим поддер-

* Его родственник Бутрус аль-Хури был председателем Ассоциации промышленников Ливана.

живали влиятельные суннитские семьи Караме, Мукаддам и Джиср, «заим» города Зорта маронит Хамид Франжье, на юге — Ахмад аль-Асад, феодал-шиит и тесть Сабри Хамады. Только в Горном Ливане сложился оплот оппозиции во главе с Эмилем Эдде, основателем партии «Национальный блок», лично соперничавшим с аль-Хури за лидерство среди маронитов. Но и здесь президент мог положиться на местного лидера друзей и богатого землевладельца Маджида Арслана¹¹¹.

Но, пожалуй, наиболее важным союзником президента был лидер суннитов Риад ас-Сольх (1894–1951), выходец из богатой семьи, обосновавшейся в Бейруте в середине XIX в. и включавшей землевладельцев, судей, высших чиновников и офицеров османской армии, служивших в Стамбуле, Трансиордании и Салониках. Они были женаты на девушках из знатных турецких и арабских семей Дамаска, Халеба, Каира и Стамбула. Дед Риادا генерал Ахмад-паша владел обширными землями под Сидоном (ныне — Сайда) на юге Ливана и был мутасаррифом (губернатором) Акры (в Палестине), потом — Латакии (в Сирии). Отец Риادا, Рида был мутасаррифом Салоник, женатым на аристократке узбекского происхождения, эмигрировавшей в Анатолию, а в 1909 г. стал депутатом османского парламента. И он, и его сын Риад были осуждены военным трибуналом османов в 1915 г. «Говорили, — пишет М. Джонсон, — что Риад избежал виселицы лишь благодаря ходатайству губернатора Бейрута Азми-бея перед Джамаль-пашой. Это объяснялось влюбленностью дочери Азми-бея в Риادا, когда оба семейства были соседями в Стамбуле. Риад тогда спас жизнь ее отцу, вызвав к нему доктора при тяжелом приступе астмы». После войны Рида и Риад вместе с кузеном последнего Афифом соответственно представляли Бейрут, Сидон (Сайду) и Тир на Сирийском национальном конгрессе в Дамаске, признавшим весной 1920 г. эмира Фейсала королем единой Сирии (Рида ас-Сольх даже стал министром внутренних дел его правительства). Но после изгнания Фейсала французами Рида отошел от политики, Афиф стал депутатом в Сирии в 30-х гг., а Риад включился в борьбу против режима мандата в Ливане. Осужденный на смерть (заочно), он вынужден был покинуть страну до 1924 г., но, вернувшись, через несколько месяцев опять выехал за

рубеж и около 3 лет проповедовал в Париже и Женеве (среди арабов и вообще мусульман) идеи панарабизма. С конца 20-х гг. он — постоянно в Бейруте, выступая на этот раз за независимость Ливана, которая была реализована в 1943 г. на основе уже упоминавшегося Национального пакта, одним из авторов которого и был сам Риад ас-Сольх. По некоторым данным, в составлении пакта и даже в выдвижении самой его идеи участвовали также двоюродные братья Риада — Казим и Таки ад-Дин, — впоследствии депутаты, журналисты и дипломаты, весьма влиятельные на юге и востоке Ливана. В Бейруте же выдвинулся четвертый представитель этого клана — Сами ас-Сольх, первый «заим» столицы, создатель организованной пирамиды «уличных кабадая» и премьер-министр в январе-декабре 1945 г.¹¹²

Президентский режим, опиравшийся на коалицию христианско-мусульманских верхов, обеспечил на время всецелое торгово-финансовой буржуазии и крупных латифундистов. С целью укрепления своей молодой независимости они провели ряд мер по стимулированию роста промышленности, в которой позиции национальной буржуазии были крайне слабы, а 90% инвестиций принадлежало иностранному, главным образом французскому, капиталу. Были даже национализированы трамвай, железные дороги и электростанции, владельцам которых — французам и бельгийцам — была выплачена компенсация. Власти старались поддерживать в стране социальное равновесие: была разрешена деятельность профсоюзов, существовала свобода печати, собраний и политических организаций, был принят закон о труде в сентябре 1946 г. В то же время в июне 1946 г. были расстреляны бастовавшие рабочие французской компании «Режи де таба», запрещен орган компартии «Саут аш-Шааб» (Голос народа).

Стремясь ослабить сохранявшееся значительное влияние Франции, правительство Ливана приглашало в страну английских специалистов и экспертов, принимало их на службу в госучреждения, создало в селении Шимлян школу для подготовки английских знатоков арабских проблем. С учетом 1-го места Англии во внешней торговле Ливана того времени «пробританский уклон» в политике Ливана был несомненным. По крайней мере, до конца 40-х гг., ко-

гда стало нарастать проникновение в Ливан США. В 1948 г. Ливан заключил с АРАМКО (американской монополией, действовавшей в Саудовской Аравии) соглашение о строительстве нефтепровода через территорию Ливана. Затем последовало строительство нефтеперегонного завода в Сайде (т.е. в избирательном округе Риада ас-Сольха) и распространение на Ливан в 1951 г. действия 4-го пункта «программы Трумэна» (своеобразного плана экономической, технической и военной помощи США).

Было бы неверно полагать, что Ливан, все теснее сотрудничая с западными державами, не стремился отстаивать свои интересы. Однако ему было это трудно в условиях исторически сложившейся структуры его экономики, в которой преобладал третичный сектор, т.е. сфера банков и финансов, торговли, транспорта, услуг, туризма, образования и здравоохранения. Их доля в национальном доходе составляла 62% в 1960 г. и 70% в 1970 г., в то время как доля промышленности и сельского хозяйства — 30–39%. Импорт покрывался за счет экспорта всего на 48%. Дефицит торгового баланса компенсировался путем продажи услуг за рубеж, переводов зарплаты и притока капиталов извне. При всех колебаниях конъюнктуры Ливан, по мнению социологов Клода Дюбара и Салима Насра, оставался «одной из главных осей проникновения Запада на Арабский Восток». В 1970 г. 772 компании третичного сектора были либо филиалами иностранных компаний (248, т.е. 32%), либо смешанными (152, т.е. 19,6%). Но и 370 «чисто» ливанских компаний были связаны с Западом своими интересами и местом в налаженной системе экономических связей.

К 1950 г. 30% доходов Ливан получал от внешней торговли, в том числе от реэкспорта в арабские страны промышленных товаров Запада. До 40% доходов страны давала к тому времени сфера услуг. До 30% всех сделок с золотом на мировом рынке в 1951 г. шли через Бейрут. Большинство западных компаний, действующих на Ближнем Востоке, располагали в Бейруте свои штаб-квартиры. Немалый доход получал Ливан от проложенных по его территории нефтепроводов таких монополий, как Ирак Петролеум Компани и Тэплайн, а также от технически совершенных нефтеперерабатывающих заводов в Триполи и Захране. Но все эти доходы, связи и

предприятия, обогащая страну, одновременно крепко привязывали не только ее буржуазию, госаппарат и сферу услуг, но и всю ее экономику к финансово-хозяйственной системе и соответствующим нуждам и потребностям Запада (вплоть до весьма доходной контрабанды наркотиков из Юго-Восточной Азии).

Попытки изменить положение ничего не дали. В 1950–1965 гг. часть ливанской и осевшей в Ливане арабской буржуазии, опираясь на 12 «своих» банков страны, довела их долю в 1960 г. до 20 (из 54) и 55 (из 86) в 1966 г., сосредоточив в своих руках до трети всех депозитов. Банк ИНТРА даже установил контроль над крупнейшими (в том числе французскими) компаниями Ливана (портом Бейрута, авиакомпаниями, радио и другими). Он создал новые компании в области торговли, промышленности и владения недвижимостью с филиалами в Европе, США, Латинской Америке и Черной Африке, где вошел в контакт с капиталами ливанских эмигрантов, после чего начал скупать некоторые предприятия во Франции и Швейцарии.

В ответ Запад организовал крах банка ИНТРА, что привело к разорению еще 12 ливанских банков. Количество «чисто» ливанских банков после этого сократилось с 55 в 1966 г. до 38 в 1969 г. и 25 — в 1974 г. Это сопровождалось самоликвидациями, слияниями, поглощениями. К 1972 г. Запад контролировал уже 60% банковского сектора Ливана, в котором доля ливанцев снизилась до 20% в 1972 г. и 15% в 1975 г. К тому же в 1972 г. 9 банков (из 73) контролировали 30% депозитов. Из них лишь 1 — ливанский¹¹³.

Все это имело очень серьезное значение с учетом того, что в 1956–1965 гг. до 65% всех прибылей «нефтекратов» Персидского залива переводилось в Ливан. Сюда же были переведены в 1948 г. капиталы из Палестины (60 млн ливанских фунтов), 100 млн из Египта, 150 млн из Ирака, 500 млн из Сирии. В 1965 г. общая сумма этих переводов достигла 2300 млн фунтов. Лишь часть их была вложена в торговлю и скупку недвижимости (за исключением сирийских инвестиций в химическую и текстильную промышленность). Основная часть осталась на счетах банков или была потрачена на инвестиции за рубежом. В 1973 г. 46% всех депозитов коммерческих банков Ливана (около 3 млрд фунтов) принадлежали зарубежным владельцам (на 90% — арабам). К началу 1975 г. в Лива-

не было 54 представительства западных банков, 3 — «арабо-западных», 2 — арабских. Из 42 коммерческих банков было 27 западных, 2 — «арабо-западных», 7 — арабских. Более половины накоплений западных банков переводились либо в свои страны или на другие финансовые рынки Запада¹¹⁴. «В результате, — констатировали в 1976 г. Клод Дюбар и Салим Наср, — при обилии капиталов в Ливане было невозможно обеспечить развитие»¹¹⁵.

Тем не менее некоторое развитие все же наблюдалось. В частности, до 60% экспорта Ливана шло в арабские страны, причем готовая продукция в этой части экспорта составляла 51,7% в 1968 г. и 61,8% в 1972 г. Но одновременно все возрастающий импорт давал 34,8% ВВП страны в 1957 г., 41,7% — в 1969 г., 43,6% — в 1971 г. и 53,6% — в 1973 г. Практически рынок Ливана был поделен ведущими капиталистическими странами мира, которые контролировали до 70% этого импорта. Крупной промышленности в стране не было: на 8 тыс. предприятий, занимавших менее 5 рабочих каждое, производилось 7,5% продукции и 11% добавленной стоимости. Но выплачивалось ими (по данным 1971 г.) не более 4% всей заработной платы по стране. 2700 предприятий (от 5 до 25 занятых) давали 25,4% продукции, 28,7% — добавленной стоимости и 20% — заработной платы. Соответствующие показатели для 300 самых крупных предприятий (свыше 25 занятых) — 67,1, 60,3 и 76%. Подавляющее большинство предприятий (скорее — мастерских и ателье) давали треть всей продукции, более 4% добавленной стоимости и 1/2 активов промышленности, занимая при этом 42% всех работавших по найму. А 20 крупнейших предприятий давали 50% всей стоимости продукции, «производя средства потребления для многочисленных средних классов столицы и рынков некоторых арабских нефтяных государств»¹¹⁶.

Не вызывает удивления, что буквально с первых дней независимости в стране были предоставлены самые широкие льготы иностранному капиталу и связанным с ним богатейшим местным коммерсантам. Власти всею способами поощряли транзитную торговлю, бывшую многовековой традицией Ливана. В 1948 г. была разрешена свободная торговля валютой, в 1951 г. — расширена зона «свободной торговли» в порту Бейрута. В 1950–1957 гг. Ливан по-

лучил 35 мл. долларов по «программе Трумэна», которые были потрачены главным образом на строительство аэродромов, портов, дорог и прочей инфраструктуры. В своей экономической политике правительство вынуждено было учитывать интересы разных фракций правящих слоев страны. Дюбар и Наср выделяют из них следующие группы:

1) крупные земельные собственники с докапиталистической идеологией и отличающаяся от них, но делящая с ними земельную ренту аграрная буржуазия (к последней принадлежат почти все богатые предприниматели Бейрута, Триполи, Сайды и Захле, сочетающие свои занятия торговлей, промышленностью, финансами и прочим бизнесом со спекуляцией землей);

2) промышленники (к ним, как правило, принадлежали всегда не менее 25% депутатов парламента любого созыва), сформировавшиеся в 1880–1925 гг. из торговцев-маронитов, суннитов и православных (до 1957 г. 83% глав предприятий были христианами разных конфессий, но после 1957 г. среди промышленников заметны стали сунниты);

3) главное место среди ливанской буржуазии всегда занимали и, очевидно, будут занимать коммерсанты любого происхождения и вероисповедания, включая армян, ассирийцев, греков, курдов, арабов Сирии и Палестины, выходцев из Европы;

4) последней (по порядку, но не по значимости) названа была финансовая олигархия, фактически господствовавшая в стране, ибо в ее руках был контроль над всеми банками, в свою очередь контролировавшими и финансировавшими и промышленность, и торговлю, и строительство, и ремесла, и транспорт¹¹⁷.

Не менее интересны высказывания Клода Дюбара и Салима Насра о конфессиональном делении правящих групп Ливана. По их мнению, маронитская фракция элиты страны, наиболее «старая и тесно связанная с руководящим политическим персоналом, ориентирована прежде всего на занятия внешней торговлей, финансовы-

* Автор этих строк встречал в Ливане предпринимателя из сирийских христиан, который усыновил сына своей умершей жены-француженки. Отцом усыновленного был итальянец. Тем не менее усыновленный принял арабскую фамилию усыновителя и стал его законным наследником.

ми операциями, туризмом, строительством и производством текстиля. Другие христианские конфессии в рядах ливанской буржуазии играют меньшую роль, но контролируют ряд крупных торговых домов и промышленных предприятий. Суннитская фракция тяготеет к арабским рынкам, рассчитывая на ранее установленные контакты с суннитским большинством Сирии, Палестины, Иордании, Египта и Аравии. Сунниты контролируют значительную часть производства и сбыта продовольствия, экспорт продукции сельского хозяйства и операции с городской недвижимостью. Шииты — наиболее молодая фракция ливанской буржуазии, поднявшаяся в основном на капиталах ливанских эмигрантов в Африке. Им приходится с трудом пробивать себе дорогу, занимаясь до поры до времени второстепенными делами — сделками с имуществом, выращиванием овощей, индустрией развлечений, торговлей с Черной Африкой.

Записанные Дюбаром и Насром интервью с несколькими предпринимателями Ливана также весьма показательны. Первый из них — маронит, промышленник и коммерсант, как и его отец, владеет текстильной и шелковой фабриками, а его сын представляет интересы текстильных компаний Англии и Франции. «Рабочие у него — на 100% ливанцы, нет даже ни одного армянина». В месяц он тратит 4–6 тыс. ливанских фунтов. «У меня, — говорит он, — есть друзья, занимающие высокие политические посты, депутаты. Они нам помогают». Второй интервьюируемый — суннит, внук и сын торговца, а сам — предприниматель в строительстве, инженер, окончивший Американский университет в Бейруте. Жалеет чиновников и других ливанцев, вынужденных иметь две профессии: «Они хотят модно одеваться, иметь последнего выпуска машину. Но для всех в Ливане нет работы. Поэтому везде в арабских странах есть ливанцы, особенно в отелях, где они — кассиры, шоферы, директора. Но наиболее важный социальный класс — это торговцы. А земельные собственники? Да они все тоже торговцы». Опрашиваемый — высший чиновник 56 лет, греко-католик (униат), карьеру сделал с помощью православного депутата от Захле (что свидетельствует о незначительности конфессиональных различий среди христиан). Он скептически смотрит на перспективы единства

арабов, выступает за сближение с Западом по экономическим мотивам и боится утраты Ливаном позиции посредника.

По мнению К. Дюбара и С. Насра, это — «ключевые позиции для идеологии, разделяемой большинством буржуазии Ливана». Их собеседник жалуется на «малую оплачиваемость» чиновников в Ливане и отсутствие у них права состоять в профсоюзе. Все зло, как он считает, «от не платящих налоги». Но полагает, что правят страной богачи, религиозные вожди и традиционные политические лидеры. Среди наиболее богатых упомянул сирийцев. Действительно, есть данные, что 20–25% предпринимателей не являются ливанцами. Они — в основном из Сирии, меньше — из Египта, и особенно рьяно выступают за «либеральную систему», свободу цен и частного предпринимательства. Некоторые сирийцы, египтяне, палестинцы и иракцы (главным образом торговцы и финансисты) играют важную экономическую и идеологическую роль в Ливане, который считают своим последним прибежищем. Как бы в подтверждение этого тезиса четвертый собеседник авторов, тоже греко-католик, но из Сирии, из которой он эмигрировал после национализаций 1965 г. Окончив высшую коммерческую школу в Гренобле, он создал в Бейруте вместе со своим зятем и двоюродным братом торговое предприятие по импорту шин из Японии. За год их капитал вырос в 10 раз¹¹⁸.

Несмотря на господство буржуазии в Ливане и неоднократные исследования ее роли и структуры, большинство ливанцев имели о ней смутное представление. По мнению Фуада Хури из Американского университета Бейрута, это произошло потому, что само понятие класса «с трудом пробивается в Ливане сквозь доминирующие этноконфессиональные и деревенско-городские различия». Для ливанца его соотечественник был прежде всего арабом или неарабом, мусульманином или христианином, горожанином или сельским общинником, а уж потом — рабочим, предпринимателем или еще кем-то. Другой исследователь, Саид Ясин, объяснял слабость классового самосознания ливанцев тем, что государство само «организовало процесс интернационализации национальной буржуазии», вследствие чего классовые признаки размывались и так или иначе воспринимались сквозь пелену этнорелигиозных характеристик.

Часть социологов Ливана (в частности, в Ливанском университете в 1967 г.) считала невнимание своих сограждан к классовым различиям результатом свободного получения ими высшего образования, что вело к «слишком быстрой социальной мобильности», т.е. переходу из низших слоев в средние и высшие¹²⁰. «У нас нет острой проблемы общественных классов», — сказал мне тогда ректор университета Фуад аль-Бустани¹²¹.

Возможно, подобные мнения — следствие довольно быстрого экономического роста в первые годы независимости, когда количество крупных (с капиталом более 1 млн фунтов) банков в 1945–1962 гг. возросло с 7 до 58, количество промышленных фирм в 1950–1964 гг. — с 430 до 2099, а численность работающих по найму в 1955–1964 гг. — с 34 214 до 44 984 чел.¹²² Это (в какой-то мере) относительное процветание, особенно на фоне острых социальных проблем и массовой безработицы в других арабских странах, тем более — войны в Палестине, создавало несколько идеализированное представление о Ливане как о мирной, зажиточной и спокойной «арабской Швейцарии». Данное представление продержалось до конца 60-х гг.

Еще один фактор маскировки классовой принадлежности в Ливане, по убеждению Фуада Хури, заключается в наличии не одного, а «двух средних классов». Первый из них он называет «аль-мастури», т.е. «скрытые, тайные», уточняя, что это — «основная часть населения, самостоятельно зарабатывающая на жизнь» и включающая «мелких земледельцев, лавочников, учителей и техников», а также «клерков и простых солдат». От бедняков их отличает заработок главы семьи, позволяющий его жене и детям не работать. Если это не так, то «статус семьи снижается», т.е. они оказываются за пределами среднего класса. Вторая категория названа им «аль-мубахбахин», т.е. «довольные, зажиточные», к каковым причисляются «состоятельные землевладельцы и торговцы, выпускники университетов, профессиональный класс докторов медицины, инженеров и адвокатов», достигших своего положения «с помощью образования или эмиграции», что делает их «более восприимчивыми к модернизации, чем другие классы». Им присуща индивидуальная инициатива и мобильность, профессионализм и готовность к поли-

тической деятельности. Но включиться в эту деятельность им мешают «традиционные связи семьи, секты или региона», а также «политическое безразличие, пессимизм и отсутствие антибуржуазных чувств» (скорее — сочувствие буржуазии «своей» конфессии, «своему» этносу и региону — *Р. Л.*). Сказались также преследование в стране идеологий, не связанных с религией, отсутствие привычки действовать через профсоюзы и вообще какие-либо организации¹²³. Иными словами, образованная часть буржуазии (и городской, и аграрной) и средних слоев была вполне готова к политической борьбе, но в силу специфики социальных традиций, общественных уз, идейной и организационной незрелости слишком медленно, нерешительно и не полностью втягивалась в эту борьбу. Гораздо понятнее, привычнее и логичнее даже образованным ливанцам казалось сплотиться в рамках той или иной конфессиональной (этнической, региональной) общины, руководствуясь ее интересами, представлениями и институтами.

Одним из первых испытаний для молодого государства, еще не вставшего прочно на ноги, явилась арабо-израильская война 1948–1949 гг. Ливан, как и другие арабские страны, не был готов к этой войне и принял в ней «ограниченное участие». Война практически началась раньше ее официального объявления в мае 1948 г., а именно сразу после решения Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1947 г. о разделе Палестины. Обе стороны конфликта — ишув (община евреев) и арабы Палестины — претендовали на всю Палестину. Поэтому с ноября 1947 г. между ними завязалась ожесточенная борьба за контроль над территорией разделенной страны. В этой борьбе определенную роль сыграл Фаузи аль-Кавукджи, проживавший в Ливане герой палестинского восстания 1936–1939 гг. В январе 1948 г. он во главе созданной им Армии освобождения Палестины (АОП), состоявшей тогда всего из 2 тыс. ветеранов восстания 1936–1939 гг., занял север Палестины. Аналогично вели себя в центре страны добровольцы из Египта (главным образом члены Ассоциации братьев-мусульман). К марту 1948 г. аль-Кавукджи довел численность АОП до 5–8 тыс. чел., в основном за счет добровольцев из Ливана, Сирии и Ирака. Но уже в апреле 1948 г. его бойцы вместе с гражданским арабским населением вынуждены были

отступить от побережья Средиземного моря под давлением превосходивших сил противника¹²⁴.

15 мая 1948 г., на следующий день после провозглашения государства Израиль, ему объявили войну все арабские государства, которые к тому времени были независимыми, а именно: Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия и Йемен. Ливан, лишь за два года до этого ставший суверенным, не имел еще ни настоящей армии, ни госаппарата, готового действовать в условиях современной войны, ни вооружения и снабжения, отвечавшего требованиям такой войны. Тем не менее до июля 1948 г. ливанцы действовали успешно (как и египтяне и особенно иорданцы и иракцы) и заняли город Малькийю на севере Палестины. Однако на этом их успехи и закончились. После июля 1948 г. ход военных действий складывался в пользу Израиля, который практически одержал победу в войне, что и были вынуждены признать фактически арабские государства, заключившие с ним в 1949 г. перемирие, условия которого оставляли в руках израильтян 80% территории Палестины. В Ливане, как и в других арабских странах, это называли «накба» (катастрофа, несчастье). Более половины палестинцев оказались в статусе беженцев на землях сопредельных арабских стран. На территории Ливана с тех пор обосновались свыше 100 тыс. палестинцев, численность которых впоследствии возрастала с каждым годом, что стало серьезной проблемой внутривнутриполитической жизни страны, хотя поначалу беженцы были размещены в специальных лагерях ООН, в которых была запрещена всякая политическая деятельность¹²⁵.

Ливан, как и все арабские страны, по-своему переживал поражение в войне 1948–1949 гг., но меньше, чем Сирия, Иордания и Египет. Однако марониты, задававшие тон в политической жизни Ливана, отнюдь не радовались и вовлечению страны в общеарабские дела (часть маронитов считала, что это их «не касается» и даже пыталась отрицать арабский характер Ливана), и появлению в стране палестинцев, последствием которого стал сдвиг влево в общественной жизни. Палестинцы и прочие не-ливанцы (особенно студенты Американского университета в Бейруте) вступали в компартию Ливана, ливанскую секцию Партии арабского возрождения (Баас) и

возникшее после 1949 г. Движение арабских националистов (ДАН), идеология которого с самого начала была полумарксистской или же представляла собой левоэкстремистский вариант марксизма. При этом Баас и ДАН стали гораздо интенсивнее, чем раньше, вовлекать в свои ряды «ливанских студентов, интеллигентов, служащих и специалистов, христиан и мусульман, мотивированных вековым национализмом в смеси с идеями социализма».

Присутствие палестинцев, особенно после того, как они стали покидать лагеря беженцев и вступать в контакты (деловые, дружеские, брачные, политические и т.п.) с ливанцами, повлияло, и довольно серьезно, на хрупкое равновесие общин Ливана. Правые силы старались воспользоваться этим, дабы натравить на палестинцев не только христиан, но и шиитов. Среди палестинцев доминировали мусульмане-сунниты (свыше 90%), хотя были и шииты, и христиане. В Ливане же в это время наблюдались два явления: более высокая рождаемость среди мусульман, особенно шиитов, и все более возрастающая среди христиан (главным образом маронитов) тенденция к эмиграции (в основном в Америку, меньше — в Африку). В этих условиях достижение равного представительства общин превращалось в «неразрешимую задачу». Даже Риад ас-Сольх, «твердо стоявший при формировании им правительства в 1943 г. и в 1947 гг. за проведение новой переписи, пришел к выводу, что это — безнадежное дело», ибо новая перепись, выявив, что большинство составляют мусульмане, а христиане его не образуют, «привела бы к кризису, чреватому подлинной гражданской войной»¹²⁶.

Проблема эта была унаследована от периода мандатного управления и даже более ранней эпохи османского господства. Поэтому, как считает исследователь из Иерусалима Орен Барак, ходом событий в Ливане были недовольны «не только экономические и социальные лишенцы — члены общин шиитов и друзов, чьи представители постепенно приходили в ярость при виде абсолютного маронитско-суннитского господства в политике, экономике и обществе Ливана», но и члены прочих сообществ, «отстраненные от процесса принятия решений и отличавшиеся по своим взглядам ... от их правящих элит, состоявших из банкиров, бизнесменов, предпринимателей и традиционных полуфеодалов-землевладельцев»¹²⁷.

Объективные (исторические, социальные, экономические) причины недовольства положением в стране усугублялись субъективными действиями президента Б. аль-Хури, который не только игнорировал требования различных слоев и групп населения, но и ухитрился спровоцировать враждебность со стороны своей главной опоры — маронитов. Президент, стремясь к абсолютизации своей власти, пытался всячески «отодвинуть» от нее других лидеров маронитов, нарушал гарантированные конституцией свободы, проводил, не считаясь ни с кем, откровенно прозападный курс внешней политики. Все это никак не способствовало ослаблению напряженности в ливанском обществе, о которой говорилось выше. В результате в 1949 г. была образована Прогрессивная социалистическая партия (ПСП) во главе с Камалем Джумблатом, одновременно — вождем друзей, «региональным боссом» области Шуф в Горном Ливане и крупным землевладельцем, выступившим за радикальное изменение сложившейся в стране социополитической системы. Эту систему остро критиковала также компартия Ливана, «но не призывала к свержению правительства». С нападками на правительство выступала праворадикальная Национал-социальная сирийская партия (НССП) Антуна Сааде. В 1949 г. она попыталась совершить государственный переворот, но потерпела неудачу. Сам Сааде был казнен.

НССП отличалась (как и ЛКП) от большинства ливанских партий, выражавших устремления той или иной религиозной общины. НССП была, скорее, реликтом былого влияния на Ближний Восток держав «оси» в 30–40-х гг. В ее идеологии и организации просматривались элементы расизма (культ «великосирийской» нации) и экстремистского национализма. Она была враждебна и исламу, и маронитам, терпимо относясь лишь к православию, но вербовала своих последователей из всех общин, и в целом не руководствуясь никакой религией. Целью НССП было создание «корпоративного авторитарного государства с включением в него не только Ливана и Сирии, но также Палестины и Иордании»¹²⁸.

После 1949 г. партия не прекратила действовать, что дорого обошлось правящей элите Ливана. Летом 1951 г. член партии Сааде отомстил за своего вождя, убив премьер-министра Риада

ас-Сольха¹²⁹. Это убийство потрясло все ливанское общество. Риад ас-Сольх был наиболее популярным политиком, неоднократно возглавлявшим правительство, и наиболее авторитетным лидером суннитов, пользовавшимся уважением всех ливанцев. Само по себе его устранение было свидетельством кризиса режима в целом, а также персональной политики президента Бишары аль-Хури¹³⁰.

К концу 40-х гг. стратегия аль-Хури, основанная на «сотрудничестве с политическими федералистами, стала разваливаться». Разросшаяся коррупция и авторитарные замашки президента вызывали недовольство многих политиков самых разных взглядов. К тому же аль-Хури решил, вопреки конституции, баллотироваться на второй срок. Выборы 1947 г. были фальсифицированы и дали аль-Хури то псевдобольшинство, которое позволило ему всеми правдами и неправдами добиться своего. Однако это встретило жесткое сопротивление со стороны главного претендента на пост президента — Камиля Шамуна (1900—1987). Партии аль-Хури «Конституционный блок» Шамун противопоставил в 1949 г. Социалистический национальный фронт (СНФ), образованный его сторонниками совместно с партиями «Катаиб», Национальным блоком и, главное, с Прогрессивной социалистической партией Камаля Джумבלата, т.е. фактически со всей общиной друзов. СНФ, активно действуя и в парламенте, и в массах, выдвинул программу реформ, предусматривавшую изменение избирательного закона, чистку госаппарата, укрепление связей Ливана с арабскими странами. Весной и летом 1952 г. Ливан был захлестнут волной антиправительственных демонстраций.

Трехлетнее противоборство двух группировок постепенно размыло опоры власти аль-Хури. Кроме того, он уже не имел поддержки влиятельных суннитов после убийства в 1951 г. Риада ас-Сольха, популярного не только среди суннитов, но и среди патриотов Ливана других взглядов. В сентябре 1952 г. СНФ, по выражению М. Джонсона, «организовал относительно мирное восстание, заставившее Хури уйти в отставку». При этом решающую роль сыграл командующий армией генерал Фуад Шихаб, отказавшийся послать войска для подавления всеобщей забастовки и демонстраций СНФ. Однако, несмотря на всенародную поддержку, СНФ «оказался социалистическим лишь по названию». Даже «умеренная социал-

демократия» Джумблата была отвергнута Шамуном, занявшим пост президента через пять дней после ухода аль-Хури. С тех пор оба лидера, ранее сотрудничавшие в округе Шуф (Горный Ливан) стали врагами и остались ими впоследствии в гражданских войнах 1958 г. и 1975–1976 гг.¹³¹

Правление Камиля Шамуна, породившее в первые его дни много надежд, довольно скоро разочаровало ливанцев. По мнению многих наблюдателей, при Шамуне, как и при его предшественнике, «Ливанское государство действовало непосредственно в краткосрочных интересах коммерческо-финансовой буржуазии». Шамун был открыто прозападным политиком, «не испытывавшим никакой симпатии» к одновременно с ним пришедшему к власти в Египте Гамалю Абдель Насеру и его линии на «позитивный нейтрализм и дружеские отношения с Советским Союзом». Эта позиция настраивала Шамуна против Национального пакта 1943 г., а «насеризм быстро стал идеологией мусульманского бедного люда, который не только был восхищен харизматическим руководством Насера арабским миром, но и помнил, что послевоенный экономический бум не был для них столь благоприятен, сколько для более процветавшего христианского сообщества» Ливана. Кабинеты министров при Шамуне в среднем были у власти шесть месяцев, а при Б. аль-Хури — восемь–девять, т.е. отличались меньшей устойчивостью, как и вообще вся система управления. Шамун манипулировал политиками не хуже, чем аль-Хури: при нем сменилось 14 составов кабинета и 8 разных премьеров. В селах Шамун пытался урезать власть местных заимов и частично замахнулся и на «традиционных городских боссов», пытаясь заменить их своими людьми, так что его «рационализация государства» не вышла за пределы «политического феодализма», а лишь толкнула многих городских и аграрных заимов на союз с насеровцами¹³².

Госаппарат при Шамуне был заполнен его приверженцами. Введение в 1952 г. прямого голосования и предоставление избирательных прав женщинам, имевшим начальное образование, вызвали перекройку избирательных округов к выгоде сторонников президента и раздробление сил противников Шамуна. В 1954 г. были освобождены на 6 лет от налогов действовавшие в Ливане крупные

национальные и иностранные компании. В 1955 г. частные инвестиции США в Ливане составили 45 млн долл., превысив в 2 раза инвестиции ливанцев. Во внешней торговле Ливана первое место оставалось за Англией, на второе, оттеснив Францию, вышли США. 88 фирм США имели в Ливане свои представительства. В стране к 1956 г. проживали 5 тыс. американцев, в том числе сотни служащих администрации помощи по 4-му пункту «программы Трумэна». Шамун во время своих визитов в арабские государства выступал в роли сторонника и даже пропагандиста планов Запада, направленных против СССР. На конференции 29 государств Азии и Африки в апреле 1955 г. в Бандунге делегация Ливана выступила в поддержку Ирака и Турции, входивших тогда в агрессивный Багдадский пакт, и против занимавших антиимпериалистическую позицию Египта и Сирии. Осенью 1956 г. правящие круги Ливана не проявили солидарности с Египтом, подвергшимся тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля, что вызвало осуждение во всем арабском мире, да и в самом Ливане. Премьер-министр Ливана Абдаллах Яфи даже выступил за разрыв отношений с Англией и Францией, за что был смещен со своего поста Шамуном и заменен своим соперником по лидерству среди суннитской общины Сами ас-Сольхом. С этого момента внешняя ориентация Ливана стала открыто проамериканской, а ее проводником стал назначенный министром иностранных дел наиболее проамериканский деятель общины маронитов Шарль Малик¹³³.

Сугубо прозападная линия Шамуна — Малика выразилась в том, что в марте 1957 г. Ливан первым из арабских государств принял «доктрину Эйзенхауэра», которая представляла собой очередной американский план «спасения» мира от коммунизма. США обязались оказать Ливану помощь в размере 10 млн долл. В том же году было заключено соглашение с США о поставках Ливану воору-

* Абдаллах аль-Яфи (род. 1901) — представитель второго поколения суннитских заимов Бейрута в 20–30-е гг. Был министром юстиции в 1946–1947 гг. и премьер-министром в 1938–1939 гг., 1951–1954 гг., 1956 г., 1966 г. и 1968–1969 гг. Выпускник университета Сорбонна. В период мандата пользовался поддержкой Франции, в годы независимости блокировался со многими лидерами в парламенте Ливана, но потом расходился с ними.

жения и боеприпасов. Однако политико-социальная напряженность в стране всё нарастала. Но Шамун не беспокоился. Он не только обеспечил господство буржуазии, но и позаботился об экономических ее успехах. ВВП Ливана рос на 6% ежегодно. Торговый и банковский сектор процветали. Относительная политическая стабильность в стране привлекала иностранные фирмы и капиталы. «Шамун, — пишет Майкл Джонсон, — мог положиться вполне на поддержку господствующего экономического класса, но он просчитался, думая, что может управлять при поддержке только одного этого класса»¹³⁴.

Его открытое стремление отстранить от власти традиционную сельскую знать и городских боссов (заимов, кабадайя) не встретило поддержки среди широких масс, ибо система управления не менялась, менялись лишь люди: сторонников аль-Хури вытесняли приверженцы Шамуна, как правило не пользовавшиеся авторитетом, но пробивавшиеся всеми правдами и неправдами (Шамун для этого даже перекраивал старые избирательные округа или создавал новые, так же поступая с подразделениями госаппарата) в парламент и ключевые звенья управления. В то же время путем интриг, подкупов и фальсификаций выборов (это было и в 1953 г., и в 1957 г.) «проваливались» при голосовании или отстранялись иным путем такие известные политические лидеры, как Ахмад аль-Асад, Камаль Джумблат, Абдаллах Яфи, Саиб Салам¹³⁵. Яфи и Салам «проиграли» выборы в Бейруте «политически неизвестным» адвокатам и миллионерам, которые были «политиками среднего уровня» и происходили из «менее знатных семей», чем их противники. Разумеется, последние решили восстановить свои позиции, устроив, по мнению ряда наблюдателей, «бунт пашей». Но так лишь казалось. На самом деле разразившийся в 1958 г. кризис, вылившийся в первую гражданскую войну в Ливане, имел гораздо более глубокие и серьезные причины.

КРИЗИС 1958 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

То, что произошло в Ливане в 1958 г., определялось множеством факторов. По мере организации Шамуном «провалов» почти всех лидеров оппозиции они спланировались против него, образовав в конце концов единый Национальный фронт, в который вошли ПСП Джумблата, суннитская партия «Наджаде», бывшие премьеры А. Яфи и С. Салам, лидер суннитов Триполи Рашид Караме¹³⁶ и даже некоторые христианские деятели, в частности Хамид Франжье и Анри Фараон. Осудил Шамуна и бывший президент Бишара аль-Хури, а позже к фронту присоединилась и компартия Ливана. Шамун явно недооценил оппозицию и не понял, что, обеспечивая себе большинство в парламенте путем устранения могучих соперников, «он рискует столкнуться с мощной внепарламентской оппозицией», так как устраненные путем махинаций конкуренты на деле сохранили свой авторитет и влияние. Кроме того, возмущение простых ливанцев политикой Шамуна еще более возросло, когда выяснилось, что президент не извлек уроков из ошибок своего предшественника и сколачивает искусственное большинство в парламенте, дабы вопреки конституции добиться своего избрания на второй срок¹³⁷.

События на международной арене способствовали росту напряженности внутри Ливана. В феврале 1958 г. Сирия, весь предыдущий год подвергавшаяся небывалому давлению со стороны Израиля и Турции (СССР даже вынужден был направить Турции специальную ноту в связи с этим), объединилась с Египтом. Создание двумя арабскими государствами Объединенной Арабской Республики (ОАР) вызвало энтузиазм и патриотический подъем практически во всех арабских странах, включая Ливан. Однако Шамун и его сторонники продолжали придерживаться открыто прозападного, проамериканского курса, несмотря на то, что возглавлявший тогда Маронитскую церковь патриарх Булос II Меуши (1955–1975) под-

держивал идею арабского единства, продолжая линию своего предшественника Антуна Ариды (1931–1955). Булос II Меуши, в отличие от старавшихся «отгородиться» от общearабских проблем поклонников «финикиизма» среди маронитов, считал арабскую культуру базой этнокультурной самоидентификации ливанцев. Он положительно относился к связям с мусульманами не только Ливана, но и всего Ближнего Востока, одновременно выступая за традиционный для Ливана религиозный плюрализм. Симпатии патриарха к панарабизму и его приветствие по случаю образования ОАР вызвали отрицательную реакцию политических лидеров маронитов, которые направили в Ватикан свой протест в связи с «проарабской» деятельностью Булоса II. Не вызывает удивления поэтому, что патриарх осудил позицию и действия президента Шамуна в 1957–1958 гг., и это не могло не повлиять на отношение к Шамуну многих (хотя и далеко не всех) верующих маронитов¹³⁸.

По всему Ливану шли митинги и собрания с призывами не допустить изоляции от братских арабских стран, отказа от политики нейтралитета, что затрагивало не только патриотические чувства народа, но и экономические интересы ливанских торговцев любого вероисповедания. Вызывала недовольство и прозападная политика Шамуна, во время выборов 1957 г. пригласившего в Бейрут 6-й флот США. Одновременный рост цен на продовольствие также сыграл свою роль. Достаточно было одной искры, чтобы произошел взрыв.

Этой искрой явилось убийство 5 мая 1958 г. в Бейруте известного журналиста и владельца газеты «Телеграф» Насиба Метни, выступавшего против политики Шамуна — Малика и за солидарность с арабскими странами. Ответом на убийство Метни явилась всеобщая забастовка, вскоре переросшая в вооруженное восстание, охватившее сначала Триполи, а потом и другие области Ливана на севере и юге. Особенно опасным для режима было присоединение к повстанцам горных районов, населенных друзами, и выдвижение антиправительственными силами лозунгов Национального фронта. Шамун поспешил пригласить в Ливан войска США под предлогом якобы угрозы независимости Ливана со стороны ОАР. Реально этой угрозы не было, хотя присоединения к ОАР, несомненно, хотели бы

сторонники Насера в Ливане, особенно сунниты. Шамун опасался насеристов, которых становилось все больше и в Ливане, и в Сирии, в сущности благодаря провокационной политике самого Шамуна, отвергавшего все требования Национального фронта, прежде всего отказ от «доктрины Эйзенхауэра» и участия в империалистических планах США и Англии. Разумеется, также вызывали возмущение антидемократические и антиконституционные методы Шамуна¹³⁹.

Арабский мир между тем переживал тогда революционный подъем. В 1956 г. обрели независимость Марокко, Тунис и Судан, в 1957 г. король Иордании предотвратил попытку свержения монархии в его стране организацией «свободных офицеров», ориентированных на Египет. В Ираке сложился Фронт национального единства (ФНЕ) из оппозиционных партий, установивших контакты с тайным обществом «свободных офицеров», стремившихся избавить страну от засилья британского колониализма и реакционного монархического режима. Воспользовавшись промахом правящей верхушки Ирака, пытавшейся послать на выручку Шамуну две бригады иракской армии, руководители «свободных офицеров» 14 июля 1958 г. направили эти бригады в Багдад. Король Фейсал II и фактически правивший его дядя эмир Абдул Илах были убиты, а к составившим войскам быстро присоединилось население, обеспечившее успех, как ее стали называть в Ираке, «бессмертной революции». Ирак был провозглашен республикой и вышел из агрессивного Багдадского пакта, определявшего его зависимость от Англии и Турции.

Иракская революция вызвала буквально панику в Лондоне и Вашингтоне. США срочно высадили в Ливане свои войска (20 тыс. морских пехотинцев). То же самое Англия, высадив 6 тыс. парашютистов, сделала в Иордании, непосредственно граничащей с Ираком и к тому же заявившей о намерении восстановить в Ираке власть династии Хашимитов (правившей также в Иордании). Но агрессивное вмешательство Запада в дела арабов вызвало волну возмущения во всем мире, особенно в арабских странах. В Ливане патриоты развернули вооруженную борьбу против американской интервенции. В Совете Безопасности ООН эту интервенцию осудил СССР, потребовавший немедленного вывода из Ливана американских войск¹⁴⁰.

Вместе с тем через 50 лет в нашей научной литературе наличествует и другая интерпретация событий 1958 г., основанная на анализе ставших после 1991 г. доступными архивных материалов и секретных документов МИД СССР. Эта версия, подчеркивая, что создание ОАР «резко усилило страхи лидеров западных держав и Израиля», а одновременно «разразившаяся в Ливане гражданская война и острый политический кризис в Иордании... давали основания Западу опасаться прихода в этих государствах к власти либо левых, прокоммунистических, сил, либо групп пронасеровских или иных арабских националистов». На переговорах в Москве в мае 1958 г. сам Насер не исключал просьбы о «помощи от ОАР» со стороны патриотов Иордании и Ливана. Со своей стороны, Шамун 22 мая обратился с жалобой в Совет Безопасности ООН на проникновение в Ливан «вооруженных банд» из Сирии. На самом деле ничего подобного не происходило. Более того, Насер дал понять офицеру ЦРУ М. Коуплэнду, что он хотел бы действовать в Ливане совместно с США. Но попытки Коуплэнда наладить контакты Насера с Шамуном, а также последнего с ливанской оппозицией кончились ничем¹⁴¹.

И Насер, и Шамун не доверяли друг другу и к тому же опасались себя скомпрометировать открытыми контактами с любой политической силой. И на того и на другого оказывали сильное давление их сторонники, да и союзники. Насер хотел быть «равно удаленным» и от Запада, и от СССР, а Шамун боялся, в случае соглашения с Насером, впасть в зависимость от насеровцев и вообще мусульманских националистов Ливана и Сирии (последние, обладая экономическим и культурным влиянием в Ливане, довольно быстро увеличивали и влияние политическое).

Шамун был вынужден в конце концов отказаться от своих амбициозных планов по незаконному переизбранию на второй срок. Во многом это определилось ввиду позиции командования армии Ливана: возглавлявший его генерал Фуад Шихаб (представитель одной из знатнейших семей ливанской аристократии) отказался как противодействовать всеобщей забастовке, с которой начался кризис, так и вмешиваться в ход последовавших демонстраций и вооруженных столкновений. Он считал, что это лишь обострит ситуа-

цию и вызовет еще большие осложнения в стране. В результате генерал стал популярен и 21 августа 1958 г. был избран президентом Ливана. Правительство страны после долгой борьбы возглавил один из лидеров суннитов Рашид Караме, занимавший во время кризиса антишамуновскую позицию. Но в состав кабинета под давлением правых кругов был включен один из крайне правых деятелей маронитской буржуазии лидер партии «Катаиб» Пьер Жмайель¹⁴². В стране начался период «шихабизма», суть которого сводилась к созданию сильного государства.

Фуад Шихаб, придававший, как всякий военный, большое значение дисциплине, предпочитал опираться на чиновников-технократов, т.е. профессионалов-управленцев. Поэтому при нем возросла роль государственной бюрократии и военных, пополнивших ее ряды. Однако ситуация в стране была такова, что он не мог игнорировать влиятельные круги, политические и конфессиональные силы Ливана. Первой задачей генерал считал прекращение фактической гражданской войны. С этой целью он назначил правительство «национального примирения» из двух суннитов (Рашида Караме из Триполи и Хусейна аль-Увейни, «умеренного» аристократа из Бейрута) и двух маронитов (поддерживавшего тогда Шамуна «вождя христианской контрреволюции» в Бейруте Пьера Жмайеля и весьма неохотно и временно помогавшего Шамуну выходца из старинного маронитского клана Раймона Эдде). Другие министры были назначены позже, в том числе члены ПСП. В целом Шихаб хотел обновления и укрепления Ливана, осуждая при этом традиционных политических вождей за коррупцию и дестабилизацию институтов государства. Достижением Шихаба и правительства Караме считается закон 1959 г., уравнивавший соотношение христиан и мусульман в госаппарате. Этот закон, как и «более дружественное» отношение к Египту и президенту Насеру, вызвал острую критику Шихаба со стороны правохристианских групп Ливана, особенно маронитов. Но часть маронитов, включая «Катаиб» и их главу Жмайеля, поддерживали президента и его политику «обновления». В то же время шла борьба за расширение полномочий исполнительной власти и усиление ее контроля над жизнью общества. После выборов 1960 г. Саиб Салам, сформировавший новый кабинет,

включил в него 18 министров (при Б. аль-Хури их было 8, при Шамуне — 9). В октябре 1961 г., когда Салама снова сменил Р. Караме, в кабинет вошли 14 министров¹⁴³.

«Усилив исполнительную власть государственной администрации и аппарата военной разведки (Второго бюро), — пишет Майкл Джонсон, — президент Шихаб смог сделать Ливанское государство более независимым от краткосрочных интересов господствующих классов, представленных займами и их союзниками в парламенте. Следует подчеркнуть, что эта независимость была скорее относительной, чем абсолютной, поскольку государство продолжало действовать в долговременных интересах торгово-финансовой буржуазии. Но этот класс потерял непосредственный политический контроль над государством, а режим Шихаба вследствие этого получил возможность перераспределять ресурсы из Бейрута в пользу слабо-развитых районов периферии Ливана, тем самым облагораживая сельские классы, а также триполийскую и прочую региональную буржуазию за счет буржуазии Бейрута». Суть реформ Шихаба, по мнению многих авторов, сводилась к усилению роли государства за счет ограничения влияния «финансовых и землевладельческих групп», к более «сбалансированному» соотношению «христиан и мусульман в государственной бюрократии», к увеличению ее роли в «социальном благосостоянии, экономическом развитии и национальной безопасности, к росту государственных инвестиций. Но по-прежнему марониты (тогда 30% населения) занимали 40% постов в госаппарате, а шииты (тогда 18%) только 3,5%¹⁴⁴.

В этой связи замечание Джонсона следует, конечно, учесть, но с некоторыми поправками. Во-первых, не стоит везде и во всем видеть (а также во всем винить) только буржуазию. Социальная картина происходящего на Востоке более разнообразна, тем более в Ливане. И арабские социологи, наблюдая реалии своих стран, давно пришли к выводу, что «сверхрост государства прямо ведет к порабощению всего общества правящей группой, действующей в своих интересах без какой-либо идеологии, социальной или национальной»¹⁴⁵. Но эта правящая группа — не буржуазия, а бюрократия, по некоторым подсчетам поглощающая до 40% национального дохода большинства арабских стран¹⁴⁶. Она имеет тенденцию превращаться

в бюрократическую (включая военно-бюрократическую, феодально-бюрократическую и т.п.) буржуазию, но обычно застревает на полпути развития такого рода, ибо тогда она получает возможность сочетать власть и богатство, контроль над экономикой и политическое господство, применять методы экономического и внеэкономического принуждения. Ливан не был исключением из общего правила. И хотя буржуазия была очень влиятельна в Ливане, ее этноконфессиональная и региональная дробность, провинциализм и мультикультурализм требовали внедрения объединяющего начала, чего и добивался Шихаб¹⁴⁷.

Несмотря на критику Шихаба и «шихабизма», особенно в связи с усилением контроля над обществом и ограничением демократических свобод, правление Шихаба следует признать удачным. Он прекратил начавшуюся было гражданскую войну, ослабил зависимость страны от США (американские войска были выведены из Ливана в октябре 1958 г.) и Великобритании (в том числе путем восстановления политических и экономических отношений с Францией), нормализовал отношения с арабскими странами. Подтвердив приверженность политике позитивного нейтрализма, правительство Ливана заявило о том, что считает себя не связанным с «доктриной Эйзенхауэра». Период «шихабизма» стал временем экономического подъема государства и роста значения Бейрута как финансового центра Ближнего Востока и посредника между Западом и нефтедобывающими монархиями Персидского залива. При Шихабе выросло число национальных промышленных предприятий, инвестиции в которые увеличились на 700 млн ливанских фунтов, а численность персонала возросла с 38 тыс. до 60 тыс. чел. Государство сконцентрировало в своих руках энерго- и водоснабжение, создало Центральный национальный банк, развернуло дорожное строительство и электрификацию сельской местности. Улучшились отношения Ливана с СССР, открылась прямая авиалиния Бейрут — Москва (позже Бейрут — Ереван). В 1960–1970 гг. товарооборот между Ливаном и соцстранами вырос в 4 раза, т.е. рос вдвое быстрее, чем со странами Запада. При содействии французских компаний были выстроены гидроэнергетические сооружения на реке Литани, чрезвычайно важные для развития экономики Ливана¹⁴⁸.

Пользовавшийся поддержкой большинства ливанцев патриотический курс Шихаба — Караме был неприемлем для прозападных фракций ливанской политической элиты, которые критиковали его с открыто проимпериалистических или реакционно-клерикальных позиций. В 1961 г. НССП (экс-партия Сааде), вынырнувшая из политического небытия, попыталась устроить военный переворот, опираясь на группу офицеров — сторонников Шамуна, но потерпела неудачу. Шихаб стремился ослабить внутривнутриполитическую напряженность в стране, но не решился тронуть ее основную причину — полуфеодальную конфессиональную систему и «политический феодализм» займов, ограничившись лишь увеличением депутатских мест с 66 до 99. Это делалось для вовлечения максимального числа займов в деятельность парламента и в более «современные» способы решения политических вопросов¹⁴⁹. Но все же существенно изменить положение в стране, прежде всего в функционировании ее социально-политического механизма, Шихабу не удалось. Поэтому прав Орен Барак: «В течение 1943–1975 гг. традиционные займы избирались в парламента во всех провинциях и занимали самые высшие должности в государстве»¹⁵⁰. Иными словами, не отказываясь от своих связей типа «патрон — клиент» (например, с кабадайя и прочими мелкими боссами городских улиц и небольших селений), займы фактически сохранили свое влияние и даже кое-где повысили его уровень. Можно согласиться с Майклом Джонсоном, констатировавшим в 1986 г., что «шихабизм в конечном итоге остался пленником системы клиентелизма»¹⁵¹.

Тем не менее Шихаб, опираясь на свое окружение из специально подобранных интеллектуалов, военную разведку и «бюрократию среднего уровня», все же добился относительной автономии госаппарата от полуфеодальных, буржуазных и прочих традиционных групп ливанского общества. Он сумел из различных фракций чиновничества, интеллигенции, функционеров гражданских служб, экспертов и профессионалов в различных сферах, одобрявших его

* Руководство НССП было арестовано и пробыло в заключении до конца 60-х гг. К этому времени НССП раскололась на численно ничтожное правое меньшинство и левое большинство, примкнувшее к патриотическим силам Ливана, за что правые обвиняли его в «марксистской ориентации».

реформы, создать преданный ему и тесно связанный с государством социальный слой технократии.

Самым известным его помощником был маронит Ильяс Саркис (1924–1985), впоследствии президент Ливана в 1976–1982 гг. Энергичный и предприимчивый юрист, выпускник католического университета Св. Иосифа в Бейруте, Саркис с 35 лет работал в разных ведомствах, имея ранг официального советника президента, а с 1962 г. стал главой президентской администрации. Он сохранил эту должность и при следующем президенте, «сохраняя тем самым влияние шихабизма и после ухода Шихаба», пока не стал в 1967 г. управляющим Центральным банком Ливана. Другими влиятельными членами окружения президента были суннит Шафик Мухаррам (технический советник) и два француза — бывший полковник армии мандатного режима и священник-иезуит, возглавивший специально направленную в Ливан группу французских экспертов по планированию из Института исследования и обучения в области развития.

«Наиболее же важным, — отмечает Джонсон, — было наличие большого количества офицеров в “ядре” Шихаба, пользовавшихся особо тесными отношениями со своим бывшим главнокомандующим. Это “ядро” администраторов, плановиков и армейских офицеров было полностью отделено от связей патрон — клиент, типичных для займов», что освобождало президента от «бюрократов-клиентов политического феодализма». Кроме того, его советники подбирались на основе их заслуг и лояльности Шихабу, а не по критериям конфессиональной принадлежности, хотя Шихаб старался соблюсти среди них конфессиональный баланс, фиксированный Национальным пактом 1943 г., и с тех пор считавшийся в Ливане общепринятым¹⁵². Однако особая роль офицерства при Шихабе, тем более военной разведки, определила относительный рост влияния насеровского Египта с его военным режимом, общеарабским национализмом и доминированием офицерства. Благодаря этому Шихаб сумел привлечь на свою сторону и многих влиятельных суннитов, в том числе их муфтия шейха Хасана аль-Халида, и многих займов, в том числе Усмана ад-Дану. С их помощью шихабисты могли «контролировать мусульманскую толпу». В целом, однако,

западные наблюдатели отмечали, что «попытки президента Шихаба создать в Ливане современный госаппарат были ограничены конфессиональными и клиентелистскими соображениями».

60–70-е гг. были временем увеличения темпов и масштабов индустриализации при активном участии национального и иностранного частного капитала с тенденцией к монополизации и концентрации производства, а также промышленного посредничества, вторжения торгового капитала в деревню, что было связано с обуржуазиванием землевладельцев-феодалов и их вращением в капиталистические структуры ливанского города. Наметилаь, как и в других странах Востока, тенденция к обуржуазиванию бюрократии (в том числе военной) с последующим превращением бюрократического капитала во влиятельный слой национальной буржуазии. Это имело важное значение, так как в Ливане средние слои (интеллигенция, служащие, ИТР, низшая администрация) составляли 14% активного населения, т.е. не меньше, чем в других арабских странах, но у них очень долго не было ни своей идеологии, ни своих организаций, каковые им заменяли конфессионализм и приверженность своей общине или секте. Все это часто сковывало или даже сводило на нет социальную активность средних слоев.

Но при Шихабе и его преемнике Шарле Хелу (1964–1970) все же имело место «возрастание значения интеллектуалов и профессионалов, чьи позиции могут быть охарактеризованы как рационально-бюрократические по теории Макса Вебера». Их деятельность привела к созданию многих учреждений по государственному руководству экономикой, таких как Совет государственной службы, Институт государственной администрации, Бюро планирования, Центральное управление статистики, Агентство национальной реконструкции, Управление социального развития, Дирекция реки Литани, Исполнительное бюро масштабных проектов, Дирекция вод Бейрута, Агентство электричества и транспорта, Национальный совет научных исследований¹⁵³.

Курс Шихаба был продолжен его преемником Шарлем Хелу. Но времена стабильности, с таким трудом достигнутой Шихабом, явно уходили в прошлое, что выразилось, в частности, в краткосрочности функционирования кабинетов министров (7 месяцев в

среднем против 10 при Шихабе). Политика Шихаба-Хелу не имела прочной опоры в пестром, исторически раздробленном ливанском обществе, так и не изжившем еще давние традиции клиентелизма и «политического феодализма». Поэтому правление Хелу было не только попыткой продолжить политику Шихаба, но и периодом постепенного возвращения (во многом — под воздействием внешних факторов) ожесточенного (не всегда даже оправданного логически) соперничества в рядах элиты Ливана, в том числе персональной конкуренции лидеров общин и сект как внутри своих конфессий и микросоциумов, так и в общеливанском масштабе. Попытки президента в подобных условиях укрепить свои позиции (организовав, в частности, так и не состоявшийся визит в Ливан президента Франции де Голля летом 1968 г.) были тщетны.

Хелу, журналист и адвокат, пользовался покровительством Шихаба, при котором был дипломатом, депутатом парламента и министром. Он хотел продолжить дело Шихаба и сначала действовал в этом направлении. Но столкнувшись с реальными внешними и внутренними трудностями 60-х гг. (не только в Ливане, но и во всем арабском мире), он постепенно стал «отдаляться от лагеря шихабистов», в какой-то мере (возможно, даже против своей воли) подготовив тем самым окончательный крах шихабизма в 70-е гг., начиная с 1970 г., когда президентом был избран (большинством всего в 1 голос) принципиальный противник шихабизма Сулейман Франжье, победивший кандидата-шихабиста Ильяса Саркиса*. При этом коалиция парламентариев, поддержавших Франжье, была пестрым альянсом разных фракций и персон, которую возглавляли «Саиб Салам и другие представители мусульманской буржуазии Бейрута», сумевшие одолеть «систему клиентелизма» шихабистов.

Их всех объединило недовольство «излишним» вмешательством государства в экономику, «засильем» (которого фактически не было) военных и плановиков, вообще автономией (даже относительной) государства от общества. Противостоять им никто не мог.

* Франжье, Сулейман (по-арабски Фаранджийя) — глава влиятельного маронитского клана в Згорте (горная крепость на севере Ливана), не раз менявший свою политическую позицию, но почти всегда ориентировавшийся на Запад.

Хотя современный промышленный пролетариат к 1975 г. достиг 135 тыс. чел. и 64% его было занято на предприятиях нового типа, он реально не имел своих представителей в парламенте, и лишь некоторая его часть шла за ЛКП. Да и «шихабизм» не был их идеологией, хотя профсоюзы и связанные с ними ростки демократии уже пробивали себе дорогу. Но значительна еще была связь с деревней, с сельским батрачеством (57% рабочей силы в селах Ливана), в котором значительное место занимали сирийцы и палестинцы. Надо также учесть традиционно антигосударственную позицию «мусульманской мелкой буржуазии и предпролетариата», которые по мере своего численного роста все активнее протестовали против доминирующего положения маронитов. И наконец, торгово-финансовые круги Бейрута (и мусульманские, и христианские), ранее влиявшие (иногда — решающим образом) на политику правительства, не хотели усиления роли государства и его самостоятельности, ограничивавших возможности и роль буржуазии. А ей было чего опасаться: удельный вес горожан в 1950–1970 гг. вырос в Ливане с 22 до 76% (в основном за счет притока из деревни разоренных сельчан), а доля лиц наемного труда среди активного населения — с 60 до 68%. В то же время треть национального дохода приходилась на 4% населения, вторая треть — на 14%, а последняя — на 82% жителей! При этом фактическая монополия на представительство в парламенте была у 210 богатейших семейств феодалов и компрадоров, крупнейших коммерсантов и банкиров¹⁵⁴.

В годы правления Хелу произошло заметное обострение социально-политической обстановки в стране. В 1963–1966 гг. были изданы законы о социальном страховании рабочих и служащих, о повышении гарантированного минимума заработной платы. Но они почти не изменили положения работавших по найму. Это вызвало оживление деятельности левых сил в стране, в частности компартии Ливана. В 1965 г. возник Фронт патриотических и прогрессивных партий и организаций, в который вошли ПСП Камал Джумблата, компартия Ливана, Организация коммунистического действия

(ОКД), Движение арабских националистов (ДАН)* и некоторые влиятельные общественные деятели.

Однако в целом в стране мало что менялось, а попытки реформ блокировались их противниками или застревали на полпути. По-прежнему импорт Ливана из стран Запада превышал его экспорт в эти страны в 5–6 раз, до 70% национального дохода давали транзитная торговля, традиционное для Ливана посредничество, банковские операции. Э. Пикар считает, что уровень жизни ливанцев был сопоставим с европейским ввиду того, что 50% населения и 70% ВВП Ливана приходились на третичный сектор. В 60-е гг. в Ливане действовали более 50 иностранных банков, главным образом англо-американских, западногерманских, французских, а также более 40 банков со смешанным капиталом, на деятельность которых иностранные монополии также оказывали серьезное влияние.

Процветание бизнеса в Ливане зиждилось на посредничестве и денежных переводах многочисленных эмигрантов в Америке и Африке. Только в 1939–1945 гг. благодаря им банковские вклады в Ливане выросли в 10 раз. А в 1960–1974 гг. эти вклады выросли уже в 38 раз! В 60-е гг. Ливан стал самой процветающей страной Арабского Востока (Машрика) и одновременно главным финансовым центром всего Ближнего Востока. Но это сочеталось с политической слабостью ливанской буржуазии, расколотой по религиозному и социокультурному (да и по этническому, если вспомнить об армянах, греках, черкесах и палестинцах в ее рядах) признакам. К тому же элита почти каждой общины в Ливане была дополнительно ра-

* ДАН оформилось в 1956 г. из пронасеровски настроенных выпускников Американского университета в Бейруте. В дальнейшем пополнялось студентами, интеллигентами и служащими разного происхождения, занимавшихся политикой в кафе, а не на улицах. Многие из них совмещали национализм с марксизмом. Впоследствии ДАН явилось «колыбелью» многих левых организаций Ливана, Палестины и Сирии. Одной из таких организаций явилась ОКД, возникавшая из «марксистского крыла ДАН, руководимого Мухсином Ибрахимом». По наблюдениям М. Джонсона, среди членов ОКД, в целом маловлиятельной и немногочисленной, преобладали шииты. Они создали вооруженную милицию, контролировавшую «несколько улиц в предместьях Бейрута», но в целом, считает М. Джонсон, «поддержку шиитами марксистских групп не стоит преувеличивать».

зобщена межклановой или персональной борьбой за лидерство. Поэтому капиталисты Франции, Великобритании, США легко привлекали на свою сторону и сталкивали между собой различные фракции ливанской буржуазии. Благодаря своему финансовому могуществу иностранные банкиры могли самым активным образом не только влиять на экономику Ливана, но и определять ее развитие. Именно они при содействии саудовского капитала организовали банкротство крупнейшего в Ливане арабского банка ИНТРА (см. выше гл. 4. ИНТРА был, скорее всего, наиболее конкурентоспособным из всех арабских банков Ливана). Причиной данной акции явилась не только конкурентная борьба, но и связь банка ИНТРА с палестинским капиталом (а следовательно, и с ПДС), которого опасались и западные банкиры, и христианская буржуазия Ливана¹⁵⁵.

ЛИВАН И ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

Проблема арабов Палестины возникла одновременно с проблемой арабов Ливана — после краха Османской империи в 1918 г. Выступления патриотов Ливана против режима французского мандата перекликались с такими же выступлениями арабов Палестины против режима британского мандата. Но в Палестине эта борьба шла более ожесточенно, и гораздо чаще палестинским борцам приходилось укрываться на территории Ливана, чем ливанцам в Палестине. Одной, если не главной, причиной этого была специфика ситуации в Палестине, которую британские власти объявили еще в 1917 г. «национальным очагом» еврейского народа. В результате палестинские арабы вынуждены были бороться как с британскими колонизаторами, так и с прибывавшими в Палестину колонистами-сионистами, быстро организовавшими свои фонды и другие учреждения, профсоюзы, политические партии и даже вооруженные силы в виде полуполюгальной организации «Хагана», а также ряда полуподпольных групп (Иргун цвай леуми, Лехи, Штерн и др.).

«За тридцать лет британского правления община сионистских поселенцев выросла в 12 раз по сравнению с 1917 г. и достигла примерно одной трети всего населения Палестины», — отмечается в одном из изданий исследовательского центра Организации Освобождения Палестины (ООП) в 1965 г. Через три года великий британский историк и философ Арнольд Тойнби заявил, что кризис на Ближнем Востоке — это следствие «навязывания палестинским арабам еврейской иммиграции британской военной властью» и что «трагедия Палестины — не локальная, а мировая, ибо эта несправедливость является угрозой миру во всем мире»¹⁵⁶.

Палестинские арабы, впервые открыто выступившие против «сионизации» Палестины в июле 1919 г. (хотя иммиграция началась еще в 1882 г.), в дальнейшем оказывали ей упорное сопротивление: за арабо-сионистскими столкновениями 1920 г. последовали новые,

в 1921 г., 1929 г., 1933 г., 1936–1939 гг. Однако преимущественно феодальные, полуфеодальные и патриархальные отношения, доминировавшие в арабо-палестинском обществе вплоть до конца британского мандатного режима, препятствовали четкой организации и сплоченности палестинцев в масштабе всей страны. Верхушечный характер арабских организаций, местничество, религиозная рознь (не только между мусульманами и иудеями, но и между арабами-мусульманами и арабами-христианами), традиционное соперничество знатных родов, предательство части феодалов и буржуазии, проанглийские иллюзии другой их части, отсутствие прочной связи между патриотическими силами городов (в которых проживало 3/4 христиан, но лишь 1/4 мусульман) и деревень, всемерное разжигание британскими властями сложного комплекса противоречий в Палестине (политических, религиозных, национальных, персональных) — таковы были лишь некоторые причины неудач освободительной борьбы арабского народа Палестины против двойного гнета в период мандатного управления¹⁵⁷.

Широкая политическая, дипломатическая, финансово-экономическая и всякая иная поддержка (в том числе подготовленными военными кадрами) со стороны ряда стран Запада (и не только) позволила созданному в мае 1948 г. государству Израиль не только одержать верх в первой арабо-израильской войне, но и захватить дополнительно большую часть той территории Палестины, которая по решению Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1947 г. должна была войти в состав арабского государства Палестины. Из 11,1 тыс. кв. км предполагавшейся территории этого государства Израиль захватил 6,7 тыс. кв. км, самочинно присоединив их к отведенным ему 14,1 тыс. кв. км¹⁵⁸. Этот захват, частично осуществленный еще до провозглашения государства Израиль, повлек за собой исход основной части арабского населения областей, вошедших в состав Израиля. До мая 1948 г. около 400 тыс. арабов были вынуждены уйти из районов, захваченных противником. После мая 1948 г. та же судьба постигла еще 500 тыс. арабов¹⁵⁹. Многие жители покинули родные места, оказавшиеся в зоне боев или же под непосредственной угрозой расправы. В большинстве случаев они не смогли бы вернуться обратно даже если бы захотели, так как если

их жилища не разрушались во время боев, то потом уничтожались намеренно.

Израильский историк и экс-разведчик генерал Йеосафат Харкаби писал в 1969 г., что палестинцев никто не изгонял, «они в основном ушли сами», чему способствовали «дробность их общества, слабость социальных связей, недостаток доверия друг к другу». Доказывает он это цитатой арабского автора Валида аль-Камхауи: «За четыре месяца ... большинство богатых семей покинули страну ради покоя в Египте, Сирии и Ливане, оставив поле борьбы и жертв рабочим, сельчанам и среднему классу... Эти факторы, коллективный страх, моральное разложение и хаос во всех областях — вот что изгнало арабов из Тивериады, Хайфы, Яффы и многих городов и деревень»¹⁶⁰.

Вряд ли стоит это всё отрицать. Это — правда, но далеко не вся! Имело место и запугивание арабского населения, и его дезориентация пропагандой по радио, через листовки, прессу и открытый террор. «Резня, подобная проходившей в апреле 1948 г. в Дейр Ясине, Айн аз-Зайтуне и Салах ад-Дине, — писал палестинский автор Фаиз ас-Сайиг, — была заранее рассчитанной мерой подлинной программы изгнания путем террора»¹⁶¹. Только в Дейр Ясине боевики из организации «Ирпун цваи леуми», руководимой будущим премьером Израиля Менахемом Бегинном, расстреляли или зарезали около 300 арабов, т.е. почти половину населения деревни. После этого радиостанции сионистов непрерывно призывали арабов «помнить Дейр Ясин!» Там, где не действовала, как отмечал посредник ООН граф Бернадотт (впоследствии убитый сионистами), «паника, возникшая в результате боевых действий в селениях или распространения слухов», там их силой заставляли уйти. Только в апреле 1948 г. так были изгнаны арабы из Яффы, Хайфы, Акки, Сафада, Лидды, Рамле, Биршебы¹⁶². Обратного вернуться они не смогли, так как их жилища либо разрушались в ходе боев, либо намеренно уничтожались; в Яффе были взорваны целые кварталы, в прибрежной полосе между Яффой и Хайфой были стерты с лица земли все арабские деревни. К ноябрю 1953 г. всего была уничтожена (вопреки решениям ООН) 161 палестинская деревня¹⁶³.

После 1948 г. арабское население Палестины оказалось в значительной степени на положении апатридов: из 1350 тыс. палестинских арабов на территории Израиля осталось 120 тыс. чел., в отошедших к Иордании восточных областях и в присоединенном к Египту округе Газа — 450 тыс. чел., а остальные 780 тыс. чел. (т.е. большинство) стали беженцами¹⁶⁴. При этом примерно половина беженцев (400 тыс. чел.) оказалась вообще за пределами Палестины. Положение их с самого начала было исключительно тяжелым: покинув свои дома, земли и имущество, они оказались без крова и без каких-либо средств к существованию. Экономика приютивших их арабских стран была отсталой и слабо развитой, неспособной обеспечить всем необходимым сотни тысяч обездоленных людей. Заботу о них взяла на себя ООН, создавшая в декабре 1949 г. особое ближневосточное Агентство по обеспечению и распределению работы (ЮНРВА). Так началось унижительное существование значительной части (фактически большинства) палестинских арабов в палаточных лагерях ЮНРВА, в которых беженцы получали (разумеется, в мизерных масштабах) одежду, продовольствие, медицинскую помощь. Они не могли ни оплатить то, что получали, ни уйти из лагерей, вне которых найти работу было очень трудно¹⁶⁵. При этом численность беженцев, несмотря на высокую детскую смертность, болезни и другие лишения, увеличивалась, в том числе за счет новых изгнанников с территорий, вошедших в состав Израиля. К июню 1964 г. их было уже 1247 тыс. чел. (671 тыс. в Иордании, 289 тыс. — в округе Газа, 155 тыс. — в Ливане, 131 тыс. — в Сирии). К 31 мая 1967 г. официально зарегистрированных и беженцев было уже больше 1300 тыс. чел.

Персонал ЮНРВА (11 тыс. служащих, главным образом из числа беженцев) много сделал для обеспечения беженцев предметами первой необходимости, даже — для их обучения и приобретения ими специальности: 1) к 1968 г. около 250 тыс. детей беженцев получили полное среднее образование либо в 452 школах ЮНРВА, либо в частных и государственных школах, субсидируемых ЮНРВА; 2) были созданы 10 центров ЮНРВА для подготовки из числа беженцев учителей, квалифицированных ремесленников и промышленных рабочих. В дальнейшем система обучения в школах

ЮНРВА (число которых росло) еще более расширилась: в 1967–1968 гг. в этих школах обучалось 209 тыс. детей (27 тыс. — на Западном берегу Иордана, 67 тыс. — на восточном его берегу, 56 тыс. — в Газе, 30 тыс. — в Ливане. 29 тыс. — в Сирии). В 1968 г. расходы ЮНРВА на содержание своего аппарата, школ и лагерей, на питание, медицинское обслуживание, одежду, жилье и обучение 1346 тыс. беженцев составили 44 239 тыс. долл.¹⁶⁶ Таким образом, в среднем на человека тратилось около 32 долларов в год! Немудрено, что лагеря беженцев печально известны хроническим недоеданием, антисанитарными условиями, заразными болезнями и высокой детской смертностью¹⁶⁷.

Это объясняло стремление беженцев любым способом вырваться из лагерей и получить работу, какую угодно и где угодно. Очень часто оставшаяся в лагере семья сводила концы с концами не столько за счет пайка ЮНРВА, сколько за счет средств, заработанных членами семьи, которым удалось наняться на какую-либо (чаще всего — случайную, поденную или сезонную) работу вне лагеря. По данным Экономического и Социального Совета ООН, в конце 60-х гг. сотни палестинцев, зарегистрированные в качестве беженцев, давно покинули лагеря и работали «во всех арабских государствах от Средиземного моря до Индийского океана». Точная численность их не была установлена, но отмечалось, что «они имеются на всех уровнях и во всех категориях работы по найму». Естественно, что в первую очередь работу получали закончившие образование или овладевшие той или иной квалификацией в школах и профессионально-учебных центрах ЮНРВА. Все эти учителя, техники, специалисты, квалифицированные рабочие, ремесленники и мастера устремлялись в города, а затем помогали туда перебраться своим семьям. Поэтому постепенно большинство беженцев перебралось из палаточных лагерей в города и их предместья. Например, к 1 июня 1968 г. в лагерях Иордании находилось 156 178 беженцев, а в городах — 401 714, в лагерях Сирии — 25 258 беженцев (в городах — 124 279), в лагерях Ливана — 85 621 беженец (в городах — 79 754)¹⁶⁸.

Впоследствии (в 1970 г.) комиссия социального развития при ООН отметила, что «палестинские беженцы и перемещенные лица»

(т.е. те, кто фактически переставал быть беженцем по своему положению), наряду с местной интеллигенцией, являются силой, «которая постепенно начинает влиять на существующую структуру власти в арабских странах региона»¹⁶⁹. Они влияли также на настроения и убеждения всех арабов и прочих жителей Ближнего Востока, так как бывшие обитатели лагерей беженцев составили не только наиболее обездоленную, но и наиболее «политизированную» (в силу специфики своего положения) и радикально настроенную фракцию городского населения сопредельных с Израилем арабских государств.

В то же время лагеря ЮНРВА явились гигантским социальным котлом, в котором плавилась традиционные общественные отношения, в том числе и прежде всего патриархальные и полуфеодальные. Утратив прежние занятия и положение, беженцы утрачивали и старые социальные связи (с общиной, феодалом, религиозным шейхом), постепенно деклассировались из-за вынужденного безделья и нищенского образа жизни, а приобретая новые занятия, обретали и новое социальное качество. Возможности получения образования и новой профессии (75% детей беженцев посещали школы, что убыстряло и ширило отмеченный выше процесс) способствовали тому, что перед молодежью из среды беженцев открывались более широкие перспективы. В иных условиях эта среда, преимущественно патриархальная, бедняцко-крестьянская, скованная феодальными пережитками, не выдвинула бы столько интеллигенции (особенно технической), кадров квалифицированных рабочих, специалистов новейших отраслей экономики (особенно нефтяной промышленности), торговых, конторских и других служащих. Вместе с тем немало палестинцев стали торговцами, финансистами, посредниками, владельцами отелей и ресторанов. «Более того, — писал в 1974 г. публицист Л. Толкунов, — некоторые палестинцы обладают миллионными состояниями»¹⁷⁰.

Таким образом, палестинцы из всех арабских народов более других утратили традиционное социальное наследие и более активно включились в разнообразные процессы современной экономической жизни. Это придало им особый динамизм. К тому же тяжелые условия жизни, погубившие многих беженцев, выработали у остав-

шихся большую стойкость, активность и предприимчивость, которыми палестинцы мало-помалу стали выделяться среди жителей Арабского Востока. Они, по словам американского наблюдателя Джона Меклина, «овладели новыми профессиями и приобрели агрессивность, дабы выжить в трудных условиях». Именно поэтому «за последние десятилетия палестинский народ превратился в элиту арабского мира»¹⁷¹. Через 20 лет после раздела Палестины около 20% палестинских изгнанников, по свидетельству эксперта из США Майкла Хадсона, принадлежали к высшим и средним общественным слоям стран Арабского Востока¹⁷².

Взаимоотношения Ливана с палестинцами и с Палестинским движением сопротивления (ПДС) были, однако, достаточно специфичны. Конечно, всё вышеизложенное целиком или в значительной степени относится к Ливану. Ливанцы, как и все арабы, особенно сунниты, участвовали в освободительной борьбе палестинцев. Проживавший в Ливане Фавзи аль-Кавукджи, бывший офицер османской армии и участник антифранцузского движения 1925–1927 гг. в Сирии, создал в 1936 г. Армию освобождения (Джейш аль-Инказ) и с 2 тыс. бойцов из разных арабских стран вступил в Палестину. Его добровольцы, сражаясь с англичанами и помогавшей им «Хаганой», во многом способствовали тому, что последнее восстание в Палестине длилось почти 3 года (до 1939 г.). В ходе его погибли 1333 палестинца, 486 других арабов и 106 англичан¹⁷³.

Ливанцы и другие арабы под командованием аль-Кавукджи участвовали и в боевых действиях 1947–1948 гг. Сам «генерал» (как именовали его западные СМИ) заявил 21 декабря 1947 г.: «Мы не признаем иллюзии американцев и евреев по поводу раздела Палестины. Мы сражаемся против авангарда Америки, поскольку мы понимаем, что евреи Палестины выполняют приказы Штатов, особенно из крупнейшей столицы евреев мира, каковой является Нью-Йорк». Характерно, что это заявление аль-Кавукджи поддержал православный патриарх Антиохии и Востока, призывавший верующих помочь арабам в борьбе «за христианство и ислам» и против создания Израиля, «ибо это создаст постоянные трудности на Ближнем Востоке, что может явиться угрозой безопасности всему миру»¹⁷⁴. В январе 1948 г. аль-Кавукджи всего с 2 тыс. ветеранов

восстания 1936 г. установил контроль над всем севером Палестины и довел численность воссозданной им заново Армии освобождения до 8 тыс. чел. Распространив свои действия до средиземноморского побережья, он обосновался со своим штабом в Наблусе (на востоке Палестины). Но уже с апреля 1948 г. начался исход арабов с побережья под давлением превосходящих сил противника (20–25 тыс. арабов против 35 тыс. израильтян, численность которых корреспондент «Нью-Йорк таймс» Шмидт впоследствии оценивал в 80 тыс. чел.). Следует иметь в виду и остававшуюся в стране некоторое время британскую армию (100 тыс. чел.), которая формально не вмешивалась в события, но периодически в них вовлекалась, причем в основном против арабов (в апреле от нее пострадали и бойцы аль-Кавукджи). В то же время «Хагана» достигла численности в 60 тыс. боевиков под командой 300 офицеров британской выучки¹⁷⁵.

Ливан пытался (правда, неудачно) защищать дело арабов Палестины в ООН в 1946 г., где министр иностранных дел Ливана Шарль Малик тщетно добивался отказа Экономического и Социального совета от поддержки иммиграции евреев в Палестину. В июле 1947 г. Специальный комитет ООН проводил свою сессию в Ливане. Выступивший от имени Ливана Франжье заявил, что «даже небольшое еврейское государство будет представлять опасность для арабского мира», осуществляя «определенное экономическое давление» и «проникновение с целью вызвать беспорядок». В октябре 1947 г. в ООН выступил Камилль Шамун, будущий президент Ливана, доказывавший с цифрами в руках несправедливость плана ООН по разделу Палестины и передаче той или иной стороне определенных районов. В дальнейшем он выступал несколько раз, полемизируя со сторонниками раздела Палестины во имя «гуманности». Он говорил при этом: «Легко быть гуманным за чужой счет», подчеркивая, что план ООН предусматривает расселение в Израиле, наряду с 498 тыс. евреев, 505 тыс. арабов¹⁷⁶.

Помимо национальных и религиозных аргументов против создания Израиля у ливанской буржуазии, включая маронитскую, были опасения утратить свою историческую функцию посредничества между Востоком и Западом. Поэтому против возникновения Израи-

ля возражали даже наиболее прозападно настроенные лидеры Ливана типа Франжье или Шамуна.

В ходе начавшейся после провозглашения в мае 1948 г. государства Израиль первой палестинской войны арабы вначале добились некоторых успехов. Ливанцы, в частности, захватили город Малькийю на севере Палестины¹⁷⁷. Но в дальнейшем ливанская армия, как и другие арабские армии (кроме армий Иордании и Ирака), терпела неудачи и в ходе войны, по сути дела, ничего не добилась. Это не вызывает удивления. Ливан, как и прочие арабские страны (и возможно, еще больше, чем они), не был готов к войне ни экономически, ни политически, ни с точки зрения военного снабжения и военной организации.

На ситуации в Ливане сказалась не так сама война 1948–1949 гг., сколько ее последствия. Уже к июню 1948 г. в Ливане оказались 170 тыс. палестинских беженцев, что было многовато для страны, насчитывавшей тогда около 1,5 млн жителей. Судьбы обоих народов переплелись. Молодежь, составлявшая в Ливане, как и всюду в арабском мире, большинство, не желала примириться с поражением арабов в войне. Тем более что в ее рядах все больше увеличивалась, с одной стороны, доля новых социальных слоев (студентов, учителей, инженеров, техников, квалифицированных рабочих и служащих, предпринимателей), а с другой — они подвергались все большему воздействию своих сверстников, вышедших из массы палестинских беженцев и закаленных тяжелыми испытаниями. Образованная молодежь Ливана и Палестины острее и глубже понимала причины создавшегося положения, наиболее чутко отзывалась на революционные процессы, вскоре после войны 1948–1949 гг. начавшие менять лицо арабского мира. Комиссия ООН с некоторым опозданием, в 1970 г., отметила эти процессы, но ограничилась при этом лишь рассмотрением положения палестинцев: «Среди этих людей, физически удаленных, но духовно связанных со своей прежней землей, возникло недовольство... К этому недовольству добавляется брожение в среде большой и постоянно растущей части молодых беженцев, которые стремятся найти свое место как нации»¹⁷⁸.

Эксперты ООН не заметили воздействия палестинского фактора на левый и патриотический фланги общественного мнения Ливана. Наплыв нефтедолларов в банки Бейрута, «питая ненасытный аппетит ливанских импортеров и различных торговцев, одновременно способствовал росту цен, — отмечал Майкл Джонсон, — а ослабевшее Второе бюро уже не могло контролировать поддерживаемое палестинцами народное движение, набравшее силу по мере роста цен и безработицы»¹⁷⁹. Но в целом палестинцы в Ливане после 1949 г. не играли значительной политической роли. Уцелевшая часть бойцов Армии освобождения влилась в ряды клерикально-экстремистской организации «Аль-Джихад аль-Мукаддас», контролировавшейся экс-муфтием Палестины Амином аль-Хусейни и ничем не проявившей себя, кроме убийства в июле 1951 г. иорданского короля Абдаллаха I, которого палестинцы считали виновником раздела их страны вследствие войны 1948–1949 гг. Но после египетской революции 1952 г. значительная часть палестинцев стала ориентироваться на Египет, глава которого Гамаль Абд ан-Насер, сам участник войны 1948–1949 гг., объявил о намерении «сплотить всех арабов» и объединить все силы, «способные противостоять западному империализму, поддерживающему Израиль»¹⁸⁰. Палестинская интеллигенция и средние слои стали в массовом порядке вступать в общеарабские партии и организации, такие как Баас, ДАН и другие, которые считали, что «арабское единство — путь к освобождению Палестины»¹⁸¹.

Однако так думали не все. Экономические условия почти всех арабских стран, включая Ливан, редко позволяли палестинцам найти работу, даже при более высокой квалификации. (В Ливане даже в лучшие времена не имели работы до 10% ливанцев, не считая постоянно конкурировавших с ними 400–500 тыс. трудовых мигрантов из Сирии.) В раздробленном ливанском обществе обычной была солидарность среди своей конфессии, своего этноса или землячества, а пришельцы извне жили, как правило, апатридами, людьми без родины. «Палестинцы чувствуют себя чужаками в арабских странах», — писал уже упоминавшийся генерал Харкаби¹⁸². Он, конечно, сгущал краски, но все же один из сборников палестинских поэтов так и назывался «Гимны чужеземцев»¹⁸³. Понятно, с каким во-

одушевлением палестинцы восприняли революцию 1952 г. в Египте и приход к власти Насера. После 1954 г. поэтому наблюдался их приток в учебные заведения и армию Египта, в составе которой к 1956 г. возникает «дивизия освобождения Палестины». Позже формируются и другие боевые отряды («Молодые мстители» — военная секция ДАН, «Герои возвращения» — ветераны Армии освобождения и др.). Их бойцов называют «фидаями», т.е. «жертвующими собой».

Отношение к ним сначала было негативное. Приверженцы арабского единства очень критически относились к «регионализму» («иклимийя»), т.е. страновому патриотизму, который считался «движением вспять», проявлением «межплеменной вражды» («асабийя») и изменой самой идее арабизма¹⁸⁴. Именно так и толковался панарабистами «палестинизм» многих беженцев и эмигрантов из Палестины. Но «палестинизм» пробивал себе дорогу. В 1958 г. в Кувейте была создана тайная организация, принявшая в 1959 г. название «Фатх» («завоевание», «победа»), которое было образовано из проставленных в обратном порядке инициалов ее полного наименования — «Харакат ат-Тахрир аль-Филастыни» («Движение палестинского освобождения»). Зародышем «Фатха» стала небольшая группа студентов, возникшая в Газе в ноябре 1956 г., во время кратковременной (до марта 1957 г.) оккупации округа израильскими войсками. Из них наиболее известны стали Салах Халаф и Халил аль-Вазир, но особенно — Ясир Арафат*. В 1958 г. они переехали в Кувейт, где 300 тысячам палестинцев было разрешено жить «лишь при одном условии: никакого участия в политике!» Но именно здесь 5–6 основателей «Фатх» создают в 1959 г. журнал «Наша Палестина», в котором они изложили свою цель — добиться

* Рахман Абд ар-Рауф аль-Кудва принял имя Ясир Арафат (1928–2004), был в 1948 г. личным секретарем погибшего в боях с израильянами командующего вновь сформированной Армии освобождения Палестины (АОП) Абд аль-Кадира аль-Хусейни. В 1951–1956 гг. — студент в Каире, с весны 1956 г. — президент Союза палестинских студентов в Египте. Инженер-строитель по образованию, он имел военную специальность подрывника. В октябре–ноябре 1956 г. участвовал в войне с Израилем в качестве лейтенанта египетской армии. Позднее представлял Всеобщий союз палестинских студентов на конференции МСС в Праге.

освобождения родины с оружием в руках. По свидетельству журналистки Жозетт Алиа, «им не только не помогали», но, наоборот, их «ловили и арестовывали», так что «им почти постоянно приходилось скрываться в подполье»¹⁸⁵. Поэтому долгое время подлинные имена руководителей «Фатха» держались в секрете, а сами они (даже при обращении друг к другу) скрывались под псевдонимами «Абу Аммар» (Арафат) «Абу Айяд» (Салах Халаф), «Абу Джихад» (Халиль аль-Вазир), так же как присоединившиеся к ним в Кувейте и сыгравшие значительную роль в дальнейшем «Абу Лутф» (Фарук аль-Каддуми), «Абу Юсеф» (Мухаммед Юсеф ан-Наджар), «Абу Саид» (Халид аль-Хасан) и Камаль Адван. Зарубежная пресса не раз отмечала, что эти семь «ключевых фигур» 1957–1960 гг. оставались «бесспорными лидерами» ПДС и в 1971–1972 гг.¹⁸⁶

Фатх сначала придерживался принципа коллективного руководства. Но вскоре на роль первого среди равных выдвинулся Арафат, назначенный «официальным рупором» организации¹⁸⁷. Выдвижению Арафата способствовал его более богатый жизненный опыт: он принимал участие в войне 1948–1949 гг., хорошо знал старую палестинскую элиту, будучи родственником клана аль-Хусейни, жизнь «перемещенных» палестинцев, к числу которых относилась и его семья, переехавшая из Иерусалима в Газу, политические партии Египта, с которыми, например с Ассоциацией братьев-мусульман, поддерживал связи в 1955 г. В то же время он проявил способности незаурядного организатора и дипломата, упорство и целеустремленность.

«Нашей первой после прибытия задачей, — рассказывал он впоследствии о своем пребывании в Кувейте, — была борьба против стремления жить только для себя». Об этом Арафат помнил все время, даже став в Кувейте владельцем частной фирмы, связанной с департаментом общественных работ, ибо всегда был «противником зависимости от какой-либо из арабских стран»¹⁸⁸. Вместе с тем он умело маневрировал в отношениях с этими странами, весьма различными по идеологии и социальному строю, и внутри постепенно складывавшегося Палестинского движения сопротивления (ПДС), тоже далеко неоднородного в социально-политическом плане. Для правых консерваторов он был «арабским Фиделем Кастро», причем

не столько за революционную фразеологию, сколько из-за манеры просто одеваться и не расставаться с автоматом. Но приверженцы левых взглядов называли его «арабским дядей Томом» за умеренность взглядов (чаще — уклончивость в их изложении), дружбу с правителями Саудовской Аравии (а позже — и с Хомейни) и прагматизм в выборе союзников, что он оправдывал тем, что «сталь не имеет идеологии»¹⁸⁹.

Тем не менее подобная позиция Арафата, всё подчинявшая борьбе за освобождение, была оптимальна в период становления ПДС и привлечения на его сторону людей разных взглядов и происхождения. Некоторую роль в оформлении ПДС сыграли также эмигранты периода, предшествовавшего разделу Палестины. В частности, по традиции из Ливана, а также Сирии и Палестины большинство эмигрантов уезжали в Северную и Южную Америку. После 1948 г. часть из них, включая весьма зажиточных, вернулась на родину, где нашла свои семьи в крайне бедственном положении. Будучи людьми энергичными и предприимчивыми, они сразу принялись искать возможности к восстановлению погрязших прав своей родни и, шире, своего народа. Автор из Бразилии Амилькар Аленкастре встречал таких людей среди палестинских патриотов в Ливане и узнал, что среди них немало вернувшихся из Бразилии ливанцев и сирийцев, решивших, что арабы могут «возродить свое достоинство только путем вооруженной борьбы»¹⁹⁰.

Позже уже среди бойцов ПДС Аленкастре отметил значительный процент студентов, инженеров, преподавателей из университетов Европы, Африки и Азии, мусульман и христиан, для которых общим был лозунг: «Независимость, равноправие, свобода исповедания любой религии». Среди них большинство руководствовалось не памятью о своей стране (тем более что многие долго жили за ее пределами), а чувством принадлежности к общеарабскому отечеству и вере в общеарабские идеалы¹⁹¹. Практически подавляющее большинство из них, работавших ранее в Европе или США, либо приняли активное участие в борьбе ПДС, либо поддерживали его материально. Техническая интеллигенция в их рядах сыграла важную роль в обучении кадров ПДС обращению с оружием, ознакомлению

их с новейшими достижениями современной техники, современными методами организации и управления¹⁹².

В июне 1967 г. Израиль в ходе так называемой 6-дневной войны нанес тяжелое поражение армиям Египта, Иордании и Сирии, утратившим в некоторых случаях до 80% своего боевого потенциала. Занятые израильтянами территории (Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан, Голанские высоты — всего 68 тыс. кв. км) покинули 475 тыс. египтян, иорданцев и сирийцев, присоединившихся к палестинским беженцам 1947–1949 гг.¹⁹³

Арабский мир был в шоке от этой новой грандиозной катастрофы. Однако ответом на нее явилась мощная волна подъема ПДС, получившая среди арабов признание в качестве «палестинской революции» и «народной войны», переросшей рамки «регионально ограниченного сопротивления»¹⁹⁴. Только за 1967–1969 гг. личный состав политических кадров ПДС вырос в 30 раз, численность его боевого состава — в 100–150 раз, степень оснащения оружием, финансовой обеспеченности и необходимого снабжения — примерно в 300 раз¹⁹⁵. Разумеется, даже если эти цифры несколько преувеличены, всё это не могло быть делом рук одних лишь палестинцев, хотя они (включая самых богатых) отдавали всё на нужды ПДС. Но во-первых, немало было и тех, кто (особенно в Иордании и Ливане) уже начинал опасаться «революционности» ультралевого крыла ПДС и не был склонен ему помогать, а во-вторых, значительная часть палестинцев осталась на оккупированных Израилем территориях и им было довольно сложно помогать ПДС, хотя они и стремились это делать¹⁹⁶.

После войны 1948–1949 гг. Ливан уклонялся от участия в каких-либо стычках с Израилем. Господствовавшая в стране маронитская буржуазия и все, кто к ней примыкал, придерживались этой тактики по соображениям традиционного «взаимопонимания» с Западом, а также столь же традиционного стремления подчеркнуть «особость» своей позиции и свое нежелание хоть чем-то поступить ради общеарабского дела. Однако палестинцы в Ливане не были согласны с такой позицией, как и многие ливанцы, особенно сунниты, шииты и друзья¹⁹⁷. Как ни странно, но именно в Ливане бизнесом занимались всего 4 тыс. палестинцев, хотя были среди них и

миллионеры вроде главы банка ИНТРА Юсуфа Байдаса или Анри Каттана, владевшие банками, коммерческими компаниями, магазинами и кинотеатрами. Но их было всего 200 чел. (против 2300 в Сирии, 800 — в Кувейте и 6100 — на Западном берегу). Большинство же палестинцев в Ливане работали по найму (73%). Но среди них до 7% (900 чел. в Ливане) были чиновниками и управляющими, которые постепенно стали пользоваться в стране определенным влиянием. Однако преобладали среди них рабочие и ремесленники (42%), фермеры и рыбаки (23%)¹⁹⁸.

После тяжелого поражения в 1970–1971 гг. ПДС в Иордании (где оно в 1968–1970 гг. фактически делило власть с королевским режимом) пережило серьезный кризис. Он был преодолен в основном за счет перемещения большей части аппарата и вооруженных сил ПДС из Иордании в Ливан. К этому времени определилась и роль ПДС как объективно революционизирующего фактора на Арабском Востоке, и превращение Ливана в его главный центр. Количество палестинцев в стране выросло со 133 тыс. (по неофициальным подсчетам — 240 тыс.) до 315 тыс. в 1973 г. и 400 тыс. в 1975 г., т.е. до 1/7 населения Ливана. 40 тыс. чел. из них приняли ливанское гражданство. Одновременно росли и симпатии ливанцев к ПДС. Их разделяли к 1975 г., по разным подсчетам, от 62 до 85% ливанцев¹⁹⁹. Согласно заявлению генерального директора обособившегося в Бейруте Палестинского исследовательского центра Аниса Сайега, палестинцы «принесли с собой семена революции ... всюду, куда они пришли». Это выразилось, помимо всего прочего, во вступлении во многие палестинские организации, являвшиеся частью ПДС, арабов (и не только их) непалестинского происхождения, а также в мощных демонстрациях солидарности с ПДС в Багдаде (250 тыс. чел.), Дамаске (100 тыс. чел.) и других арабских столицах в 1969 г., когда власти Ливана попытались ограничить действия ПДС²⁰⁰.

В ПДС всегда было много иорданцев, тем более что 2/3 иорданцев в 50–60-х гг. были палестинцами, получившими иорданское гражданство. Не меньше было в ПДС сирийцев и ливанцев, особенно после создания общеарабской Партией арабского социалистического возрождения (Баас) в 1967 г. своей боевой организации «Ас-

Саика» (Молния), в которую вошли, наряду с сирийцами и палестинцами, прежде всего ливанцы (в Бейруте располагался самый мощный, после Дамаска, филиал Баас), а также сторонники Баас из других стран. В ряды Фатх вступили сотни ливанских суннитов по призыву своего муфтия Али Жузу²⁰¹. С июля 1968 г. их примеру последовали и шииты Ливана с одобрения их духовного лидера шейха Джаафара ас-Садека. В 1969 г. отдельно от Дамаска Баас в Ираке создала Арабский фронт освобождения Палестины (АФОП), в котором доминировали иракцы, но ливанцев и других арабов, «не связанных с палестинским национализмом», было больше, чем палестинцев. Очень высок был удельный вес ливанцев в организации панарабистов ДАН, давно базировавшейся в Бейруте. Тем же самым отличались образовавшиеся на основе ДАН после 1967 г. Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) и Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП), взявшие на вооружение ультра-левые варианты марксистской идеологии²⁰².

Надо принять во внимание, что самой сильной частью ПДС всегда был Фатх и его боевая ветвь «Ас-Асифа» (5 тыс. бойцов). Опираясь на них, Арафат создал на юге Ливана своего рода квазигосударство, получившее название «Фатхлэнд», т.е. страна Фатха. Далее следовала «Ас-Саика» (4 тыс. бойцов), прочие организации могли к 1973 г. выставить не более 400–600 чел. Относительная малочисленность сил ПДС после тяжелых испытаний 1967–1971 гг. поставила его в трудное положение во время второй гражданской войны 1975–1991 гг. в Ливане. Однако с началом этой войны численность «Ас-Саики» только в Ливане возросла до 16 тыс. чел.²⁰³ И дело было не только в наличии у сирийской в основном партии Баас крепкого филиала и влияния в Ливане, но также в решающем как для ПДС, так и для Ливана характере событий 1975–1991 гг.

Конфликт ПДС с правохристианскими кругами Ливана зародился вскоре после июньской войны 1967 г., в которой Ливан не участвовал, но одним из последствий которой явилось усиление присутствия палестинцев в Ливане. По мере роста сил ПДС они стали совершать рейды против Израиля, что вызвало ответные удары войск Израиля по Ливану, начиная с атаки на аэропорт Бейрута 28 декабря 1968 г., когда были уничтожены 13 самолетов граждан-

ской авиации Ливана. Армия и полиция Ливана пытались пресечь эти действия ПДС в 1969 г. и 1973 г., но неудачно. Вместе с тем с 1970 г. наметилось сокращение финансовой, политической и прочей поддержки ПДС со стороны Саудовской Аравии, Иордании и Ливана, вызванное неприятием правящими кругами этих государств «ультралевых» экстремизма части ПДС, особенно НФОП и ДФОП²⁰⁴. Позиция Ливана при этом усугублялась нежеланием всех фракций ливанской буржуазии (не только христианской, но и мусульманской) ссориться из-за ПДС с Западом, нести финансовые и прочие убытки из-за этого, а также потери в людях, технике и престиже, неизбежные ввиду военного превосходства Израиля. Кроме того, буржуазия, бюрократия и просто зажиточные обыватели Ливана боялись разорения и утраты суверенитета страны в случае вторжения израильской армии²⁰⁵. Ливанские военные знали об ослаблении ПДС после его разгрома в Иордании в 1971 г. Численность рядов ПДС тогда сократилась примерно в 4 раза, а количество его боевых операций в 1969–1971 гг. — с 3400 до 679²⁰⁶.

Однако в ходе столкновений 1969 г. с ливанской армией боевики ПДС не только не потерпели поражения, но и установили свой контроль над лагерями беженцев в Ливане, что дало им возможность приобрести новых сторонников и пополнить свои ряды. Бои тогда (в апреле 1969 г.) шли на севере и юге Ливана, а в городах Ливана (Бейруте, Триполи, Сайде и др.) не прекращались демонстрации ливанских патриотов в поддержку ПДС по призыву прогрессивных партий и организаций страны. Конец этому был положен Каирскими соглашениями 3 ноября 1969 г., признававшими право палестинцев жить и работать в Ливане, а за фидаями — право на вооруженное присутствие в стране и контроль над лагерями беженцев. Разумеется, это соглашение, подписанное при посредничестве Насера Арафатом и главнокомандующим армии Ливана генералом Эмилем Бустани, вызвало недовольство правохристианских кругов и не только. Против него были и маронит Сулейман Франжье, избранный президентом в августе 1970 г., и назначенный им премьером суннит Саиб Салам, лидер консервативных мусульман, сотрудничавший с правыми христианами в рамках фактического союза с ними против прогрессивно-патриотических сил Ливана. Поэтому в

марте 1973 г. последовало новое столкновение армии Ливана с ПДС, а за ним — новое соглашение, запрещавшее «операции террористов» с территории Ливана. Блок Франжье — Салама не желал помогать ПДС²⁰⁷.

Правление этого тандема в 1970–1973 гг. было временем «скачочных прибылей торгово-финансовой буржуазии», в то время как «большинство населения столкнулось с падением жизненного уровня». Только в 1972 г. появились 33 новых корпорации, но их капитал — 40 млн ливанских фунтов — лишь на треть был вложен в промышленность, а на две трети — в торговлю и сферу услуг, предусматривавшие очень низкую занятость. Тогда же было построено до 1 тыс. зданий в Бейруте, Триполи, Баабде, Сайде и Захле на площади в 800 тыс. кв. м в 1970 г., 900 тыс. кв. м — в 1971 г., 2 млн кв. м — в 1972 г. В это же время цены на землю выросли вдвое или втрое, цены на продовольствие — на 100–200%. Официально безработные составляли 8% трудоспособного населения, но реально их доля выросла с 10–13% в 1969 г. до 15–20% в 1974 г. В это же время ежегодный экономический анализ в прессе выходил под заголовком «Доверие возвращается». Строительный бум несколько сократил безработицу среди шиитов, пришедших с юга в предместья Бейрута, но их уровень оплаты оставался низким из-за наплыва сирийских рабочих, готовых трудиться буквально за гроши. К 1974 г. бум стал сворачиваться, «так и не дав ливанским трудящимся долговременных выгод, — писал М. Джонсон. — Наоборот, земельные спекуляции способствовали инфляции, от которой пострадали и средние, и трудящиеся классы»²⁰⁸.

Средний годовой доход ливанской семьи (из 6 чел.) составил в 60–70-е гг. примерно 480 ливанских фунтов, т.е. около 192 долл., в то время как необходимый минимум расходов 79% семей (включая налоги, плату за жилье, питание, электричество, воду и т.д.) составлял не менее 10 480 фунтов, т.е. 4195 долл. ежегодно. «Подобная ситуация, — писал в 1976 г. корреспондент радио Франции в Ливане Пьер Валло, — тем более нетерпима, что мы не включили в эти расходы траты на одежду, на школу (очень высокие в Ливане) и на охрану здоровья. Это буквально жизненный минимум большинства. Отсюда — многие разрушительные последствия». Эти данные

можно дополнить: в 1971 г. 82% шиитов и 79% суннитов Ливана не получали указанного выше дохода, в то время как среди христиан им не располагали 61%. Тогда же 31% шиитов и 29% суннитов были неграмотными, а среди христиан — только 15%. Среди женщин неграмотны были 70% шииток, 49% сунниток и 29% христианок²⁰⁹.

Усиление социального неравенства обострило политическую напряженность в Ливане, сказавшуюся на всем комплексе противоречий в стране. Однако неимущие христиане, опасаясь растущего большинства мусульман, «стремились к интеграции в свое сообщество, т.е. к подчинению своим богачам». Этого не было среди мусульман. Наиболее богатые из них, «выступая за либеральную экономическую систему, чувствовали общность своих интересов с наиболее зажиточными христианами». Известный французский социолог Морис Дюверже писал в этой связи: «Таким образом, нынешняя ливанская система имеет тенденцию к объединению господствующих классов и разъединению классов угнетенных».

Дополнительную напряженность в ливанскую ситуацию вносили палестинцы, которых к 1970 г. в стране насчитывалось не менее 240 тыс. чел. В 1971–1972 гг. к ним добавились еще 100 тыс. чел., вынужденных покинуть Иорданию после «черного сентября» 1970 г. В результате они составили около 15% населения Ливана, образовав к тому же «главную вооруженную силу сопротивления» и «основной источник опасности для Израиля». Примерно 115 тыс. из них жили в лагерях, но более половины — в городах и предместьях, бок о бок с ливанцами²¹⁰.

Влияние палестинцев на всех ливанцев без различия классовой и религиозной принадлежности, помимо всего уже сказанного, определялось также более высоким уровнем политизации, национального самосознания, социокультурного и международного опыта. «К началу 80-х годов, — считает Д. А. Зеленин, — многообразный опыт предшествующих десятилетий, создавший у палестинцев чувство национальной общности, редкое на Ближнем Востоке и в третьем мире, привел в действие механизм взаимосвязей всех ... групп палестинцев (имелись в виду палестинцы: 1) оставшиеся в Израиле; 2) Иордании и секторе Газа; 3) в арабских странах; 4) за пределами арабского мира. — Р. Л.). Это обостренное чувство на-

циональной общности, преодолевшее географическую раздробленность, приверженность своей деревне, клану, религиозной общине позволило общепалестинскому национальному движению ... противостоять в дальнейшем давлению арабских режимов и американо-израильского блока»^{210a}. Для ливанцев, с трудом и постоянными отступлениями преодолевавших собственную конфессиональную и прочую разобщенность (в том числе социальную, региональную и этнокультурную), пример палестинцев был весьма поучителен, а для некоторых, особенно молодежи, даже заразителен. Нет сомнений, что это обстоятельство содействовало постепенному потускнению и выветриванию из менталитета ливанцев, в первую очередь юных, догм конфессионализма, традиционализма и регионализма, не говоря уже о патриархальных обычаях и феодальных предрассудках. Это неминуемо вело к переменам, к перестройке бывших союзов и отношений.

Практически все фракции ливанской элиты опасались ПДС. Но объединялись они с очень большим трудом. К блоку с христианской буржуазией склонялась (да и то не всегда) в основном суннитская, т.е. экономически наиболее сильная среди мусульман, элита, включавшая не только предпринимателей, но и землевладельцев-феодалов в деревне и займов (местных боссов) в городах, а также чиновничество. Эти категории были менее (иногда — значительно менее) весомы среди прочих мусульман. Поэтому они, особенно шииты, были более сплочены, а предприниматели и служащие в их среде — менее многочисленны, более молоды по возрасту и, как правило, помнили о своей малоимущей родне. Наиболее кричащим контраст был между положением христиан и шиитов, причем не только в материальном, но и в культурном отношении²¹¹.

Шииты явились наиболее быстро растущей общиной Ливана — со 154 208 чел. (19,6% всех ливанцев) в 1932 г. до 1100 тыс. чел. (30,8%) в 1984 г. Это — своего рода рекорд: за эти же годы доля маронитов уменьшилась с 28,8% (226 378 чел.) до 25,2% (900 тыс. чел.), суннитов — с 22,4% (175 925 чел.) до 21% (750 тыс. чел.), друзов — с 6,8% (53 047 чел.) до 5,6% (200 тыс. чел.). Из всех ливанских общин шииты больше всего пострадали от атак Израиля, вынудившего их покинуть традиционно заселенные ими земли юга

Ливана и превратиться таким образом в обитателей бедных окраин городов центра страны и лагерей беженцев, благодаря чему им стала понятней и ближе, чем остальным ливанцам, горькая судьба палестинцев²¹².

Однако начало этих перемен среди шиитов Ливана и их социополитическое выдвижение относятся к 70-м гг. XX в. Они могут рассматриваться, помимо всего прочего, как реакция беднейшей фракции мусульман Ливана на «время сказочных прибылей» и засилье христианской верхушки в годы правления Франжье — Салама. Шииты уже тогда (по данным 1977 г.) стали крупнейшей общиной Ливана (850–900 тыс. чел., т.е. 28% всех жителей страны) и превосходили маронитов (800 тыс. чел., или 24%). По другим данным (социолога из Франции Пьера Рондо), шиитов тогда было 24%, а маронитов — 23%, но это менее вероятно, тем более что эксперты США уже тогда определяли долю шиитов в 40%, а всех христиан — в 30%. Но дело было не в точности цифр, а в сохранявшемся неравноправии христиан и мусульман, еще более обострившемся вследствие изменения со времен Национального пакта 1943 г. соотношения численности и удельного веса общин²¹³.

Марониты продолжали быть привилегированным социумом в ливанском обществе, а шииты заселили в основном трущобы «пояса нищеты» вокруг Бейрута и прочих городов центра страны и долины Бекаа. Подвергаясь до этого около 10 лет бомбардировкам авиации Израиля, они видели в израильтянах одновременно этнополитических и военных противников, иноверцев и социальных гонителей. Неудивительно, что они в массовом порядке поддерживали политикорелигиозное «Движение обездоленных» (Харакат аль-махрумун), созданное динамичным шейхом Мусой Садром, и военную организацию «Амаль» (сокращение от арабского названия «Афвадж аль-мукавама аль-любнанийя» — Отряды ливанского сопротивления). Обе организации возникли во многом по инициативе самих бедняков-шиитов и при активном участии молодой шиитской интеллигенции (прошедшей, как правило, «школу» бейрутских и прочих городских трущоб), выступавшей «против традиционной знати шиитов и против политической системы Ливана, которая их полностью игнорировала». Руководство этих организаций быстро радикализировалось

под влиянием городских низов, рабочих, неимущих крестьян и безработных. Косвенно об усилении роли шиитов в политике и росте среди них протестных настроений свидетельствовало и увеличение их доли среди 10 тыс. членов компартии Ливана (до 25% к 1984 г., в то время как 15% их были суннитами, а большинство — армянами и православными).

У суннитов Ливана тоже была своя конфессиональная политическая организация — «Партия единения» (Хизб ат-Таухид). Но она была намного слабее, чем «Амаль». Суннитская община находилась в лучшем положении по сравнению с шиитами, меньше пострадала от боестолкновений, перемещений и обнищания. Ее позиция стала радикализироваться после событий 1982–1984 гг., сказавшихся на всех ливанцах. Приход значительной части суннитов к НПС повлиял на расстановку сил в стране. Суннитов к весне 1984 г. в Ливане было уже 26%. Они стали второй после шиитов общиной страны²¹⁴.

Таким образом, социополитический строй Ливана оставался традиционным, в то время как в социальной и этнорелигиозной структуре страны произошли серьезные перемены. Они побуждали ущемленное в политическом отношении большинство ливанцев, особенно быстро растущие общины мусульман, требовать коренных реформ давно сложившихся порядков. Самоорганизация общин, в том числе в военном отношении, присутствие в стране ПДС и его сильное влияние на неимущие слои населения представляли собой мощные рычаги давления на правящие круги Ливана. Это препятствовало проведению последними прозападного курса изоляции страны от общеарабского освободительного движения, отказа от поддержки ПДС и его борьбы против Израиля, а также в целом от борьбы за справедливое урегулирование ближневосточного конфликта. Правохристианские силы — партия «Катаиб», Национально-либеральная партия Шамуна, Национальный блок клана Эдде — и примкнувшие к ним опасались, что национально-патриотические силы (НПС) Ливана будут только усиливаться за счет блока с ПДС и все более успешно добиваться своих целей, общего сдвига влево и дальнейшей демократизации страны. В то же время основная часть христиан, руководствуясь внедрявшимися верхушкой маронитской буржуазии расхожими клише антимусульманской пропаганды, негативно восприни-

мала всё исходившее от арабских патриотов Ливана и от ПДС. Последнее рассматривалось как главный источник дестабилизации поддерживаемого правыми христианами режима в Ливане, а также как повод для атак авиации и десантов Израиля, наносивших удары по Ливану, ставшему базой дислокации главных сил ПДС после 1971 г. Разумеется, зная это, Израиль лишь наращивал удары по Ливану (особенно по югу страны, изгоняя оттуда шиитов и палестинцев), делая ставку на то, чтобы поссорить «благонамеренных ливанцев» с «безответственными террористами», а также убедить правящие круги Ливана в необходимости избавиться от ПДС.

Такая попытка была предпринята вновь в 1973 г., но она опять окончилась неудачей. Не воевавшая с 1948 г. армия Ливана не смогла справиться даже с ослабленными после 1971 г. отрядами ПДС, которые были поддержаны и силами НПС Ливана, и стихийными выступлениями городских рабочих, студентов и крестьян. К этому времени НПС усилились и активно противостояли пропаганде правохристианских группировок, с 1968 г. объединенных в политический союз «Хильф» (пакт, договор) и отстаивавших тезис о «нейтрализации» Ливана (по образцу Швейцарии). В противовес им еще весной 1970 г. девять профсоюзных центров страны (общей численностью в 80 тыс. сторонников) слились в единую Всеобщую конфедерацию трудящихся Ливана (ВКТЛ). Это обстоятельство, как и постепенно (хоть и с трудом) налаживавшееся взаимодействие НПС с компартией и другими левыми силами Ливана, а также с последователями Насера и такими харизматическими вождями конфессиональных общин, как популярный лидер друзов (и председатель Прогрессивно-социалистической партии) Камаль Джумблат, вызывали опасения и правых сил внутри Ливана, и их иностранных покровителей²¹⁵.

В августе 1970 г. Камаль Джумблат, занимавший тогда пост министра внутренних дел, отменил запрет на деятельность левых партий страны, включая компартию, местный филиал Баас и Национально-социальную партию, к этому времени идейно сближившуюся с НПС. На выборах в парламент в 1972 г. патриотические силы увеличили свое представительство: руководимый Джумблатом Фронт национальной борьбы получил 10 мест (на 3 больше, чем раньше), по одному мандату получили насеровцы и Баас, 6 мест —

сторонники Рашида Караме. В том же году войска Израиля трижды вторгались в Ливан, нанося удары в основном по ПДС. В сентябре того же года Пьер Жмайель на съезде партии «Катаиб» выступил против Каирских соглашений 1969 г. и потребовал запрета деятельности ПДС в Ливане²¹⁶.

Это объяснялось изменением ситуации на Ближнем Востоке после смерти осенью 1970 г. президента Насера в Египте и изгнания ПДС летом 1971 г. из Иордании фактически при попустительстве нового президента Египта Анвара Садата, отказавшегося от патриотического курса Насера и в дальнейшем пошедшего на сближение с США и даже Израилем. В ответ на это Всеарабская народная конференция в Бейруте создала в ноябре 1972 г. Арабский фронт содействия палестинской революции во главе с Генеральным советом из представителей прогрессивных объединений 14 арабских стран. Генеральным секретарем Фронта стал Камаль Джумблат. Все это происходило на фоне массовых выступлений забастовщиков и безработных, студенческих волнений, демонстраций и митингов протеста, в которых лишь 13 ноября 1972 г. участвовало свыше 30 тыс. чел. Полиция разгоняла демонстрантов, арестовывала многих из них и даже применяла оружие. Только в ходе таких стычек у фабрики «Гандур» в Бейруте и на табачных плантациях у города Набатия на юге Ливана было убито 4 и ранено до 70 чел. Однако забастовки и в целом движение солидарности с их участниками лишь ширились, приобретая общенациональный масштаб²¹⁷.

В мае 1973 г. армия Ливана обстреляла лагерь палестинцев в Бейруте, предварительно их окружив. В нападении на крупнейший лагерь Телль-Заатар 2–8 мая участвовали также боевики партии «Катаиб». Ливанская авиация подвергла лагерь бомбежке, а правительство ввело в стране чрезвычайное положение. Однако стойкое противодействие фидаев, разногласия в верхах (командование армии, в основном христианское, не согласовало атаку на ПДС с премьером-суннитом), решительная позиция НПС и возмущение арабского общественного мнения заставили инициаторов очередной провокации отступить. ПДС и власти Ливана в очередной раз подтвердили свою верность постоянно нарушаемым Каирским соглашениям. Однако на деле эти соглашения продолжали нарушаться:

израильская авиация в 1974 г. не раз бомбила пригороды Бейрута и селения Южного Ливана, а особенно — лагеря палестинских беженцев в Набатии, Аيي аль-Хильве, Рашидийе; бомбардировки и обстрелы территории Ливана израильтянами, повторявшиеся много раз, часто сопровождались атаками правохристианских сил, прежде всего «Катаиб» Пьера Жмайеля, на базы ПДС. «Катаиб», насчитывая уже в 1967 г. 60 тыс. чел., стала к тому времени крупнейшей партией (да и вооруженной силой) Ливана. Мир в Ливане нарушался ежедневно: взрывались дома, погибали активисты ПДС, разрушались их бюро и опорные пункты. В то же время Ливан официально отстаивал в ООН права палестинцев, чем лично занялся президент Сулейман Франжье²¹⁸.

Только в первой половине декабря 1974 г. Ливан более 100 раз подвергся ударам израильской артиллерии, разрушившей сотни домов и изгнавшей тысячи южан Ливана (как правило, шиитов) на север страны. В связи с этим росло влияние объединившей шиитов организации «Амаль». Со своей стороны, резко активизировались правохристианские силы: в январе 1975 г. Пьер Жмайель выступил против присутствия ПДС на юге Ливана и потребовал провести референдум по этому вопросу. Его поддержал и Камиль Шамун. В феврале 1975 г. в городе Сайда на юге Ливана армия расстреляла демонстрацию местных рыбаков. С обеих сторон имелись убитые и раненые. Правые христиане одобрили действия армии, НПС их осудили. И на пике все нараставшего напряжения боевики «Катаиб» 13 апреля 1975 г. напали в бейрутском районе Айн ар-Руммана на автобус, перевозивший палестинских беженцев, в основном женщин и детей: 27 человек были убиты. Камаль Джумблат потребовал немедленной отставки министров от «Катаиб», а Пьер Жмайель объявил этот инцидент следствием «коммунистического заговора». Между НПС и фалангистами произошли вооруженные столкновения. Их прекращение через три дня было кратковременным²¹⁹.

Страна была охвачена кризисом, выход из которого не смогло найти ни трехдневное «правительство военных» во главе с генералом Нуреддином Рифаи, ни «кабинет национального спасения» Рашида Караме, который хоть и не включил в свой состав фалангистов, но все же привлек в качестве министра внутренних дел Ками-

ля Шамуна, ближайшего союзника и единомышленника Жмайеля. Давняя склонность ливанских политиков к компромиссам, тайным соглашениям, закулисным маневрам, верхушечным сговорам создала тупиковую ситуацию: интересы противостоящих сторон были принципиально непримиримы, и их как-то «согласовать», примирить на основе некой «золотой середины» было невозможно²²⁰.

Поэтому ожесточенные бои между отрядами правохристианских сил, с одной стороны, НПС и ПДС — с другой, практически не прекращались, хотя и сопровождались периодическими декларациями о «мире» и «прекращении огня». Все хотели мира, все не могли поверить в саму возможность жестокой гражданской войны в Ливане, но все ... продолжали сражаться! Бои шли в Бейруте, Триполи, Сайде, Дамуре, Захле, Згорте. И никакие усилия самых последовательных миротворцев вроде Рашида Караме, считавшего «дебилами» тех, кто продолжает воевать, ни к чему не приводили. 30 августа 1975 г. он как премьер-министр торжественно провозгласил по телевидению 11-е «прекращение боев» и пожелал телезрителям «доброй ночи и сладких снов». Но это перемирие не продлилось и 24 часов. Еще в июне 1975 г. пресса Ливана сообщала о 1200 убитых в стране, а вождь шиитского «Движения обездоленных» имам Муса Садр уточнял, что на самом деле погибли 2134 чел., а ранено 16 441 чел., в том числе много случайных жертв, «пораженных шальными пулями»²²¹.

Время для начала гражданской войны было выбрано не случайно. К 1975 г. «Катаиб» располагала уже 6–8 тыс. хорошо вооруженных и обученных бойцов (по другим данным — до 10 тыс. бойцов), многими сторонниками в армии и госаппарате, контролем над восточными районами Бейрута с христианским большинством. Став главной силой правохристианского лагеря, «Катаиб» решила фактически на крутой поворот в политике Ливана с целью вернуть маронитской верхушке господствующее положение в стране, изгнав ПДС и разгромив его союзников — НПС и левые силы. Поддерживавшие правых христиан державы Запада все время подталкивали их к такому решению, дабы всячески затормозить и, если возможно, обратить вспять процесс усиления демократических сил в Ливане.

Помимо боевых действий, стороны вели друг с другом ожесточенную информационную войну. В октябре 1975 г. Пьер Жмайель заявил в интервью германскому журналу «Дер Шпигель»: «Наряду с официальным правительством, мы имеем еще четыре—пять правительств; наряду с регулярной армией, у нас есть еще четыре—пять армий. Ясир Арафат с очень большим трудом контролирует палестинцев. Значительные группы фидаев проводят политику, прямо противоположную той, что он провозгласил. Они следуют инструкциям импортированных в страну международных левых сил, желающих разрушить государство, дабы ловить рыбку в мутной воде». 8 ноября того же года фалангисты из «Катаиб» опубликовали провокационные измышления по поводу якобы существовавшего «Палестинского плана захвата власти в Ливане косвенным путем», будто бы раскрытого «специализированными службами разведки». В нем ПДС приписывался лозунг: «Дорога на Тель-Авив проходит через Амман и Бейрут». За день до этого с «меморандумом к депутатам от Нации» обратились формально религиозные объединения маронитов, фактически игравшие политическую роль — «Постоянный конгресс высших иерархов маронитских монахов» и «Маронитская лига»^{*}. Они утверждали: «Соппротивление (т.е. ПДС. — *Р. Л.*) имеет собственную армию, полицию и позволяет себе раздавать оружие и снаряжение не только своим бойцам, но и желающим гражданам Ливана... Оно злоупотребляет защитой священного дела, дабы вмешаться во внутренние дела Ливана, навязать своих кандидатов на ключевые посты в государстве, помешать работе администрации и парализовать функционирование учреждений, особенно армии... Существование Ливана отныне зависит от Палестинского сопротивления»²²².

^{*} У маронитов имеется множество организаций, реально (но не формально) совмещающих идейно-политические и религиозные функции. «Ливанские фаланги, ливанские силы, Национальный блок, Национал-либеральная партия, Движение Марада, Стражи кедра, Танзим, Маронитская лига, Свободное патриотическое движение, Лига Корнет Шехван, Движение Будущего, Движение Демократического обновления, Движение Независимости — вот далеко не полный перечень маронитских организаций, которые действовали, а большинство из них продолжают действовать как в самом Ливане, так и за его пределами» (Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 287—288).

Палестинцы на все обвинения отвечали четко и жестко, в частности в своем журнале «Палестина» в июле 1975 г.: «Со времени бойни 13 апреля 1975 г. в Айн ар-Руммане, осуществленной партией фалангистов против мирных палестинцев... эта сектантская и фашистская партия, поддерживаемая внешними и внутренними реакционными силами, сделала всё ради того, чтобы развязать в Ливане гражданскую войну». Далее правые обвинялись в создании в Ливане «хаотичной атмосферы побоища, порочной истерии и разрушения в надежде реализовать свой план политической и военной ликвидации Палестинской революции и ограничения растущей активности коммандос, действующих в оккупированной Палестине против сионистского врага». Наконец, выражалась надежда на «провал расчетов американских империалистов... благодаря беспримерной солидарности ливанских масс и Палестинской революции, единству националистов и прогрессистов Ливана и осознания ими их общей судьбы и совместного будущего с палестинским движением национального освобождения». ПДС было поддержано в ноябре 1975 г. сирийским официозом «Ас-Саура», обвинившим «Израиль, США и некоторые подчиненные США арабские страны» в намерении «парализовать» ПДС и расколоть Ливан на «конфессиональные и расистские сообщества по образцу Израиля». 5 октября 1975 г. против «политического конфессионализма», т.е. основы доминирования маронитов, выступил суннитский муфтий Ливана шейх Хамид, по мнению которого конфессионализм — «причина всех наших бед», парализующий парламент, «подрывающий административную, связывающий армию, саботирующий экономику, ставящий Ливан под господство закона джунглей». Заодно он объявил (впервые в Ливане после 1943 г.!) «устаревшим» Национальный пакт как «итог поверхностного диалога высших руководителей»²²³.

Слова муфтия перекликались с требованиями НПС ликвидировать систему конфессионализма, которые были выдвинуты в августе 1975 г. Однако эти требования не обсуждались и в общем и целом были заслонены очередной вспышкой боевой активности противостоявших друг другу сторон, особенно в городах Триполи, Захла и, конечно, Бейруте. Все более четко выступало фактическое размежевание страны на христианские и мусульманские районы. «Катаиб» и

их союзники (национал-либералы Шамуна, Маронитская Лига, «Стражи кедра» и др.) даже выдвигали идею создания в Ливане особого «христианского государства».

Иными словами, в ходе вооруженного конфликта выяснилось, что он вовсе не случаен и корни его отнюдь не только и даже не столько в присутствии ПДС в Ливане, сколько в несправедливости и устарелости принципа конфессионализма, составившего суть Национального пакта. Уже в 1976 г., несмотря на отсутствие точных данных статистики, было известно, что прежнего соотношения между христианами и мусульманами давно уже нет²²⁴. Но христиане, в первую очередь марониты, не желали об этом даже говорить. Поэтому депутатами парламента в 1960–1976 гг. неизменно были 30 маронитов, 11 православных, 6 греко-католиков, 4 армяно-грегориан, 1 армяно-католик, 1 протестант и 1 представитель «иных меньшинств», т.е. всего 54 христианина против 45 мусульман — 20 суннитов, 19 шиитов и 6 друзов. «За отказом даже тронуть конфессионализм, — писал П. Валло, — в действительности скрывался страх христиан перед любой эволюцией, которая могла лишить их власти»²²⁵. А дело явно шло к этому. В стране уже открыто говорили и писали о «деградации парламентской жизни» вследствие засилья займов с их «устарелостью», консерватизмом, претензией на защиту якобы стабильности и единства Ливана²²⁶.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1975–1991 гг.

Постепенно боестолкновения в Ливане, вызванные стремлением НПС защитить ПДС от агрессии правохристиан, переросли в широкомасштабную гражданскую войну, в которой главным стал вопрос не о праве ПДС базироваться в стране, а о смене (или, по крайней мере, преобразовании) социополитического строя Ливана. При этом НПС старались действовать мирными способами, в частности содействуя (при посредничестве Сирии) созданию Комитета по национальному диалогу в сентябре 1975 г., пытались добиться нормализации положения в стране. Однако правохристианские силы вовсе этого не хотели, стремясь максимально затянуть неопределенность хаотичной ситуации в Ливане, отодвинуть перспективу мирного урегулирования разногласий на демократической основе. В неразберихе и смуте вооруженного противостояния они рассчитывали при поддержке Запада силой достичь своих целей, а именно — сохранить привилегии крупной торгово-финансовой буржуазии и феодалов правохристианской ориентации, изгнав из страны ПДС и нейтрализовав НПС. С этой целью они стали вовлекать в боевые действия (вопреки приказам премьера Караме) части ливанской армии. В ответ 19 января 1976 г. в Ливан вступили подразделения Армии освобождения Палестины (АОП), расквартированные в Сирии. После этого при посредничестве министра иностранных дел Сирии было достигнуто очередное (24-е) соглашение о прекращении огня²²⁷. Это явилось началом интернационализации конфликта.

Сирия всегда проявляла интерес к событиям в Ливане (см. выше). Помимо близкого соседства и тесных связей между суннитами, друзьями, православными и алавитами Сирии и Ливана, Сирия была экономически заинтересована в торговле с Ливаном (через него шли 20% импорта Сирии), а также в сотрудничестве с ним как с

финансовым центром и центром продажи оружия для всего арабского мира.

Тем временем бои не прекращались. Правохристианские силы образовали 31 января 1976 г. «Фронт свободы и человека», вскоре переименованный в «Ливанский фронт». В него вошли «Катаиб», НЛП Шамуна, «Танзым» (Порядок), Маронитская лига и Орден маронитских монахов. Незадолго до этого, 22 января, президент Франжье и премьер-министр Караме согласовали с руководством Сирии «конституционный документ», содержавший план политического урегулирования ситуации в Ливане. По этому плану в стране вводилось равное представительство мусульман и христиан в парламенте и госаппарате, выборы главы правительства парламентом, создание Высшего социально-экономического совета для планирования развития неблагополучных районов страны (в основном мусульманских), определение отношений Ливана и ПДС на базе Каирских соглашений 1969 г. Иными словами, предусматривалось перераспределение властных полномочий в Ливане, но при сохранении системы конфессионализма, в том числе закрепление поста президента за маронитами.

Но и это маронитов в целом не устраивало, ибо они хотели как минимум сохранить выгодный для них статус-кво, как максимум — избавиться и от ПДС, и от НПС. Поэтому они, не проявляя никакого желания к компромиссу, продолжали содействовать вовлечению в боевые действия на стороне правых сил верных им подразделений ливанской армии. Но это стимулировало распад армии и ее размежевание по конфессиональному признаку. Некоторые подразделения армии во главе с лейтенантом Ахмедом Хатыбом заявили о своем неподчинении командованию армии (контролируемому христианами) и выступили в поддержку НПС, создав «Армию арабского Ливана». После этого раскол армии стал уже свершившимся фактом. Лишь немногие ее части сохранили нейтралитет. Хатыб был суннитом, как и военный комендант Бейрута бригадный генерал Азиз аль-Ахдаб, который 11 марта 1976 г. провозгласил себя военным губернатором страны и потребовал отставки президента Франжье. Однако эта попытка переворота провалилась и более половины 18-тысячной армии Ливана после этого образовали, помимо

войск Хатыба, еще три «мини-армии», вернее, милиции — просирийскую, промаронитскую и «армию юга Ливана» во главе с экс-майором Саадом Хаддадом. Одновременно (тоже 11 марта!) один из лидеров «Катаиб» Жозеф Абу-Халил выезжал в Израиль с просьбой о военной помощи.

И «Катаиб», и Израиль беспокоило не только усиление НПС и ПДС, но и глубокие перемены внутри ливанского общества: «Начиная с середины 1970-х гг. шиитская община состояла уже не только из обедневшего крестьянства юга и Бекаа, — пишет британский исследователь М. Токсёз. — Эмигрировавшее в Африку и зону Залива в 50-е годы поколение шиитов репатриировало свои капиталы ... установив контроль над банками, торговлей и промышленностью многих районов. Этот сам себя сделавший шиитский бизнес вместе с новым профессиональным средним классом шиитов, выросшим в городских центрах, смог поддержать таких лидеров, как Набих Берри и Хусайн Мусави», что в ряде мест решающим образом меняло расстановку социально-политических сил²²⁸.

8 мая 1976 г. президентом был избран Ильяс Саркис, победивший в упорной борьбе Раймона Эдде (тогда рассорившегося с фалангистами). Хотя за отставку Франжье выступили 2/3 депутатов парламента (68 из 99), он отказался уйти со своего поста досрочно, опираясь на поддержку сил правохристианского лагеря. Бои продолжались, в ходе которых НПС установили контроль над 80% территории страны. Правые утратили военную инициативу. Часть их под угрозой поражения даже стала покидать страну, отплывая на Кипр (где с незапамятных времён существует арабская, в основном ливано-палестинская, диаспора). Запад решил не допустить разгрома маронитов и вообще своих давних партнеров из правохристианского блока. О намерении вмешаться во внутрививанский конфликт заявила Франция устами своего президента Валери Жискара д'Эстена. Угрожающей была также позиция США и Израиля, которые опасались влияния победы НПС на весь Ближний Восток, тем более — укрепления позиций ПДС в Ливане. К тому же наметились и разногласия между НПС–ПДС, с одной стороны, и Сирией — с другой. Сирия поддерживала НПС–ПДС с целью не допустить вмешательства в ливанские дела Анвара Садата и сблизившегося

при нем с США Египта. Но сирийцы не меньше боялись и того, что победа НПС—ПДС спровоцирует вторжение в Ливан израильской армии, которое поставит под угрозу Дамаск, расположенный всего в нескольких милях от границы с Ливаном. Кроме того, правохристианские силы не скрывали, что в случае своего поражения постараются реализовать давнюю мечту о «независимом христианском государстве», которое неизбежно было бы связано с Израилем и вело бы дело к дальнейшей «балканизации» Сирии, страны со своими религиозными проблемами и расколами²²⁹.

Помимо этого, и в Дамаске, и в Бейруте так же, как и в столицах Запада, вызывала тревогу деятельность ультралевого крыла ПДС, особенно НФОП и его лидера Жоржа Хабаша, считавшего «идеалом современного революционного государства Северную Корею». Непримируемость Хабаша привела к тому, что в 1968 г. от НФОП откололся «НФОП — Общее командование» во главе с бывшим капитаном (по другим сведениям — полковником) сирийской армии Ахмедом Джибрилем, а в 1969 г. — Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) во главе с Найефом Хаватмой, считавшим ДФОП «левым крылом Народного фронта, оппозиционным по отношению к мелкобуржуазной группе Хабаша». И Хабаш, и Хаватма преследовали одни и те же цели, «хотя и расходились по поводу методов их осуществления»²³⁰. Боевики Хабаша действовали более решительно и беспощадно. Но в начале 70-х гг., после изгнания ПДС из Иордании, так действовали очень многие фидаи из самых разных организаций, включая наиболее умеренный из них Фатх.

Позиция НФОП и ДФОП обостряла не только отношения Ливана и Сирии с ПДС. Она накаляла и без того сложную социальную обстановку внутри ливанского общества. Еще до начала гражданской войны Всеобщая конфедерация труда Ливана (ВКТЛ) требовала повышения заработной платы на 25%, что сопровождалось волной стачечного движения во всех крупных городах Ливана. То же самое повторилось в феврале 1974 г. в Сайде, Тире, Набатии и было поддержано массовыми демонстрациями в Бейруте и Триполи. К концу 1974 г. в стране возникло до 29 милицейских формирований разных партий группировок и самозванных командиров, а Ли-

ван вышел на первое место в мире по числу единиц оружия на душу населения. Быстрый рост цен, деградация управленческих структур, коррупция, безработица делали свое дело. Чрезвычайно обострился социальный аспект конфессиональной проблемы: в октябре 1974 г. Мусульманский совет от имени либеральных кругов мусульманской буржуазии (за которыми шла преобладающая часть мусульман) потребовал (в какой уже раз!) изменить конфессиональный принцип распределения власти, провести новую перепись населения (дабы официально выявить численное преобладание мусульман в стране), принять новые законы о выборах и об армии, перераспределить бюджет в пользу бедных районов. Даже отдельные представители христиан поддержали эту программу. Разумеется, всё это угрожало интересам не только маронитов, но и в целом господствовавшей тогда в Ливане элиты, чем и объясняется во многом удивительная на первый взгляд ожесточенность войны в Ливане.

В обстановке обострения военно-политических противоречий и многообразных угроз извне Сирия ввела в Ливан 20 тыс. солдат и офицеров, 260 танков и броневиков при поддержке артиллерии, флота и авиации, потребовав 1 июня 1976 г. немедленного прекращения огня. Тем самым она предотвратила вмешательство Запада и Израиля в дела Ливана, но сократила вдвое территорию, контролировавшуюся НПС–ПДС, не избежав столкновений с ними. Правохристиане, воспользовавшись этим, захватили в июне лагерь Джир аль-Баша, убив до 100 его обитателей и изгнав остальных, а с 20 июня по 12 августа осаждали лагерь Тель-Заатар, где погибли тысячи палестинцев и шиитов с юга страны. Лагерь штурмовали фалангисты «Катаиб», чей командир погиб при штурме, и «тигры» Дани (сына Шамуна), добивавшие уцелевших. Всего в лагере находились около 50 тыс. чел. Сколько из них уцелело, неизвестно, но не менее 500 чел. были сожжены заживо. Несмотря на протесты в мире, прежде всего СССР, 4 тыс. правых христиан продолжили уничтожение лагерей вокруг Бейрута, изгнав до 100 тыс. шиитов из Набаа. Лишь к ноябрю 1976 г. сирийцы установили контроль над Бейрутом и горным массивом Метн «ценой значительных потерь», ибо преодолевали сопротивление всех воюющих сторон. Позже си-

рийцы заявили, что «безопасность и независимость Ливана — элемент безопасности и независимости самой Сирии»²³¹.

Акция Сирии вызвала реакцию президента Египта Садата, пославшего в Ливан бригаду АОП на помощь Фатху, Ливии, направившей оружие и деньги для НФОП и организации «Мурабитуп» (последователям Насера в Ливане), Ирака, оказавшего помощь бойцам АФОП в Ливане. Параллельно шли переговоры в Эр-Рияде и Каире о прекращении боев и создании Арабских сил сдерживания (АСС). Они были созданы, номинально — под командованием президента Ливана, но в них преобладали сирийцы (25 тыс. чел.), хотя были представлены также Саудовская Аравия, Ливия, Судан, ОАЭ и Йемен (всего — 5 тыс. чел.). Реально Ливан оказался поделенным на 6 зон: 1) на юге — контроль Израиля и союзной с ним группировки маронитов Хаддада; 2) там же «Фатхлэнд» (зона ПДС) и части миротворцев; 3) область к северу от Сайды до западного Бейрута и гор Шуфа — под контролем «левых палестинцев», но «под наблюдением сирийцев»; 4) маронитский сектор — от восточного Бейрута до Матна и Кесравана в Горном Ливане. Остальные две зоны — на севере Ливана и в долине Бекаа — непосредственно контролировались сирийцами.

Президент Саркис, тесно связанный со сторонниками Шихаба (в основном офицерами, эмигрировавшими в Сирию), назначил «внепарламентский» кабинет министров во главе со своим другом Салимом аль-Хуссом, видным суннитским банкиром Бейрута. Однако править «по-шихабовски» было уже невозможно, так как страна была намного более политизирована и милитаризована, да и политически организована, нежели в 50-е гг. В частности, в 1978 г. в Ливане насчитывалось примерно 12 тыс. бойцов ПДС (среди которых были также ливанцы и другие арабы), около 5 тыс. бойцов НПС и до 12 тыс. боевиков правого лагеря²³². Но это — лишь минимальные и наиболее вероятные цифры. Другие источники приводили иные данные. Но суть была не в этом, а в том, что по мере расширения масштабов военных действий и затягивания войны росло также число «неорганизованных» бойцов, не входивших ни в какие отряды, но имевших оружие и действовавших на свой страх и риск, примыкая к той или иной партии или «частной милиции», временно

сколоченной группировке или просто банде. Остановить этот хаос было трудно, тем более что он сопровождался похищениями и сведением личных счетов, грабежом (часто — во имя «высоких целей»), тайными убийствами и иными преступлениями, в большинстве случаев так и не раскрытыми.

Политическому и социальному хаосу в Ливане во многом содействовали постоянные столкновения на границе с Израилем (как вследствие нападений на север Израиля палестинцев, так и по другим поводам). В марте 1978 г. израильтяне продвинулись вглубь Ливана до реки Литани («операция Литани») и ушли обратно только в июне 1978 г., передав контроль над «освобожденной» территорией своим союзникам из «Армии Южного Ливана» майорамаронита Саада Хаддада. Хаддад провозгласил свою зону «государством свободный Ливан», что вызвало негативную реакцию НПС и ПДС. В этом карликовом «государстве» под эгидой Хаддада и помогавших ему израильтян оказались около 100 тыс. чел., в том числе 40 тыс. маронитов и католиков, примерно 60 тыс. шиитов и несколько сотен друзей. Занимая 80 км в длину и до 10 км в ширину, «зона» Хаддада как бы прикрывала северную границу Израиля, не допуская к ней ни ПДС, ни армию Ливана.

Правые христиане укрепляли свои позиции и в центре Ливана, где еще в январе 1976 г. «Катаиб» и другие маронитские объединения (Маронитская Лига, Танзым, Орден маронитских монахов), а также национал-либералы Шамуна создали «Фронт свободы и человека» с целью «вести дальнейшую борьбу против коммунистической и палестинской угрозы». В дальнейшем этот блок стал называться «Ливанский фронт» (ЛФ). В пропагандистских целях ЛФ всячески раздувал якобы существующую «угрозу» суверенитету Ливана со стороны ПДС, утверждая, что в Ливане собралось до «600 тыс. палестинцев, т.е. более 20% населения», что было явным преувеличением²³³.

Вмешательство Сирии в дела Ливана, объективно сыгравшее на руку правохристианским силам, вызывало негативное отношение со стороны НПС. Наиболее видный лидер НПС Камаль Джумблат открыто возмущался сирийским «предательством». В марте 1977 г. он был убит по дороге в Мухтару — свою резиденцию в горах Шуфа.

Кто были убийцы, осталось неизвестным. Молва приписывала этот теракт сирийцам, но также маронитам, будто бы мстившим за «уничтожение нескольких десятков христиан» друзьями в регионе Шуфа. Преступление это, как и многие другие в то время, осталось не раскрытым. Конечно, смерть самого авторитетного и харизматичного лидера НПС ослабила и, в какой-то степени, дезорганизовала левые силы Ливана. Именно поэтому гораздо больше, чем сирийцы, в смерти Джумבלата были заинтересованы предводители правых, прежде всего маронитов. Нельзя также сбрасывать со счетов иностранные спецслужбы, прежде всего Запада, всегда имевшие в Ливане довольно разветвленную агентуру. Они опасались Джумבלата, его авторитета и его ПСП, в 70-е гг. насчитывавшей 10 тыс. членов. К тому же с января 1977 г. сирийцы столкнулись в жестком противостоянии с маронитами. Последние устроили резню почти 100 мусульман в отместку за взрыв бомбы в христианском квартале Бейрута Аль-Ашрафийя, унесший жизни 35 христиан. Сирийцы после этого произвели аресты среди христиан, заняли порт Джуния и пресекли тем самым ввоз оружия и «контрабанду, имевшую важное значение для экономики христианского анклава». В 1978 г. сирийцы восстановили отношения с ПДС и сотрудничество с Ливией, разрешив ей перевооружить левые силы Ливана. Правые христиане в это же время наладили получение оружия и инструкторов из Израиля, после чего произошел ряд инцидентов с обстрелом сирийских солдат боевиками партии «Катаиб».

Объединявший правых христиан «Ливанский фронт» фактически расколол страну, постепенно создав нечто вроде неформальной автономии между восточным Бейрутом, Батруном на севере и Фараей на востоке. Занимая всего 20% территории страны, эта «автономия» (с 500 тыс. жителей) имела свои органы власти, свой порт Джуния (до захвата его сирийцами), филиалы Ливанского банка и Ливанского университета. В Джунию были переведены из столицы и других городов многие коммерческие, финансовые и страховые компании. Угроза распада страны становилась все более реальной, тем более что в «автономии» обосновались в основном марониты и греко-католики (меньше — армяне и православные) и уже начали возникать параллельные госучреждения, администрация, налоговое

ведомство и т.п. В это же время под давлением Израиля до 200 тыс. ливанцев покинули юг страны и наводнили Сайду, серьезно осложнив жизнь местному населению²³⁴.

Инерция гражданской войны развязала не только политико-идеологические страсти, но и личное соперничество между предводителями разных кланов и группировок, ранее позволявшими себе лишь скрытую конкуренцию. Так, в июне 1978 г. сотня фалангистов Башира Жмайеля во главе с экстремистом Самиром Джааджей атаковала северный оплот экс-президента Франжье (тоже маронита), убив при этом его сына Тони, его приемную дочь с ребенком и еще 25 человек. Это была попытка перехватить контроль над деревней Ихдин у соперничающего клана, тем более — руководимого многолетним другом и союзником президента Сирии Хафеза аль-Асада. В ответ сирийская артиллерия подвергла бомбардировке восточный Бейрут и другие оплоты фалангистов и национал-либералов Шамуна. В последующих боях сирийцев с правыми погибли сотни гражданских лиц. Подобные же конфликты вспыхивали и в христианских, и в мусульманских кварталах и пригородах Бейрута. В 1980 г. фалангисты подчинили себе и сторонников Шамуна, убив из них 150 чел. и тем самым насильно «сплотив» практически всех правых христиан под эгидой своей «относительно упорядоченной и дисциплинированной администрации»²³⁵.

На ситуации в Ливане сказывались многие события, происходившие тогда вне Ливана (Кэмп-дэвидские соглашения 1979 г. Египта с Израилем, война 1980–1988 гг. Ирака с Ираном, сближения и расхождения Ирака и Сирии). В результате менялись позиции ливанских партий и организаций, связанных с той или иной арабской страной, например ливанских филиалов сирийской и иракской партий Баас, связанного с Ираном шиитского движения «Амаль» и проливийских формирований. По мере усиления ударов Израиля по шиитам на юге Ливана стали портиться их отношения с ПДС: шииты сочли, что они «платят слишком большую цену» за содействие палестинцам. В результате в апреле 1982 г. начались столкновения ПДС (при поддержке НПС) с отрядами «Амаль» на юге Ливана и в Бейруте. В ходе непрерывных боев, столкновений, смен ориентаций

и спонсоров участники событий раскалывались, перегруппировывались, множились.

Только в западном (мусульманском) Бейруте уже к концу 70-х годов насчитывалось до 30 различных боевых группировок. В их число входили, помимо ПСП Джумבלата и НССП, также левые партии — ЛКП и примыкавшая к ней Организация коммунистического действия (ОКД) ливанские филиалы партий Баас в Сирии и Ираке, поддерживавшее Насера движение «Мурабитун» во главе с Ибрахимом Колейлатом, Союз сил трудового народа во главе с Камалем Шатилой, Арабский социалистический союз Камала Юниса, Движение обездоленных, «слабо определившегося в своей политической зрелости», по мнению корреспондента ТАСС Л. Л. Вольнова. В отличие от него ПСП изобразила на своем знамени кирку, серп и перо, что символизировало «союз трудящихся масс города и деревни с интеллигенцией». Тем самым партия лишний раз подтверждала свое стремление выйти за рамки конфессии друзов и решать с демократических позиций общеливанские проблемы. ЛКП, оформившаяся в самостоятельную партию в 1944 г., также была нацелена на решение вопросов, волнующих всех ливанцев, и, естественно, стояла вне рамок той или иной конфессии или этнической общины, объединяя в своих рядах мусульман и христиан, шиитов и маронитов, суннитов и друзов, армян и арабов (по некоторым данным, к 1980 г. среди членов ЛКП было около 50% шиитов, примерно 15% суннитов, до 30% христиан. Партия издавала в 1980 г. ежедневную газету «Ан-Нида» (Призыв) и еженедельник «Аш-Шааб» (Народ). Близкая к ней ОКД, руководимая Мухсином Ибрагимом, вела активную работу среди рабочих и интеллигенции, издавала еженедельник «Аль-Хуррия» (Свобода) и создала боевые отряды, действовавшие помимо Бейрута также в Сайде, Триполи и долине Бекаа. В то же время обилие вооруженных организаций разной ориентации (а часто — вообще без какой-либо политической окраски) объективно вредило целям освободительной борьбы, разъединяя и нередко дезориентируя ее участников.

Среди них были «дисциплинированные политические организации», но «значительную долю составляли также уличные банды молодежи — наследники традиций кабадая в их наиболее анархиче-

ской форме». Сирия, Ирак, Ливия, даже Иран и Саудовская Аравия «прямо или косвенно финансировали и снабжали» эти группировки, причем некоторые страны, «в частности Сирия и Ливия, поддерживали более чем одну такую милицию». Но были и группы, получавшие поддержку из разных источников. Часть из них «финансировалась богатыми ливанцами, защищая их бизнес и собственность, но многие были также связаны с рэкетом и контрабандой»²³⁷.

Внешние влияния, политические противоречия, религиозная вражда, давние традиции недоверия между разными общинами осложнялись также амбициями различных лидеров общин и конфессий. Рашид Караме и клан Саламов претендовали на руководство всеми суннитами, Набих Берри и Муса Садр — всеми шиитами. Башир Жмайель (в острой конкуренции с кланами Эдде и Франжье) сумел подчинить себе большинство христиан Ливана (так же, как Камаль Джумблат, пытался возглавить не только друзов, но и всех мусульман страны). К началу 80-х гг. Башир Жмайель преуспел как в Ливане, так и за его пределами. Стремясь стать президентом Ливана, он выдвинул программу вывода из страны войск Сирии, «реорганизации» (на деле — разрыва) связей и ПДС, восстановления «авторитета армии» (в которой высшие посты занимали марониты). Им были установлены контакты с правителями главных арабских государств, но также с Израилем и США. В августе 1981 г. он совершил поездку в США, после чего госдепартамент США официально предрекал ему «великую роль в будущем». Вскоре стало известно, что Жмайель — платный агент ЦРУ США с 1973 г. Вполне деловой контакт был установлен им и с Израилем (в частности, он принимал у себя дома в январе 1982 г. министра обороны Израиля генерала Шарона). При этом Б. Жмайель преодолевал сопротивление как лидеров мусульман, так и христиан (Эдде, Франжье, Шамуна).

В подобных обстоятельствах и США, и Израиль кандидатуру Башира Жмейеля на пост президента Ливана, предстоявших в 1982 г. выборах, естественно, считали предпочтительной. Но эта кандидатура весьма жестко оспаривалась не только НПС—ПДС, но и всеми мусульманами и даже многими христианами страны. Иными словами, либо поддержка извне, либо какое-то важное событие

могло помочь Б. Жмайелю реализовать свои амбиции. Таким событием явилось убийство в Египте 6 октября 1981 г. президента Анвара Садата, которое, как тогда казалось, ставило под угрозу и выполнение жизненно важных для Израиля Кэмп-дэвидских соглашений, и с трудом обретенное американцами с помощью «челночной дипломатии» госсекретаря США Г. Киссинджера доминирование в Египте. Судя по всему, задуманная израильянами еще в июле 1981 г. широкомасштабная операция должна была выполнить в новой обстановке сразу несколько задач: 1) предупредить руководство Египта о необходимости соблюдать заключенные Садатом соглашения; 2) нанести самый тяжелый, возможно решающий, удар по ПДС (Израиль обосновывал это стремлением ответить на попытки ПДС 8 раз проникнуть на территорию Израиля с моря и 262 нападениями с суши в течение 1980 г.); 3) самым решительным образом поддержать Башира Жмайеля и его программу фактической нейтрализации Ливана и вывода его из общеарабского фронта подобно Египту после Кэмп-Дэвида. Последний пункт доказывается и упомянутыми выше встречами Жмайеля с руководителями США и Израиля, и заявлением госсекретаря США А. Хейга 25 мая 1982 г. (после его беседы с Ариэлем Шароном) о том, что «настало время решения вопроса о Ливане».

С весны 1981 г. начались столкновения Межарабских сил сдерживания (МСС), в основном сирийских по составу, с правохристианами «Катаиб», пославшими 2,5 тыс. боевиков для блокады города Захле, в котором уже расположились 2 тыс. боевиков «Катаиб». Их целью было перерезать автостраду Бейрут — Дамаск. В апреле 1981 г. МСС ликвидировали эту угрозу. Тогда начали действовать войска Израиля. Поводом для этого явилось покушение на убийство посла Израиля в Лондоне террористом из «Революционного Совета Фатха», раскольнической организации диссидентов из ПДС, возглавлявшихся Абу Нидалем, одним из давних соперников Арафата. Но это был лишь предлог.

Авианалеты Израиля на Ливан не прекращались с июля 1981 г. Особенно жесток был налет на Бейрут, когда погибло до 300 мирных жителей. Однако в 1982 г. потери Ливана возросли не менее чем до 12—15 тыс. убитых, 40 тыс. раненых и более 300 тыс. ли-

павшихся крова над головой²³⁸. Столь большие цифры потерь объяснялись предпринятой Израилем 6 июня 1982 г. широкомасштабной операцией «Мир Галилее», в ходе которой израильская армия дошла 13 июня до Бейрута (встречая, разумеется, сопротивление лишь НПС–ПДС) и осадила его. Город, в основном его западная (мусульманская) часть, был блокирован, лишен воды и электричества, подвергаясь почти 3 месяца ожесточенным бомбардировкам, в ходе которых погибли около 18 тыс. и были ранены не менее 30 тыс. преимущественно гражданских лиц. По другим данным, только убитых в результате операции «Мир Галилее» насчитывалось более 25 тыс. чел.²³⁹

В Ливан вторглись 90 тыс. солдат Израиля при поддержке танков, авиации и ВМС. Оккупация почти половины Ливана сказалась на политической ситуации в стране.

В этой обстановке подготавливались и проходили выборы нового президента Ливана. К моменту выборов (23 августа) израильтяне вытеснили НПС–ПДС из Южного Ливана, вынудили отступить сирийцев на север долины Бекаа и, самое главное, добились ухода ПДС из Бейрута. «В подобных условиях, — пишет М. Джонсон, — был лишь единственный кандидат в президенты, а именно Башир Жмайель, 34-летний командир объединенных милиций правых». Младший сын основателя «Катаиб» Пьера Жмайеля, Башир был наиболее энергичным и решительным лидером нравохристианского лагеря, твердым и непримиримым защитником интересов маронитской элиты, последовательным сторонником ориентации на Запад и противником арабского национализма. Сирийцы пытались помешать его избранию, но никак не могли повлиять на ход выборов в окруженном войсками Израиля Бейруте. Вопреки бойкоту депутатов и всей общины суннитов Жмайель был избран, что было совершенно неприемлемо для ПДС–НПС, всех левых сил и, в сущности, для большинства мусульман Ливана. Поэтому они объявили парламент «непредставительным», а Жмайеля — «своим самым главным врагом». Тем не менее вскоре выяснилось, что руководитель организации «Амаль» Набих Берри (адвокат, ставший наиболее влиятельным лидером шиитов) и Валид Джумблат (сын и наследник Камала Джумבלата, вождь друзов и ПСП) готовы, несмотря на вра-

жду с Баширом Жмайелем, вступить с ним «в косвенный контакт» через посредников²⁴⁰.

Однако этот сговор не состоялся, так как 14 сентября Башир Жмайель погиб от взрыва бомбы в «хорошо охранявшемся штабе его партии». Причины его убийства назывались разные — от интриг агентов Израиля, не желавшего будто бы иметь в Ливане «сильного» президента, до стремления сирийцев (или их сторонников) убрать опасного противника их политики. При этом почему-то забывают, что против Башира были настроены очень многие ливанцы — христиане правых убеждений, в частности сторонники Сулеймана Франжье, сына которого Тони убили по приказу Башира, и многие последователи Шамуна, силой подчиненные Баширом в 1980 г. Кроме того, врагами Башира, как и всего его клана, были **практически все мусульмане** Ливана. Сразу после его убийства армия Израиля заняла Западный Бейрут, арестовав тысячи ливанцев и палестинцев. На следующий день началась резня в лагере беженцев Шатила и бейрутском квартале Сабра, стойвшая жизни 800 (по данным Уильяма Харриса) или же (по сведениям М. Джонсона) 2 тыс. чел., включая женщин и детей. В ее организации потом обвиняли командовавшего израильскими войсками Ариэля Шарона, допустившего правохристианских боевиков в районы, населенные палестинцами и шиитами и лишенные защиты, ибо бойцы НПС—ПДС покинули их за неделю до резни. Премьер Ливана Шафик аль-Ваззан призвал международные силы миротворцев защитить население, брошенное на произвол судьбы²⁴¹.

21 сентября 1982 г. в Ливан были введены войска США, Англии, Франции и Италии (1600 «маринов», т.е. морских пехотинцев США, более 2 тыс. итальянцев, около 2 тыс. французов и более 100 англичан). Вместо Башира президентом был избран его старший брат Амин Жмайель, тоже член политбюро «Катаиб». Он был более «преисполнен доброй воли», но оставался, как и весь его клан, «пленником правого крыла фалангистов» и на все важные должности старался назначать именно их. 17 мая 1983 г. завершились начавшиеся в декабре 1982 г. ливано-израильские переговоры. Ливан фактически удовлетворил все требования Израиля, включая согласие на изгнание ПДС с его территории. 24 июня 1983 г. (по другим

данным — уже 1 сентября 1982 г., что менее вероятно) Арафат и его сторонники вынуждены были покинуть Ливан, переехав на Кипр, а затем в Тунис. Верные им отряды (в общей сложности 8445 бойцов) были рассеяны от Йемена и Ирака до Судана и Алжира. В Ливане остались лишь просирийские подразделения ПДС.

Но постепенно выяснилось, что без помощи Израиля «Катаиб» не может навязать НПС свою волю. А Израиль, добившись нейтрализации ПДС и считая свою главную задачу выполненной, стал отводить свои войска на юг Ливана, не желая далее нести потери, участвуя в ливанском хаосе. Воспользовавшись этим, друзья Валида Джумבלата, восстановив связь с сирийцами в долине Бекаа и отрядами шиитов южного Бейрута, вытеснили фалангистов из области Шуф. Помимо всего прочего, друзья были возмущены публикацией «христианскими интеллектуалами» священных текстов друзов, которые были секретными с X в. Друзы сочли это «покушением на их достоинство» и «самобытность». Отвоевывая у «Катаиб» свою давнюю твердыню, друзья отбили у них город Алайх в начале 1983 г. и, продолжив успешное наступление, выиграли так называемую «Горную войну», в которой погибли 1500 христиан и 40 друзов, 111 селений были разрушены, 100 тыс. христиан бежали. Амин Жмайель пытался их остановить с помощью реорганизованной 140 инструкторами из США ливанской армии, но она не двинулась дальше Сук аль-Гарба, христианского в основном города Шуфа (в боях за Сук аль-Гарб отличился знаменитый впоследствии полковник-христианин Мишель Аун, пленивший одного сирийца и 2 боевиков НФОП, которых потом допрашивали американские офицеры, «помагавшие» Ауну)²⁴¹. США опасались падения Сук аль-Гарба, а за ним — и режима Жмайеля. Поэтому их флот атаковал позиции друзов в сентябре 1983 г. с моря, вмешавшись тем самым в «ливанский хаос». Вскоре последовало возмездие. Еще 18 апреля 1983 г. сунниты взорвали посольство США в Бейруте (погибло при этом 60 чел.). А в конце октября 1983 г. шииты-смертники взорвали базы оккупационных войск США и Франции в Ливане (погибли 241 американец и 88 французов). Вскоре после этого войска западных держав были выведены из Ливана, ибо «миротворчество» их миссии вызывало

слишком много вопросов. Военные корабли США, покидая Ливан, в отместку обстреливали его побережье²⁴².

Отход израильтян на юг и эвакуация войск западных держав создали новую обстановку в стране. Армии Ливана ни с помощью США, ни при поддержке «Ливанских сил» Самира Джааджи не удалось овладеть массивом Шуф. Ничего не дал и нажим США на Сирию, поддерживавшую ливанских патриотов. Сложившееся к концу 1983 г. новое соотношение сил дало возможность отказаться и от кабального соглашения от 17 мая 1983 г., и от услуг западных «мироворцев». «Чем скорее они уйдут, тем будет лучше», — сказал министр иностранных дел Сирии Абд аль-Халим Хаддам. Не имея сил ликвидировать созданную израильтянами на юге «зону безопасности» под контролем марионеток Саада Хаддада (с 1984 г. — Антуна Лахада), патриоты старались ликвидировать все прочие пункты соглашения от 17 мая 1983 г., фактически устанавливавшего протекторат Израиля над Ливаном. Ими был создан Фронт национального спасения (ФНС), в который вошли ПСП Джумבלата, ЛКП и ряд других левых партий страны, а также патриотически настроенные известные деятели: экс-премьер Караме, Валид Джумблат, бывший президент Франжье. Главной целью ФНС был срыв соглашения от 17 мая и ликвидация политической гегемонии «Катаиб». Естественно, цели ФНС одобрили «Амаль» и Сирия. В последующих боях за Шуф правым не удалось преодолеть сопротивление друзей ПСП и шиитов «Амаль»²⁴³.

25 сентября 1983 г. все сражавшиеся в Ливане силы подписали новое соглашение о прекращении боев. При посредничестве Сирии и Саудовской Аравии стороны договорились о созыве конференции по национальному диалогу и о признании ПСП и «Амаль» участниками конфликта наряду с правыми и ливанской армией. После этого влияние Сирии и ФНС на дальнейший ход событий увеличилось ввиду краха всех попыток США заставить Сирию отказаться от помощи ФНС, а также ввиду отхода на юг войск Израиля, предпочитавшего после ухода ПДС из Бейрута наблюдать за ливанскими событиями со стороны²⁴⁴. К тому же израильтяне все время были объектом покушений со стороны ливанских и сирийских самоубийц — шахидов²⁴⁵.

Однако интервенты не хотели признать свое поражение. Президент США Р. Рейган заявил об отказе вывести из Бейрута прославившихся своей «крутостью» морских пехотинцев («маринов»). ВВС Израиля и Франции продолжали бомбить горные районы Ливана и зону Баальбека. 4 декабря 1983 г. корабельная авиация США атаковала сирийские позиции в горах Ливана. Это было попыткой сорвать мирное соглашение, заключенное на конференции 31 октября — 4 ноября 1983 г. в Женеве с участием президента Амина Жмайеля, лидера суннитов Рашида Караме, вождя шиитов Набиха Берри, руководителя ПСП и друзей Валида Джумבלата, экс-президента Сулеймана Франжье, лидеров правых христиан Пьера Жмайеля и Камиля Шамуна, министра иностранных дел Сирии Абд аль-Халима Хаддама и делегата Саудовской Аравии. Конференция дезавуировала ливано-израильское соглашение от 17 мая 1983 г. Но борьба продолжалась, причем довольно успешно для ПСП, «Амаль» и примкнувших к ним патриотически настроенных военнослужащих (в основном солдат-шиитов 6-й бригады) ливанской армии. Вскоре они установили контроль над западным Бейрутом, вынудив американских «маринов» покинуть город и погрузиться на крейсировавшие у побережья Ливана корабли 6-го флота США. К этому времени (к январю 1984 г.) отряды друзов и шиитов заняли также ряд районов Шорного Ливана и часть побережья южнее Бейрута.

Изменение военной обстановки содействовало и политическим переменам. В феврале 1984 г. Амин Жмайель впервые посетил Дамаск, признав тем самым важную роль Сирии в ливанских событиях. Соглашение с Израилем от 17 мая 1983 г. было официально аннулировано ливанской стороной 5 марта 1984 г. Это повлекло за собой окончательный вывод всех войск западных держав из Ливана, хотя Израиль сохранил некоторые позиции на юге страны, где его войска прикрывали наспех сформированную правохристианами маррионеточную «армию». Возобновившая свою работу 12 марта 1984 г. в Лозанне конференция по национальному диалогу утвердила меры по прекращению огня в стране и выработке новой конституции Ливана, которой давно требовали мусульмане. В ходе апрельского визита в Дамаск в 1984 г. Амина Жмайеля был согласован план реформ политической системы страны, который, не лик-

видируя принцип конфессионализма, все же предусматривал равноправие христиан и мусульман²⁴⁶.

Итогом переговоров между разными сторонами ливанского конфликта (включая Сирию) явилось образование в мае 1984 г. «правительства национального единства» во главе с Рашидом Караме. В нем были представлены все стороны — лидер шиитов Набих Берри, вождь друзов Валид Джумблат, руководитель «Катаиб» Пьер Жмайель, глава христиан-либералов Камиль Шамун. Вскоре, однако, позиции правохристианского блока были ослаблены вследствие кончины в августе 1984 г. основателя, идеолога и бессменного лидера «Катаиб» Пьера Жмайеля.

Среди актива «Катаиб» давно зрели разногласия по поводу отношения к Сирии и ее войскам на территории Ливана. В марте 1984 г. имел место даже мятеж части боевиков «Катаиб» против Амина Жмайеля, которого мятежники сочли (в общем-то несправедливо) «во многом креатурой сирийцев». На самом деле он лишь прилагал усилия к умиротворению страны самыми разными средствами²⁴⁷. Тем не менее его авторитет был подорван именно в его общине, среди маронитов. У лидера шиитов Берри также возникли проблемы, связанные с появлением в 1979 г. базирующейся в Бальбеке новой организации шиитов-фундаменталистов «Хизб Аллаха» (Партия Аллаха). Особенно активно «Хизб Аллаха» повела себя начиная с 1981 г., когда ее действия стал направлять Али Акбар Мохташеми, один из лидеров радикальных исламистов Ирана, бывший тогда послом в Сирии. Во главе партии встал совет из 3 человек. Но ее бесспорным лидером был Мохаммед Хусейн Фадлалах, ливанец, «долго учившийся в шиитской святыне Неджефа в Ираке». У партии с самого начала оформилось мощное военное крыло²⁴⁸.

Ориентируясь на Иран, откуда эта партия получала постоянную материальную помощь, оружие и кадровую поддержку, «Хизб Аллаха» с самого начала стала проводить сугубо проиранскую политику и проповедовать идеологию иранской Исламской революции 1978–1979 гг., а именно — призывать к равенству всех мусульман, ликвидации пропасти между богатыми и бедными, отказу от привилегий в пользу неимущих, единоверцев и т.п. «Хизб Аллаха» ус-

пешно выигрывала (первое время — молча, в скрытой форме) конкуренцию с «Амаль», выдвигая больше самоубийц-шахидов, привлекая больше добровольцев (за счет финансирования из Ирана), используя престиж Хомейни и даже провозглашая (например, в Бальбеке) «исламскую республику» по иранскому образцу²⁴⁹.

Стоит отметить, что именно в это время «Амаль» начала отходить от союза с НПС и жестоко преследовать (особенно с конца 1986 г.) находящихся в Ливане палестинцев, ранее — бывших союзников шиитов. «Война “Амаль” против палестинцев в Ливане служит планам США и Израиля», — отмечал Бюллетень ДФОП в ноябре 1986 г. ДФОП сообщал, что только в лагере беженцев Рашидий на юге Ливана боевиками «Амаль» за 60 дней блокады были убиты 160 и ранены более 600 палестинцев. В интервью Радио Монте-Карло генсек ДФОП Хаватма указал, что события вокруг Рашидии — это «третья после мая-июня 1985 г. и июня 1986 г. война “Амаль” против палестинских лагерей в Ливане». Он подчеркнул, что палестинцы помогают НПС Ливана «в Бейруте, в горных районах, в городах Сидон и Набатийя». Хаватма также заявил, что все патриотические силы Ливана «должны объединиться для решения ливанской проблемы» и что этой теме были посвящены встречи представителей различных политических сил Ливана, в том числе компартии, НПС и ПДС, «в Праге, Алжире, Берлине и Тунисе», что дает представление о широком международном отклике на события в Ливане. Хаватма и его заместитель Ясир Абд Раббу тогда же встречались с вице-президентом Сирии Абд аль-Халимом Хаддамом в Дамаске, а также обсуждали события в Ливане с представителями МИД и ЦК КПСС в Москве. Характерно, что и в Москве, и в Алжире, где Хаватма за неделю до этого встречался с президентом Шадли Бен Джадидом и главой правящей партии Мухаммадом Шарифом Месаадией, речь шла не только о «войне против лагерей» в Ливане, но и о восстановлении единства ПДС «как о принципиальном условии борьбы с империалистами».

Однако дело было не столько в персональных и тактических разногласиях, сколько в отсутствии общей стратегии арабских стран и в ливанском, и в палестинском вопросах. Кроме того, это было связано с общей переориентацией шиитов на Сирию и раско-

лом палестинцев на противников и сторонников Арафата. Первые (в основном активисты и вообще приверженцы «Ас-Саики», организации Джибриля и некоторых подразделений АОП), будучи связаны с Сирией, выступали за единство действий с Дамаском, а вторые — за самостоятельную линию поведения, в частности за продолжение сотрудничества с НПС. Однако НПС тоже слабели ввиду накопившихся внутренних разногласий. Начавшиеся в конце 1983 г. бои между просирийскими отрядами ПДС и теми, кто остался верен Арафату, кончились победой первых ввиду их явного военного преимущества (вследствие помощи со стороны Сирии). Кроме того, бои шли на севере Ливана, куда ПДС было вытеснено еще летом 1982 г. израильянами, а затем над этим регионом установили контроль сирийцы. Доминировавшие здесь ранее ливанские сунниты даже в своем главном оплоте Триполи не смогли помочь Арафату, так как их в свое время сильнейшие в Бейруте военные формирования («Мурабитун») были в 1982–1983 гг. разоружены частично израильянами, а после их ухода — еще и реорганизованной ливанской армией. В результате ранее контролировавшиеся суннитами районы западного Бейрута перешли под контроль друзов (ПСП) и шиитов («Амаль»), которые также разоружали суннитов, вернее то, что «осталось от когда-то самой сильной милиции суннитского Бейрута»²⁵⁰.

Таким образом, не всегда удельный вес той или иной общины среди населения страны адекватно отражался в ее политической роли. И хотя к весне 1984 г. сунниты были второй по численности общиной Ливана (26% жителей, по другим данным — 21%, т.е. были на 3-м месте после шиитов и маронитов), они уже не занимали тех позиций, которыми располагали раньше²⁵¹. Практически лишившись собственных вооруженных сил, они вынуждены были к 1985 г. считаться с более мощными конкурентами, в распоряжении которых находились целые «конфессиональные армии»: у ПСП — 5 тыс. бойцов в горном анклав Шуф (практически автономном), у «Амаль» — 10 тыс. бойцов на юге Ливана и в западном Бейруте, у фалангистов «Катаиб» — до 15 тыс. бойцов в восточном Бейруте и горных районах Матн и Кесраван. Точная численность отрядов «Хизб Аллаха», занявших в 1982 г. долину Бекаа, была равна 2 тыс.

бойцов. Но потом партия быстро усилилась, что очень ценили в Иране, радуясь взаимопониманию с единомышленниками Ливана, особенно после неудачи «экспорта исламской революции» в Ирак, где «национализм шиитской общины пересилил солидарность единовременцев»²⁵².

На рубеже 1984–1985 гг. произошел, судя по всему, перелом в ходе гражданской войны в Ливане. Население смертельно устало от нее, тем более что война во многом стимулировалась извне. Но самим ливанцам уже хотелось с ней покончить. На конференциях в Женеве (ноябрь 1983 г.) и Лозанне (апрель 1984 г.) были сделаны первые шаги к компромиссу: христиане предложили превратить Ливан в федерацию, шииты («Амаль») — покончить с конфессио-нализмом. Соглашения достичь не удалось, но к нему приблизились, так как обе стороны не хотели самоуничтожения родины. Только за первые 9 лет войны (1975–1984) были убиты 168 тыс. и ранены 760 тыс. чел. (в общей сложности — около трети населения 3-миллионного Ливана, не считая 250 тыс. палестинцев). Примерно 500 тыс. ливанцев, включая 185 тыс. лиц, занятых на производстве (20% их общей численности в 650 тыс. чел.), покинули страну. Три города и около 100 деревень были стерты с лица земли. За эти же годы были уничтожены 750 заводов и мастерских, 123 отеля, 87 тыс. жилых домов. Стране был нанесен ущерб в 80 млрд ливанских фунтов (примерно 27 млн долл.), а доля безработных в этой когда-то «арабской Швейцарии» возросла до 35%. Внутренняя миграция охватила 808 тыс. чел., т.е. 1/4 населения страны. Многие безработные покидали родину. Но большинство их либо переходили на содержание родственников (особенно в деревнях), либо вынуждены были вступать в отряды 124 разных политических и религиозных организаций, где им платили 900–1000 ливанских фунтов в месяц (при средней зарплате в стране 1450 фунтов). Президент и правительство к этому времени контролировали не более 10% территории Ливана²⁵³.

Размножившиеся в ходе войны группировки были обычно связаны идеологически, политически и в финансовом отношении с той или иной общиной, но также — с Ираком, Египтом, Ливией, Сирией и Ираном. Поддерживая вначале «Амаль», Иран затем переключо-

чился на «Хизб Аллах», влияние которой стало расти с середины 80-х гг. В. П. Панкратьев пишет, что она «начала силой оружия утверждать свое место в структуре ливанского общества... Благодаря сдержанной позиции Сирии во время внутриливанского кризиса, ... активных дипломатических усилий в оказании содействия Ливану в поисках выхода из политико-конфессионального тупика, в прекращении военных столкновений между шиитами на юге Ливана Дамаску удалось добиться признания Тегераном ведущей роли Сирии в решении внутриливанских проблем».

На ход событий большое влияние оказали перемены в социо-конфессиональной структуре Ливана. Если в 1932 г. на 48% мусульман приходилось 52% христиан, то в 1984 г. уже 57,3% мусульман противостояли 42,7% христиан. Особенно выросла численность шиитов (со 154 208 до 1 100 000 чел., т.е. с 19,6 до 30,8%), а также суннитов (со 175 925 до 750 тыс. чел.) и маронитов (с 226 378 до 900 тыс.). Они составили соответственно к 1984 г. 31, 21 и 25% населения. Это не могло не сказаться на политической ситуации в стране, в частности на поведении шиитов, на усилении национализма в их рядах (отсюда — вражда к ПДС) и на росте влияния Ирана, который, ориентируясь прежде всего на «Хизб Аллах», не терял из виду и «Амаль», в основном сделавшей ставку на Сирию.

Но наряду с традиционными, давно укоренившимися в ливанскую жизнь группировками война породила и множество «теневых» организаций с неясной ориентацией и неизвестными источниками финансирования. Среди них были и сателлиты (чаще всего замаскированные) известных крупных формирований, делавшие зачастую за них не всегда безупречную в юридическом или нравственном отношении работу, и просто стихийно возникшие в хаосе уличного насилия полукриминальные ватаги авантюристов, не имевшие ни идеологии, ни какой-либо политической программы. Уильям Харрис объяснял это тем, что мусульманская и христианская элиты Ливана, «образовав в 30-е гг. сплоченный высший класс», четыре десятилетия успешно сопротивлявшийся давлению извне, все же «не выработали у себя социальной ответственности перед ливанским населением, что и предопределило их склонность к разрушительной фракционности в кризисные моменты»²⁵⁴.

Вместе с тем не стоит забывать, что все вышеперечисленные явления — прямое следствие политизации религиозного конфликта в Ливане, обусловленной как его историческими и этнодемографическими особенностями, так и чрезвычайно замедленными темпами изживания полуфеодальных и патриархально-клановых связей, представлений и предрассудков. В сочетании с многообразной ролью внешнего фактора в жизни Ливана и его этноконфессиональной разнородностью огромное значение приобрела социальная маргинализация ливанцев, сопоставимая лишь с таковой палестинцев. Естественно, рост обездоленности и отчаяния сопровождался усилением религиозной нетерпимости и фанатизма, чувства привязанности к своей общине, секте, конфессии²⁵⁵. Это использовала элита всех конфессий, которая проиграла от снижения вдвое ВВП в 1975–1985 гг., от перемещения 20 ливанских банков в Европу. Порожденные этими настроениями страсти в некоторой мере сдерживались сирийской армией, с 1976 г. игравшей в Ливане роль контролера и арбитра, официально после 1982 г. — под флагом межарабских «сил разъединения».

В начале 1984 г. Берри и Джумблат настояли на отставке главного командира армии Ливана Ибрахима Таннуса. Его сменил генерал Мишель Аун, никому неизвестный тогда еще командир бригады. Впоследствии он сыграл заметную роль в политической борьбе в Ливане, особенно в отстаивании позиций маронитов и вообще христиан. Сами эти позиции были весьма разнообразны: кто-то еще надеялся на Францию, другие полагались на Египет Анвара Садата, а президент Амин Жмайель высказался так: «Я выбрал значительного союзника, у которого нет территориальных претензий к моей стране. Это — Соединенные Штаты, которые могут обезопасить меня от некоторых израильских и сирийских амбиций». Подобные настроения все более овладевали маронитской элитой по мере выявления беззащитности Ливана перед лицом армии Израиля, усиления влияния Сирии в стране и ослабления влияния Франции, уделявшей гораздо больше внимания отношениям с Израилем и ПДС, нежели с Ливаном²⁵⁶.

Ход событий в целом не устраивал правохристианский лагерь. Поэтому его наиболее экстремистские элементы во главе с Самиром

Джааджей подняли 12 марта 1985 г. мятеж в «Ливанских силах» — ударной группировке правохристианского блока, выдвинув лозунг «независимости христианского решения». Им удалось взять под контроль многие районы христианской зоны страны и основную часть отрядов правых христиан. Но вскоре они потерпели неудачу в попытке оттеснить НПС и захватить палестинские лагеря в районе Сайды и севернее ее. Их поражение привело к смещению Джааджи и замене его на посту председателя исполкома «Ливанских сил» в мае 1985 г. Эли Хобейкой, выступившим за компромисс с НПС и Дамаском. Это стало возможным после кончины в августе 1984 г. лидера (и основателя) «Катаиб» Пьера Жмайеля и переговоров Амина Жмайеля в Дамаске²⁵⁷.

И хотя конец 1984 г. и начало 1985 г. были отмечены рядом вооруженных инцидентов в стане НПС, особенно с участием «Амаль» и палестинцев, все же стороны постепенно стали нащупывать путь к хотя бы ограниченному соглашению с целью прекращения боев. В какой-то мере этому способствовало выдвижение на первый план общины шиитов, рост среди них фундаменталистских настроений и их сближение с друзьями и сирийцами, совместно с которыми они отодвинули на второй план палестинцев. Это вызвало опасения других группировок внутри НПС, особенно после разгрома отрядами «Амаль» в апреле 1985 г. ранее ослабленных еще в марте 1984 г. бойцов-суннитов из организации «Аль-Мурабитун». «Их штабы, радиостанция и другие учреждения были разрушены, а бойцы — уничтожены или обращены в бегство», — сообщает М. Д. Джонсон. По его мнению, за 10 лет гражданской войны «стало невозможно говорить о левых или правых в Ливане, когда наиболее низменная форма коммунизма мотивировала действия подавляющего большинства бойцов и многих их лидеров»²⁵⁸.

И сунниты не явились исключением. Известно, что уже в конце 80-х гг. в палестинских лагерях Ливана осело немало боевиков-суннитов, в том числе из Алжира, Сирии, Египта, Саудовской Аравии, которые укрылись в Ливане от преследований на родине. Многие из них, как и выходцы из Йемена и Иордании, да и из самого Ливана, участвовали в военных действиях в Ираке, не прекращавшихся в 80–90-х гг. Их активно вербовали в свои ряды «Аль-Каида»

и другие организации салафитов («Фатах аль-Ислам», «Джунд аш-Шам» и т.п.). При их столкновениях с армией Ливана среди погибших боевиков обнаруживались сунниты из всех стран от Марокко до Филиппин. Они впоследствии немало содействовали формированию в Ливане военных структур суннитов-радикалов и «экспансии салафизма в Ливан»²⁵⁸.

Конечно, религиозные предубеждения и общинная солидарность сыграли значительную роль в затягивании гражданской войны в Ливане. Но они лишь маскировали политические и социальные противоречия, иногда осложнявшиеся противоречиями этническими, в частности когда речь шла о проживавших в Ливане палестинцах или сирийцах, тем более — об армянах, ассирийцах, греках, курдах, турках и др.²⁵⁹ Однако в целом этнические проблемы в Ливане не выступали на первый план. Самая крупная из неарабских общин Ливана — армянская — была самой стойкой в неприятии ассимиляции и в то же время весьма активной политически. Для нее были характерны прежде всего антитурецкая деятельность вместе с курдскими и некоторыми европейскими нелегалами, но также — просоветская (не всегда последовательная) ориентация и тесные связи с ПДС, доходившие до совместной с фидаями Фатха, НФОП и ДФОП борьбы против войск Израиля в годы гражданской войны²⁶⁰.

После ухода армии Израиля из Ливана к 1 июня 1985 г. боевые столкновения в стране не утихли, тем более что в мае 1985 г. в Ливан стали в массовом порядке возвращаться бойцы ПДС, покинувшие Бейрут в 1982 г. К концу 1986 г. их было уже 6 тыс. чел. (руководство ПДС осталось в Тунисе)²⁶¹. Соперничество разных сил в стране продолжалось: в сентябре сирийская армия «вместе со своими ливанскими и палестинскими союзниками осаждала кварталы Триполи, удерживаемые суннитскими фундаменталистами при поддержке сторонников Ясира Арафата». Дабы пресечь все подобные конфликты, Набих Берри от шиитов, Валид Джумблат от друзов и Эли Хобейка от христиан подписали в Дамаске 28 декабря 1985 г. трехстороннее соглашение. Однако Амин Жмайель отказался его утвердить, а среди христиан стычки между сторонниками и противниками этого соглашения привели к отставке и отъезду в Дамаск 15 января 1986 г. просирийски настроенного Эли Хобейки.

Через 2 недели 63 религиозных деятеля шиитов и суннитов опубликовали в Тегеране «исламскую конституцию Ливана». Бои продолжались, причем гибли не только их участники, но и международные посредники и наблюдатели. 3 апреля 1986 г. Франция отозвала своих наблюдателей из Бейрута, где за 2 года семеро из них были убиты. После некоторого затишья в октябре 1986 г. возобновились бои между шиитами и палестинцами в Бейруте и на юге Ливана. 27 января 1987 г. на совещании в верхах стран ислама в Кувейте возобновились встречи президентов Ливана и Сирии впервые после разрыва отношений между ними в январе 1986 г. В то же время Сирия, стремившаяся играть роль арбитра в Ливане, наращивала свое военное присутствие: в июле 1985 г. несколько сотен сирийских офицеров появились в западном Бейруте, который постоянно был объектом спора суннитов, шиитов и палестинцев; в сентябре того же года сирийские войска после упорных боев заняли город Захле в центре Ливана; в феврале 1987 г. более 7 тыс. солдат Сирии вступили в западный Бейрут²⁶².

С этого момента беспорядочный характер войны усилился. Стороны не только обвиняли друг друга, но и внезапно нападали, иногда даже на вчерашних союзников, прибегая к помощи внешних сил и к ранее не имевшим места методам борьбы, в частности к терроризму «бомбистов» и подрывников. Одной из причин этого было разочарование многих участников войны, главным образом христиан, в перспективе возврата к «добрым старым временам», а мусульман — вследствие отказа президента Жмайеля упразднить конфессионализм в политической жизни страны²⁶³.

Прямым следствием отхода израильской армии на юг явилось начавшееся еще в апреле 1985 г. вытеснение остатков «Ливанских сил» из горной области Шуф. Вместе с ними под напором друзов, суннитов и палестинцев область покинули почти все жители-христиане (главным образом греко-католики, всего 50 тыс. чел.). Они ушли либо в город Джиззин, контролировавшийся маронитами из «Армии Юга» Антуна Лахада, либо морем переправились в восточный (христианский) сектор Бейрута²⁶⁴. Менявшаяся (и неоднократно) в ходе военных действий обстановка приводила к перемещению огромных масс населения и к изменению этноконфессио-

нальной карты страны. В частности, по подсчетам фонда Харири, в 1988 г. в восточном регионе Бейрута проживали 827 183 чел., на 99,3% — христиане. В то время они составляли две трети всех христиан страны. При этом почти половина из них (более 40%) были пришельцами из других областей страны, но выступали за ее единство, централизацию и подчинение «законной» власти, против всякого регионализма и сепаратизма. Однако осуществить это было крайне трудно: вне восточного Бейрута проживали 26% христиан, почти все — в зоне контроля Сирии, 4% — на занятой Израилем территории, а 3% — в области Шуф и «освобожденных» НПС районах юга²⁶⁵.

Соотношение сил между общинами постоянно менялось. В 1978 г. основные общины мусульман (суннитов, шиитов, друзов) составляли около 50% населения, а христиан (маронитов и православных) — около 37%. В 1982 г. это соотношение уже равнялось 61:30. В то же время представительство христиан в парламенте продолжало больше чем на 15% превышать их долю в составе населения. Среди мусульман наблюдалась иная картина: их представительство было на 16% ниже, чем их доля среди жителей страны²⁶⁶. Не вызывали удивления поэтому результаты опросов студентов университетов: среди них 77% мусульман заявили о несоответствии политических институтов страны их социальным и культурным традициям. Впрочем, 58% христиан тоже были недовольны. Но их недовольство было вызвано не столько несовершенством государственных учреждений (как у мусульман), сколько опасениями за судьбу своей конфессии и ностальгией по былому (до начала гражданской войны в 1975 г.) неоспоримому господству христиан²⁶⁷.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть относительность различия стимулов поведения мусульман и христиан в годы войны и после нее. Известно, что в 1975–2001 гг. Ливан покинули примерно 900 тыс. жителей, среди которых 23,3% составляли марониты, 23,2% — православные, 22,2% — сунниты, 21% — шииты. Уехали и многие представители других общин. При этом побудительные мотивы у них были в целом схожи: стремление гарантировать свое будущее (у 35,6% мусульман и 42,3% христиан), опасения дальнейшей нестабильности обстановки (24,7 и 26% соответственно),

недовольство экономическим и политическим положением (20,5 и 14,4%). Разницу мотивов определял различный удельный вес общин и различия в их социальном и экономическом положении. Достаточно вспомнить, что в 1980 г. средний доход на семью в Ливане составлял 6247 фунтов, но у христиан он был значительно выше, в то время как у суннитов он был равен 5571 фунту, а у шиитов — 4532 фунта и только у друзов составлял 6180 фунтов. к 1982 г. мусульман было в Ливане 61%, а христиан — около 30% (по другим данным, 57,3 и 42,7%). Игнорирование христианами политиками этого обстоятельства оставалось важнейшей причиной затягивания политического кризиса и, казалось бы, бессмысленного продолжения войны²⁶⁸.

Попытки прекратить ее предпринимались неоднократно. Самая серьезная из них — в декабре 1985 г. (см. выше). Однако верхушка маронитов, не желавшая утратить свои привилегии, каждый раз срывала все подобные попытки, так как они предусматривали, как минимум, ограничение всевластия президента-маронита и равное представительство в парламенте христиан и мусульман. Но постепенно нараставшая угроза раздела, вернее, раскола («таксим») Ливана заставляла серьезно задуматься всех политических лидеров страны — от деятелей «поколения 1943 года», когда-то добившихся независимости Ливана, до молодых активистов, выдвинувшихся в ходе гражданской войны. «Даже лидеры доминировавших среди маронитов фалангистов, — писал в 2000 г. профессор Еврейского университета в Иерусалиме Орен Барак, — заигрывавшие с идеей стратегического альянса с Израилем и позже обращавшиеся за помощью к США, держали открытыми также каналы связей с мусульманским руководством страны, как и с Дамаском и другими арабскими столицами, и тщательно избегали любого шага, который бы означал отказ от долговременных уз их страны с арабской глупиной».

Конечно, политический хаос 70–80-х гг. в Ливане был вызван в первую очередь гражданской войной, вмешательством извне, экономическими неурядицами, порожденными прежде всего боевыми действиями на территории страны. Свою роль играло и нараставшее возмущение мусульман нежеланием властей ликвидировать их не-

равноправие, тем более — в условиях нараставшего численного преимущества мусульман. Но был еще один фактор: в 70–80-е гг. **не было единства и в общине маронитов**, т.е. главной и ведущей в политико-экономическом отношении христианской конфессии страны. Патриарх Антун Бутрос II Зорейша (1975–1976) был избран в обстановке соперничества многих фракций, выдвигавших своих кандидатов, и в результате компромисса, достигнутого под нажимом Ватикана. Но его попытки прекратить войну, помирив лидеров конфессий, ничего не дали. Съезд всех этих лидеров в резиденции православного епископа Бейрута в 1984 г. завершился безрезультатно. В 1985 г. Ватикан снова вмешался в ход выборов патриарха маронитов. И хотя избранный Насраллах Бутрос Сфейр (1986–2011) был весьма энергичен и стремился привлечь внимание мирового общественного мнения к бедственному положению Ливана (в 1987 г. по этому поводу он обращался ко многим религиозным авторитетам мира, включая патриарха Московского и всея Руси), политическое влияние Маронитской церкви неуклонно снижалось и она практически не оказывала воздействие на ход событий в стране²⁶⁹. Единство Ливана поэтому сохранилось благодаря усилиям других сил и учреждений.

Вожди всех общин, партий, конфессий и милиций, даже отстаивая свою самостоятельность, не хотели раскола страны. Не хотели этого и влиятельные внешние силы — ни соседняя Сирия, ни консервативная Саудовская Аравия, ни, тем более, Лига арабских государств. В ООН также все, от США до СССР, предпочитали иметь дело с единым Ливаном, что неоднократно подтверждалось резолюциями Совета Безопасности ООН. И на угнездившееся на юге страны марионеточное «государство свободного Ливана» майора Хаддада и в Ливане, и за его пределами смотрели поэтому косо. Помимо всего прочего, сохранению единства страны способствовал также рыночный характер ее экономики, открытой для связей с другими странами, которые носили долговременный характер и в то же время требовали сплочения деловых партнеров в самом Ливане независимо от их конфессиональной или этнической принадлежности²⁷⁰. Важную роль играла также Сирия: после 1987 г. 35 тыс. сирийских военных контролировали 60% территории Ливана.

Но осознание всего этого пришло не сразу. С фактического провала трехстороннего соглашения о мире в начале 1986 г. до завершения войны в 1989–1990 гг. прошло 3–4 года. Это было время наибольшего раздробления страны. Марониты, утратив собственное превосходство, отвергали, в свою очередь, превосходство какой-либо другой силы. Шииты выдвинулись на первый план, но не были политически сплочены*. Усилилась сектантская изоляция шиитов от суннитов и друзов, а также всех мусульман от всех христиан. Также возросли анархия и тенденции к автономии разных областей, контролируемых той или иной конфессией или вооруженной группировкой. Вследствие этого объективно укрепились роль Сирии как ведущей внешней силы в Ливане, чье «стабилизирующее влияние» было признано даже в США²⁷¹.

В то же время были в определенной мере подорваны вековые связи сирийцев с суннитами Ливана вследствие осады сирийской армией традиционного центра ливанских суннитов — Триполи — в 1983 г. и 1985 г., что стоило жизни 2 тыс. жителей города. К 1988 г. военно-политический хаос в стране привел к ослаблению авторитета государства, и «единственным элементом национальной целостности многие простые ливанцы стали считать армию и ее высшее командование», чем и воспользовался возглавивший его к этому времени и ранее упоминавшийся Мишель Аун, ставший генералом и проповедником, по выражению новозеландского историка Уильяма Харриса, «векового романтического национализма»²⁷².

1 июня 1987 г. при взрыве военного вертолета погиб премьер-министр Ливана Рашид Караме, десятилетиями бывший символом борьбы ливанцев за единство и национальное согласие. Он постоянно стремился к примирению разных сил, незадолго до своей гибели вел переговоры с одним из лидеров маронитов Дани Шамуном по поводу введения в Ливане независимости кабинета министров от президента. Вину за его убийство возлагали и на христиан восточного Бейрута, и на сирийцев, и на президента Жмайеля, но ни одна из этих версий не была доказана²⁷³.

* Поскольку в 80-е гг. началось соперничество «Амаль» и «Хизб Аллах», многие шииты колебались в выборе между ними, а некоторые из них, по данным Уильяма Харриса, даже старались «держаться подальше» от обеих этих организаций.

Продолжавшиеся столкновения, в том числе внутри общин (среди шиитов между «Амаль» и «Хизб Аллаха» в апреле–мае 1988 г., среди палестинцев — между сторонниками и противниками Арафата в июне–июле того же года), усиливая позиции Сирии, в целом ослабляли центральную власть Ливана. 23 сентября Амин Жмайель покинул, за истечением срока своих полномочий, пост президента, но преемника у него не было, так как мусульмане и христиане так и не смогли договориться о его кандидатуре. Вместо избранного президента у страны оказалось два правительства: одно во главе с Салимом аль-Хуссом продолжало функционировать в западном Бейруте, т.е. фактически опираясь на преобладавших там мусульман, другое же представляло собой военный совет восточного (т.е. преимущественно христианского) Бейрута во главе с главнокомандующим армии (с 1984 г.) генералом Мишелем Ауном, назначенным Амином Жмайелем в качестве «временно исполняющего обязанности главы законной власти».

В совет при Ауно вошли 3 офицера-христианина и 3 офицера-мусульманина. Создан совет был ввиду отказа мусульман войти в правительство, главой которого намечался маронит Пьер Хелу, что противоречило и конституции, и Национальному пакту 1943 г. Сам Жмайель, верные отряды которого (до 1 тыс. бойцов) были разоружены боевиками С. Джааджи, опасался за себя и свою семью. Поэтому в 1988 г. он на 12 лет эмигрировал из страны, ввергнув ее в конституционный кризис двоевластия, продлившегося до конца 1990 г. Возможно, это было сделано в надежде сохранить преобладание маронитов под маской военной диктатуры популярного в конце гражданской войны Ауна. И первое время казалось, что этот замысел реализуется.

Аун получил неожиданную поддержку от соперничавшего с Сирией Ирака и выдвинул лозунг: «Ливан слишком мал, чтобы его делить, но слишком велик, чтобы его проглотить». Поддерживаемый Сирией аль-Хусс руководствовался несколько иной формулой: «Объединить Ливан очень трудно, но разделить его невозможно»²⁷⁴. В свою очередь, он назначил «временным главой армии» бригадира Сами аль-Хатыба, не объявляя о смещении генерала Ауна. Тем самым страна оказалась без президента, но с двумя премьерами и

двумя главками армии. Кроме Ирака, ориентировавшегося только на Ауна, остальные арабские страны поддерживали контакты с обоими правительствами²⁷⁵.

В 1988–1989 гг. ситуация в Ливане привлекла особое внимание арабских стран, ранее отдававших приоритет палестинской проблеме. Чрезвычайная встреча глав арабских государств и правительств в Алжире в июне 1988 г. рассмотрела «опасную ситуацию, сохраняющуюся в Ливане», и выразила ему поддержку «в деле защиты его суверенитета, безопасности и территориальной целостности». В резолюции совещания прозвучал «настойчивый призыв к объединению всех усилий для достижения в Ливане национального примирения и для поддержки «всеми средствами противодействия ливанского народа оккупации».

Но это противодействие ослаблялось, помимо конкуренции разных общин, религиозных групп и этносов, также периодически вспыхивавшими в разных местах и по разным поводам «малыми войнами». Так, в Триполи Движение за исламское единство шейха Саида Шаабана, в основном суннитское, пользуясь помощью «братьев-мусульман», бежавших после их разгрома в Халебе и Хаме в 1982 г., несколько лет вело борьбу с армией Сирии, которой помогали ЛКП и НССП, а также милиция алавитов Али Ида. Борьба кончилась бомбардировкой Триполи в декабре 1986 г. и гибелью более 100 местных жителей. НССП и сторонники Франжье постоянно соперничали из-за региона Згорты. В мае 1985 г. «Амаль» сокрушила в Бейруте суннитов «Мурабитун». В ноябре 1985 г. «Амаль» и друзья из ПСП столкнулись из-за контроля над западом Бейрута. В январе 1986 г. прошла серия убийств лидеров ЛКП и проиракской фракции Баас. В январе–июне 1987 г. «Амаль» попыталась силой изгнать из Бейрута все прочие группировки. На юге Ливана «Амаль» и «Хизб Аллах» постоянно нападали на израильтян и расквартированных здесь миротворцев ООН. В Бейруте «Хизб Аллах» после «перестрелок с “Амаль” и левыми партиями» заняла южные кварталы столицы. Политическая подоплека всех этих конфликтов часто играла второстепенную роль, уступая материальным и территориальным претензиям, а также личным амбициям тех или

иных лидеров. Этого не избежали ни правые христиане, ни лагерь НПС–ПДС.

Генерал Аун, претендуя как маронит на пост президента, также развернул кампанию за «освобождение от иностранной оккупации» (имея в виду Сирию) и начал в марте 1989 г. военные действия против сирийской армии. Однако сирийцев победить ему было трудно. Кроме того, их немедленно поддержали партия Джумблата, «Амаль» и ряд других организаций, включая движение «Марада», объединявшее маронитов горного региона Згорты во главе с бывшим президентом С. Франжье²⁷⁶. Многие члены Лиги арабских государств, прежде всего Саудовская Аравия, стремились завершить конфликт в Ливане, начавший негативно сказываться не только на самом Ливане, но и на торговле, финансах и вообще экономическом положении прочих стран Арабского Востока. Кроме того, они опасались гегемонистских устремлений тогдашнего лидера Ирака Саддама Хусейна, только что завершившего 8-летнюю войну с Ираном и явно желавшего ввязаться в новую авантюру, в частности свести счеты с Сирией, единственным союзником Ирана в арабском мире, и с Хафезом аль-Асадом, конкурентом Саддама за лидерство в стане баасистов. Но большинство арабских правителей хотели избежать столь опасной дестабилизации арабского мира²⁷⁷. К тому же США в то время, по мнению Уильяма Харриса, решили, что Сирия — единственная сила, способная обуздать крайних радикалов и экстремистов всех мастей в Ливане, сыграв там роль «хорошего полицейского»²⁷⁸.

Постепенно желание найти выход из тупика стали испытывать самые разные фракции и группировки правящей элиты Ливана. Генерал Аун настаивал на своем статусе премьера, ссылаясь на декрет ушедшего в отставку Амина Жмайеля, но это «противоречило обычаю и требованиям конституции», предписывавшей иметь на посту премьера суннита, а не маронита, и не предусматривавшей совмещение им своего поста с должностью главкома армии. Что касается аль-Хусса, то он тоже не был легитимен, поскольку Жмайель, уходя, не подтвердил его назначение премьером. Но сил у Ауна отстранить аль-Хусса тоже не было: против Ауна, помимо мусульман и сторонников Франжье, выступало также влиятельнейшее объеди-

нение маронитов «Ливанские силы» (ЛС) во главе с Самиром Джааджей²⁷⁹.

Неизвестно, сколько бы еще длились боестолкновения, но экстренное «арабское совещание в верхах» в Касабланке в мае 1989 г. решило действительно положить им конец, образовав с этой целью трехстороннюю Высшую арабскую комиссию. В саудовском городе Таиф комиссией было созвано совещание большинства депутатов парламента Ливана. Длившееся три недели, оно завершилось 22 октября 1989 г. подписанием при посредничестве Лиги арабских государств, Саудовской Аравии и Сирии компромиссной Хартии национального согласия, которая, по мнению У. Харриса, была не столько «ливанским контрактом, сколько таковым между США и Сирией». С другой стороны, как отмечает Орен Барак, «Таифское соглашение, одобренное подавляющим большинством ливанского парламента, стало поворотным пунктом в гражданской войне и в политической истории Ливана». Это не было неофициальной договоренностью, подобной Национальному пакту 1943 г. или трехстороннему сговору руководителей вооруженных группировок 1985 г. Таифское соглашение провозглашало Ливан «отечеством всех его сынов», к тому же — «арабским по его принадлежности и идентичности» (что, как известно, оспаривалось некоторыми маронитами). Подчеркивалось, что любая «власть, выступающая против сосуществования общин», является незаконной, ибо источником ее легитимности является разделение властей между общинами.

Полномочия президента-маронита несколько сокращались в пользу премьера-суннита и, в меньшей степени, шиита — председателя парламента. Все декреты президента должны были отныне утверждаться премьером, а сам премьер не назначался, а лишь «выдвигался» президентом, т. е. тот предлагал его кандидатуру парламенту, в котором, в отличие от прошлых составов, 2 места получила община алавитов. Вводилось равное количество депутатов от мусульман и христиан (в отличие от прежнего их соотношения 5:6). Это было достигнуто путем увеличения мест депутатов в 1992 г. с 99 до 128. Предусматривались «особые отношения» между Ливаном и Сирией, которые должны были быть закреплены дополнительными соглашениями «во всех областях»²⁸⁰.

Таифское соглашение оценивали по-разному, в том числе как попытку учесть «демократическое преимущество мусульманского большинства и саудовское влияние», «узаконить де-факто сирийскую оккупацию Ливана» и в то же время «восстановить ливанский суверенитет на юге Ливана, оккупированном Израилем». Но все же прежде всего оно положило конец длительной гражданской войне, обескровившей Ливан (хотя боестолкновения в стране еще продолжались около года). Те трагические 16 лет уже многократно описывались и анализировались в литературе и прессе. Как представляется, наибольшего внимания из всей этой массы характеристик, комментариев и обобщений заслуживают таковые одного из лучших знатоков новой и новейшей истории Ливана Майкла Джонсона, многократно цитировавшегося выше.

Касаясь жестокостей и непримиримости сторон в гражданской войне, Джонсон видит их причины в истории Ливана, в бесчисленных столкновениях друзов и маронитов, суннитов и шиитов, христиан и мусульман, печальный опыт которых накапливался в народном сознании, доходя, например, у маронитов, до теорий об их особом «происхождении от финикийцев и средиземноморском или европейском характере их культуры». В независимом Ливане это привело к стремлению маронитов не сближаться с остальными конфессиями, а любой ценой сохранить свои привилегии, в частности пост президента и доминирование в сфере экономики²⁸¹. Сохранение традиций конфессионализма и иных патриархальных структур в Ливане Джонсон объясняет «незавершенностью буржуазной революции» в стране, где «инвестиции направляются в импорт-экспорт, банки и страхование, туризм и отели, недвижимость и спекуляции собственностью» при обычном отсутствии «инвестиций в промышленность и развитии экономики в форме капитализма услуг». А это, в свою очередь, способствовало сохранению структур «торгового общества, так и не замененного производственными отношениями индустриальной буржуазии и пролетариата». В подобных условиях «классовое самосознание не вытеснило приверженность доминировавшим ранее отношениям, определявшим и источники конкуренции в обществе, и общинный характер этой конкуренции». В основу политического представительства был заложен

«индивидуализм рядовых людей путем развития отношения патрон/клиент, использовавшим исходную преданность жителей семье, кварталу, деревне». Одной из задач этого порядка было укрепление «конфессиональной сплоченности в интересах буржуазии». Вместе с тем рост мусульманского населения привел к увеличению количества избирателей-мусульман, с интересами и настроениями которых вынуждены были считаться и депутаты от христиан, и в целом их общины. Это не могло не повлиять на дальнейшее развитие страны²⁸².

Джонсон прослеживает четыре этапа «этой незавершенной революции». Первый из них, начавшись при османах в середине XIX в., длился до 1913 г. и характеризовался доминированием среди христианской буржуазии греко-православных (что спорно), партнерами которых среди мусульман были сунниты. Второй этап связан с периодом французского мандата (1920–1945), к концу которого единство буржуазии, первоначально поколебленное колонизаторами, возродилось на базе Национального пакта, а безусловным лидером стала маронитская буржуазия, которая повела за собой остальные фракции христиан и сохранявших еще свое влияние суннитов. Третий период (1943–1958), закрепивший «консолидацию политической гегемонии торгово-финансовой буржуазии», завершился расколом блока буржуазии маронитов и суннитов, подвергшихся нажиму снизу рядовых единоверцев, требовавших учесть их интересы. В четвертой фазе (1958–1970) «шихабизм» ликвидировал «ущерб, нанесенный гражданской войной (т.е. кризисом 1958 г. — *Р. Л.*) альянсу буржуазии, добавив к нему в основном шиитскую буржуазию, возникшую в ходе развития капиталистического хозяйства в ранее неофеодальных регионах слабо развитой периферии Ливана. И хотя многие из маронитских заимов были отстранены режимом, долговременные интересы их класса были обеспечены планированием и реформами инфраструктуры экономики». Последующее отстранение Саиба Салама, связанное с неудачами суннитской буржуазии Бейрута, утратившей контроль над государственным предпринимательством, привело к поражению «шихабизма» в 1970 г. В то же время перераспределение ресурсов в пользу периферии «эффективно дополнило буржуазную революцию в сельском

хозяйстве и превратило шиитских и прочих землевладельцев в капиталистических фермеров, спекулянтов земель, предпринимателей и директоров компаний расширившегося сектора торговли».

Это стало причиной конфликта между торгово-финансовой буржуазией и аграрным капиталом. Но это, особенно в вопросе культивирования табака и производства сахара, затронуло также крестьян и мелких фермеров, недовольных ростом прибылей эксплоататоров от продажи земли, возросших рент и внедрения в компании и банки Бейрута. Поэтому в 1970 г. «бонапартистская стадия ливанской революции» (термин Джонсона. — *Р. Л.*) закончилась, и президент Сулейман Франжье уже опирался на широкий альянс буржуазии, пользуясь поддержкой прежде всего таких видных маронитов, как Камиль Шамун, Раймон Эдде, Пьер Жмайель, а также бейрутских суннитов Саиба Салама и ведущего шиитского заима Южного Ливана и председателя парламента Камиля аль-Асада. При этом следует подчеркнуть, что все социальные и экономические процессы в годы французского мандата протекали менее сложно, так как французские власти, поощряя развитие капитализма во всех сферах жизни, в то же время блокировали все политические трудности этого развития, «арестовывая радикальных арабских националистов, запрещая полувоенные группировки, кампании бойкота и забастовки, а также народные демонстрации и выступления религиозного протеста». После обретения независимости к подобной практике, да и то в мягкой форме и не столь решительно, прибегал лишь режим Фуада Шихаба²⁸³.

Период после 1970 г. расценивается разными экспертами (не только Джонсоном) как время наибольших расхождений в верхах ливанской элиты. В частности, разрушение маронитами в 1975 г. торгового центра Бейрута, немыслимое в 1958 г., некоторыми расценивалось как «классовое самоубийство». На самом деле это было свидетельством утраты Бейрутом своего прежнего финансового и коммерческого лидерства, ибо значительная часть банкиров и торговцев Ливана (особенно христиан), тем более — капиталистов прочих стран, перебазировалась в Брюссель, Цюрих, Берн, Нью-Йорк, Лондон, даже — в страны Залива. Конечно, во многом этому способствовали длительность беспорядков, боестолкновений и всех

видов насилия в Ливане на фоне сокращения вдвое (с 6 до 3 млрд фунтов) ВВП страны и роста стоимости жизни в 3 раза. К тому же в ходе войны стала вырисовываться перспектива утраты христианами своего доминирования в Ливане и выдвижения на первый план шиитов и друзов. Наиболее ярко это проявилось в массовом изгнании в 1982 г. христиан из Баальбека и вообще долины Бекаа добровольцами-шиитами, прибывшими из Ирана. Беженцы пополнили в основном ряды маронитов, мелькитов (униатов греко-католиков) и православных города Захле, после чего численность его жителей возросла со 130 тыс. до 200 тыс. чел.²⁸⁴

Усиление шиитов политически выразилось в активизации действий партии «Хизб Аллах», поддерживаемых и внутри, и вне Ливана. По мнению видного знатока проблем ислама Жилия Кепеля, «Хизб Аллах» была движением, которое «выражало социальный гнев обездоленных, жажду самопожертвования, культивируемую хомейнистскими проповедниками, а также интересы Сирии и Ирана, использовавших террористические действия членов партии в своих собственных целях. Сирии нужно было уничтожить израильское и западное влияние в Ливане, Ирану — оказывать давление на Запад». С этими задачами «Хизб Аллах» в основном справилась. Но прочие проблемы решены не были.

Иными словами, Ливан вышел из гражданской войны 1975–1991 гг. сильно ослабленным, полуразрушенным, разоренным, утратившим значительную часть своего населения (погибшего или эмигрировавшего), своего экономического, финансового и кадрового потенциала. Данные статистики свидетельствуют об экономическом росте до 1969 г. и об абсолютном падении всех показателей роста дохода, производства и даже численности населения в 1970–1981 гг. Общая сумма потерь Ливана составила 7,51 млрд ливанских фунтов. При этом ВВП сократился в пересчете на душу населения на 6%, 40% ливанцев (не считая уехавших в эмиграцию) покинули свои дома и земли, 70% национального дохода давала сфера услуг и лишь 21% — быстро деградировавшая промышленность. Ливан за годы войны лишился очень многого, но главное — своего прежнего статуса благополучной, надежной и богатой «арабской Швейцарии»²⁸⁵.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Соглашение в Таифе предусматривало реформу системы национальной безопасности Ливана, предписывая подчинение всех вооруженных сил правительству, на которое также возлагалась ответственность за объявление чрезвычайного положения, состояния войны и мира, мобилизации, так же как и руководство всеми ведомствами, занимающимися вопросами безопасности и всех вооруженных формирований. «Правительству национального примирения» поручался контроль за всей территорией страны и всеми функционировавшими в ней милициями, «ливанскими и неливанскими (включая палестинские организации и прибывшую в 1982 г. иранскую революционную гвардию)». Генерал Аун, однако, расценил Таифское соглашение как «предательство суверенитета Ливана», хотя все большее количество маронитских лидеров, включая нового главу «Катаиб» Жоржа Сааде и вождя «Ливанских сил» Самира Джааджу, поддержали прекращение боев²⁸⁶.

Однако не только Аун был недоволен соглашением в Таифе: друзья не добились учреждения верхней «палаты общин» в парламенте Ливана, шииты — пропорционального представительства согласно численности. Валид Джумблат обвинил аль-Хусса в «саботаже национального дела» и назвал соглашение «триумфом маронитско-суннитского альянса». «Амаль» и «Хизб Аллах» сочли его «скандалом» и интригой саудовцев. Надеясь использовать эту критику, Аун упорствовал²⁸⁷.

Мишель Аун, выходец из мелкобуржуазной семьи южного Бейрута, с детства находился в смешанном маронитско-шиитском окружении и поэтому считал себя способным понимать не только своих единоверцев, но и мусульман. Начав сразу по окончании школы военную карьеру, он стал поклонником де Голля и Фуада Шихаба, считая, что «лучшие президенты выходят из генералов».

Поэтому во время войны 1975–1991 гг. он занял как бы позицию «общеливанского» патриотизма, считая, что только военные вместе с «живыми силами нашего народа ... могут вырвать нашу оккупированную страну из плена иностранных интересов». Он заявлял, что он «больше ливанец, чем маронит» и что его не «обеспокоило бы, если бы президентом стал мусульманин». Но ему не доверяли, поскольку его опорой были в основном военные, элита которых всегда была связана с маронитами. Существовали сомнения в его компетентности как политика и гражданского управленца, тем более что он, заняв в сентябре 1988 г. президентский дворец в Баабде, окружил себя приятелями из восточного Бейрута «в основном из военной среды и крайне ограниченными политически». К тому же он «не уважал гражданских лиц, не терпел традиционный политический класс, неважно — христиан или мусульман, ненавидел милиции и совершенно не знал лабиринтов международной дипломатии»²⁸⁷.

Он отказывался «находить понимание» с мусульманскими лидерами западного Бейрута, утверждая, что они не свободны «ввиду присутствия сирийцев». В результате Дамаск получил возможность обвинять Ауна в отставивании «привилегий маронитов», а также в желании «продлить исторические связи армии с маронитским режимом». Это привело к тому, что лидеры различных фракций мусульман и даже некоторых христиан, разделенные, как правило, многими разногласиями и личными ссорами, были согласны в одном — в том, чтобы устранить и не допустить к власти Ауна. Однако среди простых людей, не только христиан, но и части мусульман, уставших от войны, Аун еще сохранял влияние, казался им «твердым» и «честным», способным избавить страну от войны.

5 ноября 1989 г. парламент избрал новым президентом Рене Муаввада, малоизвестного политика с севера Ливана, но имевшего связи и с сирийцами, и с американцами, и с саудовцами, и даже практически со всеми враждовавшими с Ауном. Салим аль-Хусс сформировал «правительство национального единства», в которое вошли практически все политики Ливана, принявшие Таифское соглашение. Это правительство сместило генерала Ауна, назначив вместо него другого маронита — генерала Эмиля Лахуда. Но когда

речь зашла об удалении Ауна силой, на его сторону перешел Самир Джааджа, в то время — один из лидеров ЛС. В какой-то степени это объяснялось сохранявшейся популярностью Ауна среди маронитов: к декабрю массовые демонстрации ко дворцу Баабда — резиденции Ауна — собирали до 150 тыс. чел.²⁸⁹

Тем не менее ни Сирия, ни основные политические группировки Ливана, включая ЛС, не собирались отказываться от Таифского соглашения, добытого с таким трудом. Не понимавший этого и заклинившийся на своем антисирийском настрое Аун, «явно ожидая поддержки с Запада и рассчитывая ослабить позиции сирийцев, начал войну за “освобождение”» в марте 1989 г., но столкнулся прежде всего с ЛС, которые поддерживали решения в Таифе и, осознав авантюризм и безответственность тактики Ауна, пересмотрели свою прежнюю политику вражды с Сирией. Против Ауна выступили даже ранее заступавшиеся за него лидеры маронитов — глава ЛС Джааджа, лидер «Катаиб» Жорж Сааде и другие, вынуждавшие правительство аль-Хусса бороться с Ауном путем «невоенного нажима», в частности «не переводя через центральный банк денежные средства в районы, контролируемые администрацией Ауна». Одновременно правительство аль-Хусса реализовывало пункты соглашения в Таифе. В частности, 21 августа 1990 г. парламент Ливана был дополнен 40 депутатами, общее количество которых было доведено до 108 (а потом — и до 128), разделенных (впервые!) поровну на мусульман и христиан. Но Аун, не желая ничего знать, продолжал борьбу, явно не понимая, что фактически он сражается за вчерашний день, который нельзя вернуть.

«Настоящая война между ЛС и ливанской армией под командованием М. Ауна в 1989–1990 гг., — пишет А. В. Сарабьев, — стала, вероятно, наиболее разрушительным конфликтом времен гражданской войны. Она нанесла непоправимый ущерб христианскому лагерю и определила его слабость в послевоенном Ливане»²⁹⁰. По данным Орена Барака, только попытки Ауна сокрушить ЛС, начиная с января 1990 г., привели к «кровопролитным боям и сотням убитых, к беспрецедентным разрушениям в христианских районах»²⁹¹.

Хаосу в стране способствовало также убийство 22 ноября 1989 г. президента Муаввада в результате взрыва его автомобиля. Причины его гибели не были объявлены, но можно предположить, что стремление погибшего президента ладить со всеми, кого-то (а может быть, и очень многих) никак не устраивало. Во всяком случае, в обстоятельствах 1989–1990 гг. оставаться в Ливане «нейтральным» было сложно для любого политика²⁹². Поэтому избранный через несколько дней после гибели Муаввада бывший депутат (с 1972 г.) и министр 63-летний Ильяс аль-Храуи был просто вынужден придерживаться просирийской позиции, каковую тогда, по разным причинам, занимали наиболее авторитетные политические группировки и лидеры как среди мусульман, так и среди христиан. К тому же родной город президента — Захла — с сентября 1985 г. контролировался сирийцами.

Тем не менее Аун продолжал считать себя законным премьером, выступал с антисирийскими речами и даже пытался захватить порт Бейрута. Он объявил «незаконными» и Таифское соглашение, считая, что любому соглашению должен предшествовать уход сирийской армии из Ливана, и роспуск парламента. Укрепившись в бывшем президентском дворце, Аун фактически вел войну с властями страны. Только в ходе боев армии Ауна с отрядами ЛС в январе 1990 г. было убито 1,5 тыс. чел., ранено 3,5 тыс., разрушено 25 тыс. домов и до 300 промышленных предприятий²⁹³. В последующей затеянной Ауном 6-месячной «войне за освобождение», представлявшей собой серию «артиллерийских дуэлей, блокад и редких фронтальных стычек», погибло еще 850 чел. и было ранено 3 тыс. чел. Однако на подобные «пустяки» уже никто не обращал внимания. Как писал в 1987 г. профессор Ливанского университета в Бейруте Жорж Корм, традицией в Ливане стала не «демократическая новизна», а «экстремизм насилия», в то время как «демократия и права человека стали исключительной привилегией закрытого клуба избранных богачей». Но, как уже отмечалось, и они страдали от «экстремизма насилия», рожденного гражданской войной²⁹⁴.

Наконец, 13 октября 1990 г. генерал Эмиль Лахуд во главе четырех верных правительству армейских бригад совместно с подразделениями сирийской армии, наносившими удары с воздуха по

дворцу Баабды, занял территорию, контролировавшуюся Ауном, прежде всего восточный Бейрут. На этот раз Аун, считая «продление агонии бессмысленным», приказал своим сторонникам сложить оружие, а сам укрылся в посольстве Франции, где получил убежище до 30 августа 1991 г., когда он смог эмигрировать из Ливана во Францию. В последующие дни в Баабде были убиты 15 гражданских лиц, в том числе самый влиятельный союзник Ауна лидер Национально-либеральной партии Ливана Дани Шамун с женой и двумя детьми²⁹⁵. Причем убийство Дани Шамуна, сына экс-президента Камиля Шамуна и главы боевой организации национал-либералов «Нумур» (Тигры), приписывали лично Самиру Джаадже, главе ЛС, неоднократно бывшему и союзником, и противником Шамуна в борьбе за лидерство в лагере правых христиан²⁹⁶.

Авантюра генерала Ауна задержала примерно на год наступление послевоенного периода в Ливане. Но надо признать, что она могла затянуться еще дольше, если бы не сложившаяся для Ауна неудачно международная обстановка. Его главный заступник Саддам Хусейн был к этому времени изолирован вследствие захвата им Кувейта, а Сирия, столь нелюбимая Вашингтоном, «воспользовалась американскими усилиями по вовлечению ее в международную коалицию против Ирака после его вторжения в Кувейт и получила согласие Вашингтона на ликвидацию анклава Ауна». Такую же позицию занял Израиль, а потом — практически всё мировое сообщество, «признавшее легитимными усилия Сирии по восстановлению порядка в Ливане и его единства»²⁹⁷.

Надо признать, что действия Ауна, как и другие события гражданской войны (например, пополнение ПСП не только друзьями, совместные выступления представителей разных общин в ливанской армии и различных «непартийных» отрядах), способствовали все большей популяризации давно выдвигавшейся левыми силами идеи **политической деконфессионализации** жизни страны. Причем ее поддержала «Амаль», но не «Хизб Аллах» (сохранявшая религиозность как основу своих связей с Ираном). Другие политические силы не пошли «Амаль» навстречу, считая, что Набих Берри и его окружение просто хотят использовать численный рост как преимуще-

ство шиитов. Недоверие, даже между бывшими союзниками, было тоже одним из ядовитых плодов войны 1975–1991 гг.

Сочувствовавший Ауну Уильям Харрис писал, что после отъезда генерала «Дамаск стал обращаться с Ливаном как с завоеванным государством». Именно так он трактует заключенные в 1990–1992 гг. «Договор о братстве, сотрудничестве и координации», «Пакт о безопасности» и прочие соглашения, касавшиеся «привилегированных отношений» между Сирией и Ливаном. Признавая обоснованными и «расширяющими власть государства» меры 1990–1992 гг. по роспуску милицейских формирований, реорганизации подразделений бывшей армии Ауна и подчинению палестинцев в лагерях региона Сайды (что было предусмотрено Таифским соглашением), Харрис все же считает главной их целью «стабилизацию сирийского превосходства». Назначенное президентом аль-Храуи в декабре 1990 г. очередное «правительство национального единства» во главе с Умаром Караме (братом убитого Рашида Караме) Харрис именуется «комбинацией сирийских клиентов, главарей милиций и традиционных политиков», возлагая на него и на Сирию всю ответственность за тяжелое экономическое и социальное положение страны в первые послевоенные годы²⁹⁸.

А положение это было действительно тяжелым. Помимо вышеупомянутого ущерба от гражданской войны, Ливан понес ущерб во время вторжения войск Израиля в 1982 г. на более чем 7,5 млрд ливанских фунтов. Внешний долг достиг в 1984 г. 938 млн долл., а от Международного валютного фонда Ливан получил лишь 268 млн. Но причины такого положения Харрис определяет неверно. Сирия «демонстрировала невмешательство в управление экономикой и социальными вопросами Ливана», что признает и Харрис. Нетерпимая ситуация в Ливане была создана длительной 15-летней гражданской войной, сопровождавшейся массовыми жертвами, разрушениями, бегством за рубеж чуть ли не трети населения, беспрецедентным ростом безработицы и столь же масштабным падением (в ряде регионов — полным прекращением) производства, торговли и вообще экономической (а то и физической) жизни. В свою очередь, следствием этого явилось обесценение на 45% ливанской лиры и снижение вдвое (с 200 до 100 долл. ежемесячно) средней заработ-

ной платы, что вызвало массовые беспорядки, забастовки и прочие проявления недовольства уже в мае 1992 г. Состоявшиеся в августе–сентябре 1992 г. (после 20-летнего перерыва) выборы в парламент не успокоили ливанское общество, требовавшее прежде всего решить неотложные экономические проблемы. Кроме того, элита всех христианских конфессий воспользовалась случаем для выражения своего недовольства просирийской политикой аль-Храуи — Караме. Немалую роль сыграли и сторонники Мишеля Ауна, продолжавшего резко осуждать Сирию, на этот раз — из своего убежища в Марселе. Ауновцы оказались влиятельны в Бейруте, Захле и на севере Ливана. Недовольны были и многие мусульмане, в частности экс-премьер Салим аль-Хусс. Выборы бойкотировали до 70% избирателей! Но часть их все же проголосовала, причем не только просирийски настроенные: 5–10 маронитов (менее 10% от 128 депутатов) действительно представляли оппозицию. В то же время впервые в парламент прошли 12 представителей от «Хизб Аллаха»²⁹⁹. В основном же состав парламента был, по оценкам ливанской печати, «сирийской окраски»³⁰⁰.

Наиболее важным следствием выборов 1992 г. стал приход к власти 46-летнего ливанско-саудовского миллиардера Рафика аль-Харири (1944–2004), выходца из бедных крестьян. Их было много в ливанской «относительно новой средней буржуазии», разбогатевшей в эмиграции, преимущественно — в зоне Персидского залива или на Западе, главным образом в Великобритании³⁰¹. Доминируя в рядах так называемого «среднего класса» (прежде всего тесно с ней связанной мелкобуржуазно-крестьянской и чиновничьей среды), т. е. к тому времени до 58% населения, эта буржуазия сделала выводы из опыта войны 1975–1991 гг. Она поняла необходимость компромисса между общинами, прекращения бесчеловечного и разрушительного насилия, угрожающего распадом страны вследствие социального взрыва, так как от бедствий войны страдали все слои населения когда-то благополучного Ливана, до 30% которого в 80-е гг. стали бедняками и деклассированными ломпенами. Дальнейший рост этих социальных низов прямо угрожал и так называемому «среднему классу», и высшей политико-экономической элите Ливана. Поэтому, несмотря на взаимное ожесточение участников

войны, «наметились пути выхода из кризиса» и «начался процесс поиска компромисса между враждующими силами, борющимися за власть»³⁰². Для руководства данным поиском Р. аль-Харири с его опытом бизнес-менеджера и межконфессионального посредника подходил как нельзя лучше.

Процесс этот развивался трудно, наталкиваясь, как и до войны, на неурегулированные противоречия между конфессиями, кланами и политическими лидерами региональных группировок, на которые активно влияли, помимо их внутренней опоры, также внешние силы (США, Франция, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Ирак, Иран, Ливия). Однако все участники этого процесса после войны (и даже все последние годы) вынуждены были принимать во внимание новые факторы ливанской ситуации. Прежде всего надо согласиться с Ю. В. Агавельян, что «с развитием капиталистических отношений и экономического роста в Ливане к концу 60-х гг. «общинный дух» стал понемногу уходить в прошлое и отступать перед новыми условиями сосуществования различных общин, живущих на исторически определенных территориях». В стране (да и среди ливанских диаспор на Западе, в Америке, Африке и Азии) стали возникать экономические и социокультурные ассоциации, в которых «общинные интересы отступали на второй план». Крупные коммерсанты, финансисты, аграрии и высшие бюрократы — всего 6,2% самостоятельного населения — в Ливане получили более широкие возможности для маневрирования и свободных (в том числе конфессиональных) комбинаций, что было важно, так как их интересы стали выходить за рамки общин и «доминировать над общинными интересами». Они переставали быть конфессиональными сектантами по сути, но сохраняли еще влияние на единоверцев, используя их как свою культурно-политическую клиентуру. Отсутствие сильных (и классово ориентированных) профсоюзов способствовало беспрепятственному воздействию, сложившемуся веками традиционных элит на рабочих и служащих.

В то же время рост гражданского самосознания и политической активности молодежи во всех арабских странах, где она составляет не менее 40–50% населения, также повлиял на события в Ливане. К тому же в стране за годы войны резко увеличился «значительный

слоем обнищавших, обездоленных людей, живущих за чертой бедности» и требующих скорейшего восстановления экономики и нормальных условий жизни. Это восстановление началось во многом при активном участии вернувшихся в Ливан представителей «среднего класса», эмигрировавших в годы войны. Проводившиеся в Бейруте опросы в 1990–1992 гг. выявили желание 86% опрошиваемых сохранить единство страны и конфессиональную систему управления. Но при этом 64% маронитов не хотели бы интегрироваться с другими общинами, а до 71% суннитов соглашались на это, хотя и опасались шиитов, увеличивших за последние годы свою численность и сохранивших, в отличие от других общин, свои боевые отряды³⁰³.

Судьбы ливанцев разного вероисповедания, социального положения и места проживания складывались по-разному в годы войны. Поэтому, исходя из опыта этих лет, они неодинаково относились друг к другу, например те же сунниты (1750 тыс. чел., т.е. 21% ливанцев в 1984 г.) «показали высокую степень готовности к интегрированию» с друзьями (до 60%) и греко-православными (более 70%), но намного меньше — с маронитами (49%) и шиитами (всего 23%). Конечно, во многом эти настроения определялись поведением тех или иных общин и их отношением к суннитам во время войны. Но более интересно то, что все эти настроения не привели к развалу ни конфессиональной системы, ни политической целостности страны. Безусловно, права Ю. В. Агавельян: «На примере Ливана видна гибкость и высокая степень адаптации ее к современным условиям политической жизни и требованиям, выдвигаемым экономикой и мировой системой хозяйственных связей»³⁰⁴.

Очевидно, при этом надо учитывать также исторические традиции, современную социополитическую роль и внутреннюю сплоченность каждой общины Ливана. Например, община друзов насчитывала в середине 80-х гг. XX в. около 250 тыс. чел., т.е. в 5 раз меньше, чем было в Ливане шиитов (1,2 млн чел.), в 3 раза меньше, чем суннитов (750 тыс. чел.) и в 3,5 раза меньше, чем маронитов (900 тыс. чел.), т.е. ведущей в экономическом и культурно-политическом отношении конфессии страны³⁰⁵. И вообще эта община всегда была в меньшинстве, охватывая всего около 11% ли-

ванцев в 1885 г., 7% в 1922 г., примерно 6,8% в 1932 г., 5,8% в 1984 г., около 5% в 1990 г.³⁰⁶ Однако воинственность друзов, их вера в собственных вождей³⁰⁷, концентрация их наиболее активного ядра в рядах дисциплинированной и руководствующейся демократическими идеалами ПСП выгодно отличали их от шиитов, разделенных соперничеством «Амаль» и «Хизб Аллах», суннитов и маронитов, среди которых (особенно среди последних) межклановая конкуренция внутри общин доходила до политических убийств.

Еще во время войны, в 1983 г., руководство ПСП создало в контролируемых им деревнях сеть комитетов Гражданской администрации, призванной решать социальные и вообще текущие проблемы, с которыми сталкивалось население. После окончания войны эти комитеты занялись трудоустройством бывших бойцов милиции ПСП, сдававших оружие в соответствии с условиями Таифского соглашения. Уже в 1991 г. на службу в МВД, жандармерию и на таможню Ливана были приняты 800 друзов из официально распущенных отрядов милиции. В 1992 г. еще 500 друзов были переведены из милицейских отрядов в те или иные государственные структуры, включая регулярную армию Ливана. Оставшимися без работы экс-милиционерами (около 1 тыс. чел.) занялись все те же комитеты Гражданской администрации, не снизившие свою активность после прекращения боев в 1991 г. Лидер друзов Валид Джумблат занял важный для послевоенного Ливана пост министра по делам перемещенных лиц. Друзы тем самым доказали, что вопреки относительно малой численности их община смогла даже усилить свои позиции в послевоенном Ливане³⁰⁸.

Однако друзы были меньшинством. А большинство (относительное) составляли шииты, руководимые к этому времени уже не столько традиционной «Амаль», сколько проиранской «Хизб Аллах», постепенно ставшей более популярной и влиятельной³⁰⁹. О масштабах влияния обеих организаций судить трудно. Глава «Амаль» Набих Берри — председатель парламента Ливана с 1992 г. «Амаль» по традиции считается более «ливанской», а «Хизб Аллах» — более «иранской» организацией. Из 3,5 тыс. ее бойцов 150 «стражей исламской революции». Общая численность актива «Хизб Аллах» (по данным 2005 г.), включая ливанцев, иранцев и прочих,

достигла 20 тыс. чел.³¹⁰ Постепенно сферы действия «Хизб Аллаха» из Ливана распространились и на Палестину, а фактически и на другие арабские страны, поскольку «Хизб Аллаха» использовала для своей пропаганды финансируемый Ираном телевизионный канал «Аль-Манар», вещавший с резко антиизраильских и антиамериканских позиций на весь Ближний Восток³¹¹.

Поэтому не вызывает удивления, что в отличие от других группировок Ливана «Хизб Аллаха» отказывалась распустить свои отряды в соответствии с Таифским соглашением³¹². Позднее «Хизб Аллаха» согласилась на роспуск своих вооруженных подразделений в Бейруте, но сохранила их в долине Бекаа и в Южном Ливане. «Хизб Аллаха» продолжала нападать на израильтян на юге Ливана, на что израильская армия ответила операцией «Гроздь гнева» в апреле 1996 г. Но в ходе ее был нанесен не только ущерб боевикам «Хизб Аллаха», но и разрушены многие предприятия, жилые кварталы, что неизбежно сопровождалось потерями среди мирного населения. Тем самым «Хизб Аллаха» хоть и понесла потери, но смогла поддержать и даже усилить накал антиизраильских настроений среди ливанцев³¹³. Постепенно партия получила самое широкое признание и внутри Ливана (в том числе не только со стороны шиитов), и на международной арене³¹⁴.

На примере ПСП, «Амаль» и «Хизб Аллаха», не говоря уже об ослабленных, но продолжавших соперничать организациях христиан, видно, что Ливан не обрел ни мира, ни единства, ни политического согласия после окончания гражданской войны. Правительство Умара Караме, опиравшееся, в сущности, лишь на суннитов Триполи (родного города премьера), не нашло путей выхода из послевоенного кризиса. Оно не имело даже программы восстановления деятельности государственных учреждений, получения иностранной помощи и определения характера отношений с сирийскими военными, многое решавшими в Ливане с 1976 г.³¹⁵

Возглавивший кабинет министров в 1992 г. Рафик аль-Харири сразу взялся за дело. Сирийцы некоторое время противились его назначению, «опасаясь его связей с саудовцами и Западом». Но в конце концов они решили, как признал в марте 1992 г. вице-президент Сирии Абд аль-Халим Хаддам, согласиться на кандида-

туру «премьер-министра, способного привлечь иностранные займы и помощь, дабы укрепить режим Таифа». И Хаддам не ошибся. В 1992–1994 гг. аль-Харири стабилизировал курс валюты, разработал 10-летний план восстановления разрушенной 16-летней войной страны («Горизонт 2000»), максимально использовал свои личные связи и влияние для поощрения инвестиций в реализацию этого плана ливанской диаспоры в странах Запада и зоны Персидского залива, приступил к перестройке и обновлению архитектурного облика Бейрута. При этом он использовал и госструктуры (например, Совет реконструкции и развития), и частный бизнес (в том числе через госкомпанию «Солидер», 64% акций которой владели 150 тыс. собственников). Компания «Солидер», восстанавливая столицу, придавала ей своего рода облик «Манхэттена», отвечавший вкусам нового поколения, но осуждавшийся религиозными кругами и суннитов, и шиитов³¹⁶. Все это сопровождалось также некоторой модернизацией политической жизни Ливана, «вхождением во властные структуры новой политической элиты, заинтересованной прежде всего в своем активном участии в экономической жизни и вступлении в традиционные финансовые круги страны». Эта элита серьезно потеснила традиционных (в том числе религиозных, региональных и, как правило, полуфеодальных) вождей довоенной эпохи³¹⁷.

Деятельность аль-Харири успешно продолжалась при сотрудничестве с президентом Ильясом аль-Храуи, правившим в 1989–1998 гг. Впрочем, правил, пожалуй, все же аль-Харири, более энергичный, предприимчивый и молодой (он был на 18 лет моложе президента). На аль-Харири работал его авторитет более чем удачливого бизнесмена, экономического менеджера, искусного дипломата. Даже не занимая официально до 1992 г. никаких правительственных постов и находясь за пределами Ливана, он активно влиял на политическую жизнь страны, в частности сыграв при поддержке наследного принца (и будущего короля) Саудовской Аравии Фахда ибн Абд аль-Азиза важную роль в ходе переговоров в Таифе в конце 80-х гг. и в заключении Таифского соглашения в 1991 г. Таким образом, к руководству страной он пришел, уже имея заслуги перед ней.

Аль-Харири занимал пост главы правительства Ливана в общей сложности около 10 лет. Но если первый срок его премьерства (1992–1998) проходил достаточно успешно, что во многом объясняется его доминированием в тандеме с «мягким» президентом аль-Храуи, то более проблемными были 2000–2004 гг., которые пришлось на президентство Эмиля Лахуда (длившееся с ноября 1998 г. по ноябрь 2007 г.), не менее амбициозного, чем аль-Харири, политика, к тому же генерала, и более молодого, чем премьер (Лахуд был младше на 12 лет). Тем не менее весь период 1992–2004 гг. в Ливане можно считать «временем аль-Харири». В эти годы была вдвое — с 22 до 45 тыс. чел. — увеличена численность регулярной армии Ливана, как считает Уильям Харрис, «прежде всего для охраны режима». Очевидно, Харрис имел в виду подавление забастовок и демонстраций в мае 1992 г. — июле 1995 г., но также выступления в 1994 г. сторонников генерала Ауна и «того, что осталось от “Ливанских сил” Джааджи. Но одновременно аль-Харири много сделал для возрождения Ливана, так как ему удалось восстановить экономику страны, добиться международной помощи, списания долгов, возобновления туризма и привлечения иностранных инвестиций в больших объемах»³¹⁸.

Тем не менее Лахуд не мог ужиться с аль-Харири, ибо не совпадали не только политические интересы представляемых ими общин — маронитов и суннитов, — но и экономические интересы их кланов, и, главное, Лахуд понимал, что премьер оставит ему лишь «протокольные функции» и не даст возможность серьезно влиять на политическую ситуацию в Ливане. Поэтому в декабре 1998 г. Лахуд, пользуясь своей прерогативой, назначил премьером не раз занимавшего этот пост ранее Салима аль-Хусса. Возможно, это было также реакцией на недовольство США дружбой аль-Харири с Сирией, за что на кабинет аль-Харири обильно сыпались из США обвинения в «воровстве», «торговле героином и кокаином»³¹⁹.

Состоявшиеся чуть ранее выборы 1996 г. привели к избранию «парламента без оппозиции» (она была представлена всего лишь 8 депутатами из 128). Продолжился бойкот выборов избирателями-христианами, но он не имел такого значения, как раньше, ибо уже к 1994 г. мусульмане составляли 65% ливанцев, а христиане — всего

35%³²⁰. Правительство аль-Хусса весной 2000 г. решилось на важный шаг — дало согласие на присутствие на юге страны международных миротворческих сил в случае ухода оттуда войск Израиля. В свою очередь, премьер Израиля еще в 1999 г. пообещал ликвидировать контролировавшуюся израильтянами «зону безопасности» в Южном Ливане при условии замены израильских подразделений «голубыми касками» ООН или регулярной армией Ливана. В прессе писали, что причиной ухода израильтян могли быть участвовавшие нападения на их патрули «ливанских экстремистов» (речь шла в основном о «Хизб Аллаха»), которые привели к гибели нескольких десятков солдат. Однако эти нападения, перестрелки и отдельные теракты, по сути дела, не прекращались с 1968 г. А Тель-Авив именно в 1999 г. решил вдруг уйти с юга Ливана «в любом случае»³²¹. Судя по всему, это решение было результатом секретных переговоров между Израилем и правящими кругами Ливана при возможном участии США и даже арабских стран (например, государств Персидского залива), заинтересованных в скорейшей «нейтрализации» Ливана и возвращении его в прежнее состояние «арабской Швейцарии».

В Ливане всегда были сильны настроения такого рода среди маронитов и вообще христиан. Очевидно, Израиль тоже решил как бы «закрыть фронт» хотя бы с одной и к тому же склонной к этому (по крайней мере, больше других) арабской страной. Учитывая стратегическое расположение Ливана и его историческую роль посредника между Востоком и Западом, можно предположить и заинтересованность в скорейшем «умиротворении» Ливана с целью возвращения его к прежним функциям надежного и стабильного финансово-экономического, торгового и геополитического партнера как стран Запада, так и Востока.

Во всяком случае, израильтяне ушли неожиданно быстро, практически — через месяц после объявления о своем уходе. Это явилось своего рода шоком для 100 тыс. маронитов и их армии, чувствовавших себя хозяевами юга Ливана под крылом Израиля. Более 20 лет они сотрудничали, причем марониты не только защищали свои города и села, но также прикрывали северные границы Израиля. За службу в «армии юга» они получали по 500 долл. США в ме-

сяц, о чем большинство ливанцев не могло и мечтать. И вообще, никто не мог и предположить, что столь выгодный для обеих сторон союз развалится (тем более что солдат-маронитов в ходе стычек с палестинцами, шиитами, исламистами-суннитами и друзьями за истекшие примерно 20 лет погибло на юге Ливана вдвое больше, чем израильтян). Практически мало кто из маронитов остался на юге после ухода войск Израиля. Некоторая их часть бежала в Израиль, еще больше — воспользовались гостеприимством Франции, Канады и США. Мировая пресса была заполнена выражениями сочувствия маронитам, а также удивления и даже возмущения «чудовищной неблагодарностью» Израиля. Даже в России, традиционно не сочувствовавшей маронитам за их «западничество», появились следующие высказывания: «Похоже, что израильтяне и марониты навсегда потеряли христианский Ливан»³²².

Однако возможны и другие оценки сложившейся в 2000 г. ситуации в Ливане. Уход израильтян с юга, безусловно, способствовал некоторому ослаблению политической напряженности в стране, как и вывод из нее в 80-е гг. преобладающей части вооруженных отрядов ПДС. Это вовсе не было решением палестинского вопроса, тем более что оставались неурегулированными социальные, экономические и прочие проблемы беженцев, количество которых в Ливане продолжало расти с 302 049 в 1990 г. до 376 472 чел. в 2000 г. (а по другим данным, только в 1995 г. уже составляло 400–450 тыс. чел.)³²³. Но все же определенная разрядка напряженности наблюдалась, а сохранявшиеся проблемы палестинских беженцев, особенно в контексте гражданской войны 1975–1991 гг. и послевоенной разрухи, логично вписывались в длинный перечень проблем гражданского населения всего Ливана независимо от его национальной, конфессиональной, социальной или политико-идеологической принадлежности. Эта разрядка в какой-то мере содействовала созидательной политике аль-Харири в 1992–1998 гг.

В 1998–2000 гг. аль-Харири, не входя в правительство, тем не менее, участвовал в политической жизни, используя парламент, контролировавшиеся им СМИ и, в не меньшей степени, свои персональные контакты с политическими деятелями Саудовской Аравии, Сирии, Кувейта, но также Англии, Франции и США. «Даже когда

он был в оппозиции, его всегда принимали как официального высокопоставленного деятеля Ливана». Противники аль-Харири объясняли его влияние и уважение, которым он пользовался, его «значительными финансовыми возможностями». Однако это был лишь один из факторов его значимости в политической и экономической жизни страны. Гораздо большее значение имели его предпринимательские, организационные и дипломатические таланты, а также умение налаживать контакты и работать вместе с людьми разного происхождения и, главное, разных религиозных и идейных убеждений, что вообще-то не было типичным для ливанцев. Именно благодаря в первую очередь этим своим качествам он одержал безусловную победу на выборах в 2000 г. Большинство депутатов вновь избранного парламента были сторонниками возвращения аль-Харири на пост премьера. По сути дела, Лахуд был вынужден утвердить это мнение парламента³²⁴.

Одной из первых внешнеполитических акций аль-Харири в качестве премьера был визит в Москву в ноябре 2001 г. Накануне визита он сказал в интервью газете «Известия»: «Ливано-российские отношения имеют более чем двухвековую историю. Российское консульство было открыто в Бейруте еще в 1839 г. Наши взгляды с Москвой совпадают по многим вопросам». Следует подчеркнуть, что в отличие от многих других деятелей Ливана, аль-Харири в своем интервью выступил как представитель не только своей страны, но и всего мира ислама: «Ислам не причастен к террору, — сказал он. — Это религия терпимости и мира. Не следует возлагать на исламский мир ответственность за теракты, которые совершили лица, не представляющие ни ислам, ни мусульман».

Вместе с тем премьер коснулся и важнейшей для Ближнего Востока, да и всего мира, проблемы: «Мы желаем международной антитеррористической кампании успеха. Однако успеха можно добиться, если выкорчевать корни явления, а не только его симптомы. Война против терроризма не сможет принести результата, пока будет продолжаться арабо-израильский конфликт, пока Израиль будет оккупировать арабские земли и ежедневно убивать палестинцев. Оккупация, мы считаем, это вид терроризма. Она ввергает людей в отчаяние, подталкивает их к отчаянным поступкам»³²⁵.

Во внутренней политике правительство аль-Харири прежде всего опиралось на созданный еще в 1977 г. Совет по реконструкции и развитию (СРР) Ливана — общественную организацию, во многом заменившую ранее существовавшее министерство планирования. Помимо разработки планов развития, СРР привлекал иностранных инвесторов, реорганизовывал некоторые государственные структуры, механизмы управления, упрощая и рационализируя деятельность по возрождению экономики Ливана и избавлению ливанского общества от мертвящего бюрократизма³²⁶. СРР удалось привлечь к реализации своих планов Всемирный банк, Арабский фонд экономического и социального развития, Европейское сообщество, а также помощь Японии, Франции и Канады. Много было сделано для включения во все процессы помощи Ливану диаспор ливанских эмигрантов за пределами страны. В мае 1999 г. в Бейруте с этой целью был проведен конгресс ассоциаций, клубов и организаций эмигрантов. Предпринимались меры по облегчению условий сотрудничества эмигрантов с властями Ливана, а также по возвращению их на родину³²⁷.

Одновременно решались задачи по развитию всех сфер жизни Ливана — социальных проблем, инфраструктуры (основательно разрушенной в ходе военных действий), различных отраслей производства. Большой помощи правительству аль-Харири удалось добиться от Европейского сообщества в плане компьютеризации и реорганизации работы министерств с участием иностранных консультантов. Вместе с тем основной упор был сделан на привлечение к восстановлению страны образованных эмигрантов и молодых специалистов из числа самих ливанцев, на содействие бизнес-элиты и вообще состоятельной прослойки ливанских диаспор за рубежом. Работа с эмигрантами (особенно по возвращению на родину самых квалифицированных из них) была «признана частью национальной политики страны». Как подчеркнула Ю. В. Агавельян, «во главу угла ставится теперь не этнорелигиозная принадлежность, а ливанское происхождение. Сплочение эмигрантов различного происхождения и их детей происходит на уровне отношения к их общей родине — Ливану, а не общине, которой принадлежали их предки»³²⁸.

Конечно, говорить о ликвидации столь давно гнетущего Ливан «проклятия конфессионализма» было еще рано. Но, как говорится, процесс пошел! И не вызывает удивления, что он пошел именно в годы правления аль-Харири, человека широко мыслившего, политически талантливого, с огромным практическим опытом и, как убедительно свидетельствовал круг его деловых партнеров и просто друзей, лишенного многих «типично ливанских» (в частности — конфессиональных) предубеждений. Тогда же, параллельно развертыванию в Ливане работ по строительству и восстановлению, наметился всё возрастающий приток в страну рабочих из Сирии. Это, как и иные проявления всё более тесного сближения Ливана с Сирией, вызывало острое недовольство в США, которые никак не могли примириться с тем, что в двух ключевых странах Арабского Востока — Ираке и Сирии — десятилетиями существовали режимы, «не слушавшиеся» американцев, да еще активно влиявшие на соседей. Поэтому против этих режимов не прекращалась ожесточенная пропагандистская кампания. Ливан, например, в ходе этой кампании именовался «главным центром контрабанды героина и кокаина». Впрочем, США с приходом к власти аль-Харири несколько сбавили тон и даже стали признавать успехи премьера в возрождении страны. Но арабская пресса, нередко отражавшая точку зрения конкурентов, а то и политических противников аль-Харири, продолжала его обвинять по любому поводу, хотя и не отрицала, что при нем Ливан был буквально охвачен строительной лихорадкой³²⁹.

Вторичный приход аль-Харири к власти после победы на выборах в сентябре 2000 г. был более проблемным. Находясь на своем посту вплоть до октября 2004 г., он постоянно должен был противостоять президенту Лахуду, опираясь при этом на поддержку парламента. И тем не менее аль-Харири ушел в отставку по собственной инициативе и в знак своего фактического несогласия с решением парламента Ливана о продлении (вопреки конституции) на три года срока президентских полномочий Лахуда. Это решение было поддержано Сирией, с которой у аль-Харири произошел, судя по всему, конфликт, так как, с одной стороны, он лично проголосовал за продление полномочий Лахуда, аргументируя это «нежеланием нанести вред интересам Сирии», а с другой, — как выяснилось позже,

много сделал для того, чтобы Совет Безопасности ООН 3 сентября 2004 г. принял резолюцию 1559, требовавшую вывода сирийских войск из Ливана, разоружения иррегулярных военных формирований на его территории и проведения свободных выборов президента. Все эти требования давно выдвигались самыми разными силами Ливана, особенно принадлежавшими к христианскому лагерю, но на 19-м году пребывания войск Сирии в Ливане (с 1975 г.) стали почти всеобщими, что и отразилось в позиции аль-Харири, весьма чуткого к настроениям, господствующим в обществе. Вместе с тем как опытный политик и дипломат, не желавший ни с кем вступать в конфронтацию, аль-Харири так замаскировал свои действия, что сначала логика его поступков была совершенно непонятна³³⁰.

Предполагается, что отставка аль-Харири была чисто политическим маневром и хорошо рассчитанным шагом в противостоянии с президентом, так как премьер «уходил в отставку лишь на полгода до следующих парламентских выборов в мае 2009 г., на которых он снова одержал бы победу и снова вынудил бы Лахуда передать ему бразды правления». Как считает А. А. Волович, «дальше бороться с ним у Лахуда не оставалось бы ни времени, ни необходимых ресурсов». В пользу этой точки зрения говорит и активность аль-Харири после отставки, его осторожная и умеренная оппозиционность как в отношении Дамаска, так и президента Лахуда. Аль-Харири понимал, что, вернувшись к власти, он опять будет иметь дело с верхушкой истеблишмента Ливана и Сирии, и у него были основания надеяться на это. Ибо сменивший его правительство временный кабинет престарелого Умара Караме из 30 министров не пользовался популярностью, будучи «откровенно просирийским». Избегая подобной «откровенности», аль-Харири, тем не менее, и после отставки поддерживал связи с Сирией. В частности, уже в начале 2005 г. он встречался с вице-министром иностранных дел Сирии для обсуждения программы предстоявшего визита аль-Харири в Дамаск³³¹.

Однако визит не состоялся, так как 14 февраля 2005 г. аль-Харири был убит взрывом бомбы, стоившим жизни еще 21 чел., не считая около 100 раненых. Убийц найти не удалось. Поэтому вплоть до настоящего времени бытует много версий этого сенсационного убийства, потрясшего весь Ближний Восток, так как данный

теракт не только лишил суннитов Ливана и вообще весь Ливан самого авторитетного и талантливого лидера последнего времени, но и явился тяжелым ударом по политике умиротворения и восстановления Ливана, по всей системе его отношений с Сирией, по перспективам освобождения Ливана от пут конфессионализма. Поэтому взрыв народного негодования был всеобщим. 8 марта 2005 г. «Хизб Аллах» организовала шествие 200–500 тыс. сторонников «просирийской ориентации», осудивших вмешательство Израиля и США в дела Ливана, следствием которого они считали убийство аль-Харири. 14 марта, т.е. через 6 дней, в Бейруте прошла проправительственная демонстрация более 1 млн чел. под лозунгом «Свобода, суверенитет, независимость». Обе демонстрации требовали вывода войск Сирии, но 14 марта звучали также требования вернуть из эмиграции Мишеля Ауна и освободить из тюрьмы экс-лидера ЛС Самира Джааджу. На последовавших в мае–июне 2005 г. выборах проправительственные силы были названы «блоком 14 марта», а оппозиция — «блоком 8 марта». Но на практике все было гораздо сложнее, хотя оба движения оспаривали друг у друга и знамя патриотизма, и звание «Революции кедров» (кедр — национальный символ Ливана).

Лидеры ливанской оппозиции при всей их разногласии и пестроте мнений в основном обвинили в убийстве аль-Харири Сирию и ливанские власти. Последние обвинили оппозицию в попытках «спекулировать на крови Харири». Генсек «Хизб Аллах» охарактеризовал аль-Харири как «государственного деятеля, всегда готового к диалогу и поискам взаимопонимания». Сирия обвинила во всем Израиль, преследующий цель «снова ввергнуть страну в хаос, анархию и гражданскую войну». Президент Сирии Башар Асад выразил намерение оказать максимальное содействие расследованию «подлого преступления», а в интервью американскому журналу «Тайм» подчеркнул, что Сирия, которая понесла наибольший ущерб от убийства аль-Харири, не могла в нем участвовать, подрывая тем самым собственные позиции. Вместе с тем Асад, выступая в парламенте Сирии, указал, что вывод сирийских войск из Ливана будет реализован в соответствии с соглашением в Таифе (войска были выведены в апреле 2005 г.), и признал, что их пребывание в Ливане

было использовано в своих целях «некоторыми силами». К ним могли быть отнесены и Израиль, и США, и правохристианские силы Ливана, но только теоретически. Подразумевалось, что эти же «силы» могли быть причастны к убийству аль-Харири. Реально же раскрыть преступление так и не удалось. Все перечисленные выше стороны усердно обвиняли друг друга, не всегда заботясь об обоснованности своих обвинений. Например, Израиль утверждал, что Сирия якобы вообще «поддерживает террористов», а аль-Харири ей мешал, выступая за вывод войск Сирии из Ливана. Оба эти аргумента не выдерживают критики, так как всеми была признана роль Сирии в обуздании террористов в Ливане, а что касается аль-Харири, то он **никогда открыто не выступал** за вывод сирийских войск из Ливана, даже если у него и были какие-то мысли по этому поводу³³². Вообще-то у аль-Харири было немало недругов в элите Ливана. Именно поэтому через 2–3 года после его гибели вдруг стали вспоминать, что при нем государственный долг Ливана вырос с 2,5 до 40 млрд долл., экономический рост упал с 8 до 1% в год, а многие предприятия «были приватизированы иностранными компаниями». Все это особого удивления не вызывает, учитывая политику «возрождения и реформ», проводившуюся аль-Харири и стоившую, конечно, дорого, но дававшую результаты.

Тем не менее разные версии убийства аль-Харири, противоречащие друг другу, бытуют до сих пор. Официальные лица Израиля продолжали возлагать ответственность за убийство аль-Харири на Сирию. Но более заслуживает внимания версия известного британского знатока Ближнего Востока Патрика Сила, который предполагает, что виновны в убийстве аль-Харири не сирийцы, а Израиль, а также правые христиане или ультраисламисты Ливана, у которых были свои претензии к погибшему премьеру. Вместе с тем он считал, что сирийцы невольно дали повод для обвинений со стороны своих многочисленных врагов и не только, вмешавшись во внутренние дела Ливана и побудив его парламент принять поправку к конституции, позволившую президенту Лахуду продлить на 3 года свое пребывание у власти³³³.

Выдвинутый кланом аль-Харири, 35-летний сын убитого премьера Саад, естественно, не мог сразу же заменить отца, не обладая

его опытом, авторитетом и достижениями. Тем не менее он выставил свою кандидатуру и был избран в парламент, а в апреле 2005 г. сопровождал саудовского принца Абдаллаха ибн Абд аль-Азиза в его поездке в США. Тем самым Саад аль-Харири показал, что он намерен, подобно своему отцу, да и большинству ливанских деятелей, придерживаться «многовекторности» внешнеполитической ориентации, сохранению связей и с Востоком, и с Западом. Тактически это было правильно, и Саад аль-Харири вскоре стал премьером.

Несмотря на неуклонное возрастание и удельного веса, и абсолютной численности, и реального влияния мусульман, все же политическая и экономическая роль христианских общин Ливана оставалась весьма значительной. Наиболее влиятельным объединением христиан к этому времени была лига «Курнат Шехван», названная так по селению в горном районе Метн (резиденции маронитского архиепископа), где эта лига и была образована 30 апреля 2001 г.³³⁴ Среди 29 ее членов-основателей преобладали депутаты и экс-депутаты парламента от маронитов, а духовным лидером лиги стал маронитский патриарх Насраллах Бутрос Сфейр (1986–2011). В дальнейшем в лигу вступили православные, греко-католики, яковиты, но основу по-прежнему составляли марониты. К 2005 г. в лигу уже входили, помимо известных (и независимых) деятелей, такие партии, как «Катаиб», Национально-либеральная, Маронитская лига. К этому же времени с «Курнат Шехван» стала сотрудничать и ИСПП Джумבלата, т. е. лига постепенно превращалась в коалицию.

Программа коалиции предусматривала независимость Ливана и разрешение внутриливанских противоречий путем диалога, а не конфронтации. «Дух Тайфа» должен соблюдаться. Равноправие граждан Ливана должно быть гарантировано, а судебная система — деполитизирована. Необходима защита рубежей Ливана от Израиля, представляющего основную внешнюю угрозу для страны. Войска Сирии подлежат выводу из Ливана, и обе страны должны строить взаимоотношения на равноправной основе. Также предусматривались «национальное примирение, возвращение изгнанников, признание нового избирательного закона, всеобъемлющее и справедли-

вое мирное урегулирование с Израилем, содействие созданию палестинского государства со столицей в Иерусалиме»³³⁵.

Это была уже не прежняя односторонне прозападная и лояльная к Израилю позиция маронитов и вообще христианского блока Ливана. Это была «весьма модернизированная» позиция упомянутого блока, но под сильным воздействием (используя выражение историка Ливана П. А. Рассадина) «нового расклада сил в условиях продолжавшегося до 2005 г. сирийского военно-политического господства ... с существенным ограничением властной роли маронитов и фактическим ростом военно-политического влияния мусульманских общин». К этому надо добавить также укрепление влияния общины друзов и постоянные перемены в верхах ливанской элиты всех конфессий³³⁶.

Для верхушки христиан, особенно маронитов, 15 лет доминирования Сирии были «периодом разочарования и крушения надежд». Христианское население уменьшалось ввиду усиления его традиционной эмиграции (в Африку, Азию и Америку) и падения рождаемости вследствие ухудшения социально-политических и материально-бытовых условий жизни (хотя и не везде). Объективно оба эти процесса фактически поощрил Р. аль-Харири, предоставивший в 1994 г. ливанское гражданство 450 тыс. чел. (включая 27 тыс. палестинцев, а также множество прочих мусульман и даже цыган). Тем самым «бизнесмен-миротворец» (как называли премьера его противники) окончательно вывел на первое место в «таифском» Ливане суннитов и шиитов, что отвечало интересам Саудовской Аравии и Ирана, но никак не Запада и, тем более, христианских общин³³⁷. Что, кстати, существенно расширяет круг тех, кто мог считать аль-Харири врагом и покушаться на его жизнь.

Оппозиция после убийства аль-Харири вообще приобрела в Ливане, по мнению ряда наблюдателей, довольно «странный» вид. Она не выдвигала никаких экономических требований, скорее всего потому, что эти требования у разных фракций оппозиции были далеко не идентичны. После собрания лидеров оппозиции 19 февраля в Бейруте их неформальным главой стал Валид Джумблат, резко обвинявший в убийстве аль-Харири власти Ливана и Сирии. Но он поддерживал «дух Таифа», предостерегал США от использования

ситуации в Ливане против Сирии и критиковал США и страны Европы за попытки разоружить «Хизб Аллах», которая «состоит из сыновей нашего народа, освободивших нашу страну от израильской оккупации». Осуждая президента Лахуда за его неконституционные действия, Джумблат одновременно установил в апреле 2005 г. контакты с вождем «Хизб Аллах» Х. Насраллахом, и.о. премьера У. Караме и председателем парламента Н. Берри³³⁸.

В то же время деятельность оппозиции во многом сводилась к антиправительственной риторике. «Курнат Шехван» резко критиковала экономическую политику правительства, отвергала его вмешательство в дела политических партий, прежде всего оппозиционных, требовала освобождения политических узников и гарантии демократических свобод. Одновременно Лига старалась найти общий язык с другими группами оппозиции и даже сумела «перевернуть страницу в отношениях с палестинцами». Но положение Лиги, как и прочих объединений христиан, оставалось двусмысленным. Многие на Западе считали, что Сирия после отъезда Мишеля Ауна «обращается с Ливаном как с завоеванным государством», но премьер Умар Караме возражал на это: «Ясно, что Сирия не имеет желания, как некоторые считают, поглотить Ливан, колонизовать его или захватить его доходы»³³⁹.

В 2005 г. Сирия, учитывая сложившуюся в арабском мире обстановку, вывод войск Израиля из Южного Ливана, а также тянувшийся с октября 2004 г. внутриливанский кризис, порожденный продлением полномочий президента Лахуда (обвинявшегося многими в «просирийской» позиции), реализовала вывод своих войск из Ливана, хотя руководство ливанской армии и сил внутренней безопасности признало, что оно «не сможет в полной мере заменить» уходящих сирийцев. Однако Сирия продолжала вывод своих подразделений, тем самым одновременно удовлетворяя требование большинства ливанцев, особенно христиан, и ослабляя давление со стороны США, Израиля, ЕС и Лиги арабских государств. Но на ситуации в Ливане это сказывалось самым отрицательным образом: в стране возрастал незаконный оборот фальшивых документов и оружия, стало обостряться положение в лагерях палестинских беженцев, где разного рода исламоэкстремисты, включая эмиссаров

«Аль-Каиды», стали интенсивно вытеснять светскую организацию «Фатх», подобно тому, как это происходило на оккупированных территориях Западного берега Иордана и сектора Газы³⁴⁰.

Исламоэкстремизм давно уже бытовал в Ливане (первые группы исламистов здесь — с середины 40-х гг. XX в.), но сирийские войска были серьезной преградой на пути его распространения и усиления, в том числе в лагерях палестинцев, в основном находившихся с 1982 г. под контролем сирийцев. В 1983 г. в Ливане впервые громко заявила о себе «Хизб Аллах», организовав теракты против многонациональных сил миротворцев ООН, а затем захватив заложников из ряда стран, включая СССР. Однако это были операции, предназначенные, скорее, для пиара и прорыва блокады Ирана и благодаря которым, по мнению В. В. Куделева, «Хизб Аллах» стала к 1983 г. «единственным реализованным детищем политики экспорта иранской революции»³⁴¹. Более того, будучи квинтэссенцией боевитости шиитов, «Хизб Аллах» в дальнейшем не раз вставала преградой на пути более массового и опасного суннитского исламоэкстремизма.

Представлявшая это направление исламоэкстремизма «Аль-Каида» попыталась сформировать свои филиалы в Ливане примерно к середине 2005 г. Именно тогда спецслужбы Ливана раскрыли первые группы боевиков «Аль-Каиды», арестовав из них 13 чел. (3 ливанцев, 7 сирийцев, 1 иорданца, 1 палестинца и 1 саудовца), в основном проникших в страну из Ирака, где с 2003 г. развернулась массовая вооруженная борьба против американских оккупантов с весьма активным участием исламистов всех стран. В декабре 2005 г. одна из групп «Аль-Каиды», также скрытно пробравшаяся в Ливан, обстреляла с его территории Израиль. Тогда же лидер «Аль-Каиды» в Ираке Абу Мусаб аз-Заркауи обвинил «Хизб Аллах» в том, что это движение якобы служит «щитом» для Израиля, представляет собой «независимое государство внутри Ливана» и будто бы являет собой «стену безопасности (для Израиля), мешая суннитам пересекать границы». Так, впервые стало известно о непримиримых противоречиях между суннитской «Аль-Каидой» и шиитской «Хизб Аллах». Это помешало «Аль-Каиде» создать в Ливане сколько-нибудь значительный филиал. Его роль с 2006 г. стала выполнять

небольшая организация «Фатах аль-Ислам» (Победа ислама), укрепившаяся в одном из лагерей палестинских беженцев Нахр аль-Барид близ города Триполи — оплота ливанского суннизма³⁴².

В 2007 г. «Фатах аль-Ислам» решила померяться силами с ливанской регулярной армией. По данным ливанского филиала другой (верной Арафату и к тому же светской) палестинской группировки «Фатх», до этого в Нахр аль-Барид из Ирака были переброшены 150 боевиков, которые и образовали основу «Фатах аль-Ислам». Экстремистов возглавил уроженец г. Иерихона Шакир Абси, до этого бывший пилот ВВС Ливии, судимый во многих арабских странах, а в Иордании даже приговоренный к смерти. По данным МВД Ливана, «Фатах аль-Ислам» уже в феврале 2006 г. совершила теракт близ Бейрута, стоивший жизни трем ливанцам. В мае-августе 2007 г. ливанская армия штурмовала укрепления Нахр аль-Барид, потеряв в этих боях 136 чел. только убитыми. Экстремисты были разгромлены, но их глава Абси скрылся. Погиб лишь его заместитель Абу Хурейра³⁴³.

Поражение «Фатах аль-Ислам» явилось лишним подтверждением чисто военной (но не экономической и не политической) слабости суннитов Ливана, временно выдвинувшихся на первые роли благодаря личной одаренности и дипломатическим талантам Рафика аль-Харири. Но с его гибелью сунниты вновь были оттеснены на второй план шиитами. Это весьма убедительно продемонстрировала война Израиля против «Хизб Аллаха» в 2006 г., следующим образом охарактеризованная израильским историком А. Д. Эпштейном: «Война на ливано-израильской границе вспыхнула 12 июля 2006 года совершенно неожиданно, продолжалась более месяца... и закончилась, не принеся победы ни одной из вовлеченных в конфликт сторон. По официальным данным правительства Ливана, в результате конфликта в этой стране погибло 1187 человек и 4092 человека были ранены. По оценкам Управления ООН по координации гуманитарной деятельности, с 12 июля по 14 августа были вынуждены покинуть свои места проживания более миллиона ливанцев, из которых почти четверть временно покинули страну. На израильской стороне с 12 июля по 14 августа было убито 43 гражданских лица и 117 военнослужащих; 33 жителя Израиля были серьез-

но ранены, а 68 получили ранения средней тяжести. В течение этого времени по территории Израиля было выпущено 3970 ракет, из которых 901 попала в городские районы; 300 000 жителей фактически стали беженцами, а более миллиона человек были вынуждены в течение некоторого времени проводить дни и ночи в бомбоубежищах»³⁴⁴.

Интересно и то, что для оценки итогов войны (пусть и неполных) Эпштейн привлек цитату из заявления президента России В. В. Путина от 25 октября 2006 г.: «Значительная часть израильского общества не удовлетворена действиями своего руководства в ливанском конфликте. Многие рассматривают происшедшие события как поражение». Далее следует комментарий автора: «Эта оценка представляется вполне справедливой»³⁴⁵.

Справедливость данной оценки подтверждалась и следующими высказываниями прессы Израиля: «Они (бойцы «Хизб Аллах». — *Р. Л.*) удивили нас “катюшами”, ... ракетами “Аль-Фаджр” и ... ракетами большой дальности “Зальзаль”. Они удивили нас противотанковыми ракетами..., оперативным мастерством, продемонстрированным отрядами, действующими против танков. Они удивили нас бункерами и маскировкой... своим умением руководить боевыми действиями и способностью контролировать ситуацию. Они удивили нас своим стратегическим видением, способностью эффективно сражаться и боевым духом. Они удивили нас тем, какую поразительную силу может продемонстрировать маленькая, готовая на смерть армия, обладающая низким технологическим уровнем, но высокой религиозной мотивацией». Газеты Израиля признавали, что «Хизб Аллах» выпускала «ежедневно до 200 смертоносных зарядов», заранее рассчитав возможность вторжения израильтян вглубь Ливана, укрепила там свои позиции, а когда вторжение началось, то противотанковое оружие «Хизб Аллах» пробивало броню израильских танков»³⁴⁶.

Все вышеизложенное свидетельствовало о том, что, несмотря на сохраняющееся чисто военное преимущество Израиля над арабами (об этом говорят хотя бы цифры потерь той и другой стороны конфликта), «Хизб Аллах» неуклонно наращивает свой военный потенциал и хоть и с трудом и ценой многочисленных жертв, но постепенно

обретает способность противостоять Израилю. Ведь в ходе войны 2006 г. Израиль не добился ни одной из поставленных целей, а именно — не смог разгромить «Хизб Аллах», тем более — уничтожить ее как политическую силу, и даже не получил захваченного в плен израильского капрала Гилада Шалита³⁴⁷.

Противоборство Израиля с «Хизб Аллах» было вызвано не только стремлением израильтян вытеснить (не географически, разумеется, а в военно-политическом смысле) с Ближнего Востока Иран и нейтрализовать наиболее мощную и боеспособную силу мусульман Ливана. Чрезвычайно важно было для Тель-Авива, как во многом и для столиц Запада, устранить «Хизб Аллах» как хорошо вооруженного и организованного союзника ПДС. «Хизб Аллах» с 1996 г. засылала своих бойцов на территорию Израиля и оккупированных им палестинских областей, внедрялась (если верить данным израильской разведки) в структуры Палестинской автономии. В 2001 г. генсек «Хизб Аллах» Хасан Насраллах заявил, что его организация должна «принять на себя свою долю ответственности и никогда не допускать, чтобы палестинцы боролись одни». А духовный лидер «Хизб Аллах» Мухаммед Хусейн Фадлаллах в 2003 г. опубликовал статьи «Мы победим или падем вместе с палестинцами» и «Палестина — боевой фронт, на котором решается будущее нашего региона». В том же году Насраллах подчеркнул, что «палестинский вопрос так или иначе касается каждого мусульманина на земле», а в апреле 2005 г. его заместитель Наим Касем обещал оказать палестинцам материальную и всякую иную помощь, признав «своим долгом» сотрудничество с ПДС «во всех возможных и приемлемых формах».

Лидеры «Хизб Аллах» не только говорили, но и делали. С октября 2000 г. они провели ряд встреч в Бейруте, Дамаске и Тегеране с руководителями разных фракций ПДС. В 2000–2002 гг. ряд агентов «Хизб Аллах» (не только ливанских шиитов, но также друзов и мусульман из Израиля) были задержаны в Израиле по обвинению в хищении оружия и сборе разведданных. В 2002 г. «Хизб Аллах» оказывала помощь 7, в 2003 г. — 14, в 2004 г. — 50 палестинским группам. Из них 38 были связаны с секциями «Фатха» на Западном берегу Иордана, а 4 — с марксистами из Народного фронта освобо-

ждения Палестины (НФОП). Характерно, что гораздо меньше «Хизб Аллах» помогала религиозным организациям — трем группам ХАМАС (господствовавшего в Газе) и шести ячейкам «Исламского джихада», мало чем отличавшегося от ХАМАС. Причина относительно прохладного отношения к ним — их принадлежность к враждебным шиизму суннитам и давние связи с конкурентами шиитов «братьями-мусульманами» Египта. Сближали их с шиитами только антиизраильские и антизападные настроения³⁴⁸.

В 70-е гг. Ариэль Шарон, будущий командующий армией, военный министр и премьер-министр Израиля, говорил: «Палестинское государство уже существует, и это — Иордания». Данный тезис, совершенно нереальный после «черного сентября» 1970 г., изгнания ПДС из Иордании в 1971 г. и официального отказа Иордании в 1973 г. от палестинских территорий, сегодня опять берется на вооружение правящими кругами Израиля, хотя многие израильтяне считают, что у их лидеров «нет никакой программы по палестинскому вопросу»³⁴⁹. Кроме того, результаты войны 2006 г., по мнению А. Д. Эпштейна, фактически свидетельствуют о неудаче Израиля, ибо ему «нет ни малейших оснований гордиться тем, что ... в Ливане были убиты 1084 мирных жителя, треть из которых — дети». В то же время боевые потери Израиля (119 погибших военнослужащих) превысили таковые Ливана (40 солдат и полицейских, 61 боевик «Хизб Аллах», 7 боевиков «Амаль» и 1 боец НФОП, т.е. 109 человек)³⁵⁰.

Следует отметить довольно энергичные усилия аппарата и Генерального секретаря ООН по нейтрализации ливано-израильского конфликта. По этому вопросу Совет Безопасности ООН принял три резолюции (от 2 сентября 2004 г., 17 мая и 11 августа 2006 г.), а Генсек ООН дважды (18 августа и 12 сентября 2006 г.) выступил с докладами об осуществлении этих резолюций и о развитии ситуации в Ливане. В докладе 18 августа отмечался, в частности, «ливанский национальный консенсус при участии всех сторон, который позволил начать развертывание в южной части (Ливана. — *Р. Л.*) Ливанских вооруженных сил» и выражалось «удовлетворение в связи с достижением прочного консенсуса в Ливане» в поддержку миротворческих усилий ООН³⁵¹. Генсек ООН также одобрил со-

трудничество с ООН командующего ливанской армией генерала Мишеля Слеймана, развернувшего вдоль границы Ливана с Сирией 8 тыс. военнослужащих и принявшего «аналогичные меры... вдоль 200-километровой береговой линии в целях обеспечения безопасности морских границ». В этом деле одобрение Генсека вызвала также просьба премьер-министра Ливана Фуада ас-Синьоры «об оказании помощи... в обеспечении безопасности морской границы Ливана и морских пунктов въезда в Ливан... до тех пор, пока ВМС и силы безопасности Ливана не будут в состоянии самостоятельно решать эти задачи». Предусматривалась также подготовка личного состава ВМС Ливана при участии Греции, Италии, Великобритании и Франции³⁵².

События 2005–2006 гг. свидетельствовали о том, что Ливан постепенно, медленно, еще не залечив всех ран, нанесенных гражданской войной, но все же встал на путь национального возрождения, восстановления экономики и государственного суверенитета. Этому способствовали общая усталость ливанцев от бесконечных военных конфликтов и террора, определенные успехи в ликвидации послевоенной разрухи (достигнутые главным образом в «период аль-Харири» в 1992–2004 гг.) и многое из того, что успел сделать аль-Харири и в политической, и в экономической, и в социокультурной жизни. В результате изменения численного соотношения мусульман и христиан большинство депутатов-христиан стали избираться избирателями-мусульманами (за исключением 15 представителей христианских округов). Поэтому на выборах в мае–июне 2005 г. суннитское объединение «Аль-Мустакбаль» (Будущее) во главе с Саадом аль-Харири получил 36 мест в парламенте, «Хизб Аллах» и примкнувшие к ней — 20, сторонники Ауна и их союзники — 21, ПСП Джумблата — 16, «Амаль» — 15, правые христиане — 12 мест³⁵³. В результате сунниты, шииты («Хизб Аллах» и «Амаль») и друзья в общей сложности получили 80 депутатских мандатов (из 128) против 33 у христиан и стали играть в стране более важную роль, что способствовало пусть не полной, но все же относительной стабилизации в стране. Одновременно это означало и уменьшение влияния внешних сил (в том числе западных держав) на внутриполитическую жизнь Ливана.

Однако уменьшение влияния не означало его полного исчезновения. Как отмечает В. В. Наумкин, хотя «Хизб Аллах» праздновала победу, даже вошла в правительство Ливана и «получила ... фактическое право вето» на все решения кабинета министров, «это не положило конец острым различиям между различными политическими силами страны». И зарубежные факторы, в частности деятельность египетской разведки, правящих кругов Сирии, дипломатии Израиля, Турции и Франции, не были чужды этим разногласиям. Они «играли свою роль» в посредничестве между соперничавшими ливанскими группировками, как и власти Катара, способствовавшие заключению компромисса между этими группировками, что предотвратило «сползание страны к новой гражданской войне»³⁵⁴.

ЛИВАН И «АРАБСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕСНА»

Являясь неотъемлемой частью арабского и мусульманского мира, Ливан при всей своей специфике и стремлении занять «особое место» все же тесно связан с окружающими его странами. О воздействии на него всего происходящего в Палестине и в Израиле сказано уже немало. Связь с Иорданией осуществлялась через ПДС, с 1972 г. вообще перебазировавшегося из Иордании в Ливан, связь с Египтом — через Арабский (контролируемый Каиром) и Американский университеты в Бейруте, многочисленных трудовых и прочих мигрантов, общеарабские организации (типа Движения арабских националистов) и Лигу арабских государств. Вторжения армии США в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г. не оставили ливанцев равнодушными: некоторые из них поехали туда сражаться против «неверных». Все, что происходит с Ираном и Ираком, волнует шиитов Ливана, да и вообще политическую элиту страны. Гражданская война в Алжире в 1992–2002 гг. (фактически дольше) также была объектом внимания (и участия) ливанцев-суннитов.

Вследствие всего этого Ливан никак не мог остаться в стороне от массовых выступлений молодежи в Египте и Тунисе, а затем в Ливии и Сирии, вылившихся вскоре в уличные беспорядки и попытки захвата власти исламистами. Такие же попытки имели место в Алжире, Марокко, Иордании, на Бахрейне и в Йемене, но без особого успеха. Восторжествовав в Ливии, исламисты вскоре потерпели крах в Египте и Тунисе, но сумели навязать тяжелую многолетнюю борьбу народу Сирии. Из Сирии они, перегруппировав свои силы, распространили боевые действия на Ирак и Курдистан. Пользуясь сообщничеством сравнительно немногочисленных исламоэкстремистов Ливана, они периодически отходили на его территорию в целях отдыха, пополнения личного состава, перевооружения и под-

готовки новых акций, в основном за пределами Ливана, но иногда и на его территории. Но сам Ливан, как страна с непривычными для большинства арабов условиями жизни в горах, а главное — страна с суннитским меньшинством, не был целью экстремистов.

Тем не менее на территории Ливана вновь начались боестолкновения, инциденты, покушения, акты террора и т.п. Этому способствовала политическая обстановка, характеризовавшаяся старыми счетами, обидами и претензиями общин друг к другу, взаимным недоверием и подозрительностью, нерешенностью многих проблем.

Несмотря на официальное прекращение гражданской войны, подлинный мир в Ливане так и не наступил. Опирающееся на парламентское большинство, а также на поддержку Запада правительство Фуада ас-Синьоры (в прошлом одного из сотрудников Р. аль-Харири, представлявшего деловые круги суннитов Сайды) не могло совладать именно с внутривосточной ситуацией в стране, в которой после гибели Р. аль-Харири не было общепризнанного лидера, а претендовавший на это место президент Лахуд был непопулярен в глазах многих — даже нелегитимен (ввиду неконституционного продления им своего срока пребывания на высшем посту государства). В то же время недовольство маронитов (да и прочих христиан), долгое время игравших в стране ведущую роль, вызывало усиление позиций мусульман и друзов, но особенно — исламских радикалов, которые тоже не ладили между собой, так как быстро набиравшая очки шиитская «Хизб Аллаха» стала превосходить по своему влиянию не только соперничавшую с ней шиитскую «Амаль», но и связанных с «Аль-Каидой» экстремистов-суннитов³⁵⁵.

Поэтому, несмотря на всё сделанное Р. аль-Харири и последующие усилия в правительстве и парламенте его сторонников («Альянс Харири»), спокойствия в стране не было. Выше уже говорилось о провокациях суннитских экстремистов в Триполи и расположенном рядом палестинском лагере Нахр аль-Барид, где боевики «Фатах аль-Ислам» нападали на армию Ливана. Аналогичные атаки вели ультраисламистские группы «Джунд али-Шам» в лагере Айн аль-Хильва вблизи Сайды. Теракты происходили также в Бейруте и его окрестностях, причем были направлены и вовне (подобно

запуску трех ракет по территории Израиля), и внутри страны (в частности, против миротворцев ООН на юге Ливана, шестеро из которых погибли). Выход из правительства Ф. ас-Синьоры шести министров от оппозиции в ноябре 2006 г. усилил политическую напряженность в стране, которая и так не спадала в течение первой половины 2007 г. в связи с вопросом особого международного трибунала ООН по делу об убийстве Р. аль-Харири. Когда положительная резолюция о создании такого трибунала, несмотря на резкие возражения ливанской оппозиции (70 ливанских депутатов протестовали против ее одобрения в апреле 2007 г.), все же была принята, она вызвала шквал критики. Генсек «Хизб Аллах» Х. Насраллах охарактеризовал резолюцию как вмешательство во внутренние дела Ливана, нарушение принципов и Устава ООН. Примерно ту же позицию заняла «Амаль». Представитель России в Совете Безопасности ООН В. Чуркин заявил, что резолюция «ущемляет суверенитет Ливана и сомнительна с точки зрения международного права». С новой силой возобновились теракты, нападения на подразделения армии, взрывы в школах, церквях, религиозных кварталах и центрах³⁵⁶.

Естественно, результатом этой новой вспышки насилия стал частичный возврат к политической дестабилизации страны. Не успевшие забыть кошмар гражданской войны ливанцы, неважно — правые или левые, христиане или мусульмане, по наблюдениям А. В. Сарабьева, в очередной раз почувствовали «незащищенность своих семей, своих домов и своего бизнеса... Однако особенность сложившейся ситуации заключается в том, что конфессиональная подоплека конфликта как будто отсутствует, просуннитские организации устраивают беспорядки в городах с большинством суннитского населения (Триполи),³ затем подвергают опасности полного разрушения лагерь с палестинцами-суннитами, против них действует армия, руководимая правительством, где ведущие позиции принадлежат политикам-суннитам»³⁵⁷.

Более того, как выяснилось к маю 2007 г., отсутствовала на деле и национальная подоплека конфликта, так как и «Фатах аль-Ислам», и «Джунд аш-Шам» по своему составу — не ливанские, а весьма пестрые этнически: кроме ливанцев, относительно немногочисленных, среди боевиков этих групп были сирийцы, палестинцы,

саудовцы, йеменцы, алжирцы, марокканцы и даже выходцы из Бангладеш. Это объяснялось как относительной слабостью радикального суннизма в Ливане, о чем выше говорилось, так и усиленной активностью в Ливане с 80-х гг. организаций, «разделяющих идеологические ориентиры вселенского джихада, обладающих ячейками, способными дестабилизировать обстановку в стране». Они пополнялись (и даже формировались) ультраисламистами из Палестины, Алжира, Сирии, Египта, Саудовской Аравии и Ирака. Потерпев неудачу в той или иной стране, они, как правило, стремились укрыться в Ливане, где после окончания гражданской войны было относительно спокойно, чем и воспользовались «Джунд аш-Шам», «Асбат аль-Ансар» и другие группировки, охотно привлекавшие в свои ряды «моджахедов-возвращенцев» из горячих точек³⁵⁸.

Многих из них с 2003 г. перебрасывали в Ирак, а оттуда принимали раненых и отступающих. Была создана целая сеть по вербовке и переправке боевиков в Ирак, преимущественно йеменцев, сирийцев, иорданцев и саудовцев. Эмиссары «Аль-Каиды», появившиеся в это время в Ливане, особое внимание уделяли палестинским беженцам, в первую очередь имевшим опыт войны в Ираке или подпольной работы в Израиле. Однако ныне и среди палестинцев Ливана подвизается немало исламистов из других стран. В частности, в ходе боев только в Нахр аль-Барид в 2007 г. было выявлено до 50 боевиков родом из Алжира, Марокко и Туниса (а сколько не выявлено?). Интернационализация этнического состава суннитских экстремистов в Ливане к тому времени достигла столь высокого уровня, что лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири в апреле 2008 г. даже назвал Ливан (не вполне заслуженно) «форпостом движения джихада на Ближнем Востоке» и призвал создать в этой стране «суннитскую автономию». Очевидно, с 1984 г., когда сунниты составляли 21% населения Ливана (750 тыс. чел.), их доля возросла за счет притока единомышленников из соседних стран. А для «Аль-Каиды» Ливан всегда представлялся удобной позицией и для атаки на миротворческие силы в южной части страны, и для нападения на северные районы Израиля. Поэтому аз-Завахири подчеркнул «ключевую роль» Ливана в борьбе против Запада и Израиля³⁵⁹. Однако

при все возрастающем численном преимуществе и политической организованности шиитов, независимости друзов и антиисламистской позиции христианских общин суннитским экстремистам не удалось закрепиться в Ливане.

Тем не менее не стоит сбрасывать со счетов существовавшие в Ливане давние корни исламского традиционализма, в частности салафизма (следования идеям возврата к «чистоте» веры предков — от «салаф», т.е. «предки, предшественники»). Районы Аккар и Дунийя близ Триполи более полувека являются центром распространения салафизма, главным проповедником которого в Ливане был шейх Салим аш-Шаххаль (ныне таковым является его племянник Хасан аш-Шаххаль), в основном воспринявший идеи реформатора ислама Рашида Риды, подробно излагавшиеся в египетском журнале «Аль-Манар». До 80-х гг. XX в. салафиты вели себя мирно, поддерживая лояльный контакт с другими течениями ислама. Но с возвращением в страну радикально настроенных «арабских афганцев» положение изменилось. Часть салафитов стала выступать за создание государства «чистого ислама» уже в 80-е гг., объединившись в рядах «Нуват аль-Джейш аль-Исламий» (Ядро армии ислама)³⁶⁰.

С 1999 г. начинаются стычки салафитов с армией Ливана (первый бой с армией в течение 6 дней вела группа ветерана «афганского джихада» Б. Канджа). Далее последовали уже упомянутые 3-месячные столкновения 2007 г. с армией организации «Фатах аль-Ислам». Разбитая в лагере Нахр аль-Барид, она все же сохранила свои позиции в лагерях Айн аль-Хильва, Бадави, Бурдж аш-Шимали и Рашидийя. Тогда же «Фатах аль-Ислам» установила прочную связь с «Джунд аш-Шам». Кроме того, салафиты постепенно даже расширили сферу своего влияния. Часть их занялась изучением трудов мусульманских философов и особенно идеологов салафизма. Их возглавил директор института аль-Бухари в Аккаре шейх С. аль-Кабби. Наряду с ним лидерами «академического салафизма» стали также шейхи Хасан аш-Шаххаль, Амануллах аль-Джами и аз-Зубаи, проповедующие это учение в университете аль-Файха (в пригороде Триполи Абу Самра). Существует и другое течение, в которое входят сторонники борьбы за торжество салафизма сугубо военными методами. К ним относятся группировки шейха Зейн аль-Абидин

бен Срура (постоянно проживающего в Лондоне, подальше от зоны боев), движение «Мадхалийя» (Вмешательство) и «Даи аль-Ислам» (Проповедник ислама) аш-Шаххаля, связанные со сторонниками «чистого ислама» из государств Персидского залива. Есть и менее организованные группы «неоджихадистов», действующие стихийно, от случая к случаю, под воздействием антипатий к Западу или шиитам³⁶¹.

Антипатии к Западу в ливанском обществе, особенно среди мусульман, не ослабевали. Причин тому было немало. Но с 2004 г. к ним следует присоединить также инициативу США по поводу «Большого Ближнего Востока», предусматривавшую «проведение широких политических, демократических и экономических реформ» в странах региона от Пакистана до Северной Африки «в обмен на масштабную финансовую помощь Запада». Конкретно говоря, США, исходя из «неправильного» устройства Ближнего Востока после Первой мировой войны преимущественно Англией и Францией, настаивали на «правильной» перестройке режимов (а кое-где и территориальных пределов) стран Ближнего Востока с введением в них «демократии» (по американскому образцу), «свободных выборов» и «просвещенного общества»³⁶².

Все эти прекрасные слова на Востоке звучали как абстрактные формулы, лишенные реального содержания и оторванные от действительности ближневосточных стран, в которых демократия понималась как жизнь по патриархальным обычаям и канонам кланов, племен, кровно-родственных, территориальных и религиозных общин и сект, свобода выборов сводилась не к выражению **индивидуального** мнения избирателя, а к более или менее адекватному (и редко достижимому) представительству интересов тех же кланов, племен, общин, этносов и конфессий, вернее интересов их элит. Жители Ближнего Востока к тому же были возмущены бесцеремонным вмешательством в их внутренние дела и отлично понимали, исходя из их прежнего опыта, что «просвещенное общество», предлагаемое им Западом, означает не что иное, как навязывание западных стандартов в понимании правил и образа жизни, отношения к религии и поведению в быту вплоть до «вестернизации» нацио-

нальной культуры, образования, манеры одеваться, питаться и развлекаться.

Именно поэтому дипломатия прежде всего арабских стран отвергла инициативу США. Не раз арабские лидеры указывали США на необходимость прежде всего решить экономические и социальные проблемы арабов, а уж потом заниматься реформами, как отметил президент Египта в марте 2004 г., «с учетом национальных особенностей, традиций, влияния религий и собственного политического опыта». Чуть позже он же в беседе с премьер-министром Англии заявил, что «любая модернизация должна опираться на традиции и культуру региона». Пресса Египта предупреждала, что реализация американского плана может привести к власти в странах Ближнего Востока «руководство, настроенное более враждебно по отношению к США»³⁶³.

Не приходится удивляться после этого, что через 7 лет США фактически поддержали свержение египетского президента Мубарака, хотя он всегда был лоялен по отношению к США. Но им этого было недостаточно. Задуманная ими трансформация «Большого Ближнего Востока» предполагала устранение всех лидеров как неояльных, вроде Саддама Хусейна в Ираке или Муаммара Каддафи в Ливии, так и лояльных, вроде Хосни Мубарака в Египте или Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе. Им нужны были послушные марионетки, каковых они пытались найти среди исламистов Египта, Туниса и Ливии, но потерпели неудачу, которая была предопределена, ибо на Востоке в роли открыто проамериканских режимов могут выступать лишь феодальные монархии с крепкой традиционной основой и мощным истеблишментом, являющиеся к тому же религиозно почитаемыми теократиями, каковы в арабском мире Марокко и Иордания (чей проамериканизм достаточно условен), а в первую очередь «нефтекратии» Персидского залива.

Подтверждается это хотя бы позицией Ливана, всегда считавшегося ориентированным на Запад. Министр иностранных дел Ливана Жорж Обейд заявил в апреле 2004 г., что «демократические модели не могут быть импортированы в страны региона». При этом его заявление было достаточно осторожным по сравнению с обвинением его саудовского коллеги принца Сауда аль-Фейсала в адрес

планов США «силой внедрить демократию в арабском мире». В конце концов США формально отказались от своей инициативы к исходу марта 2004 г., но на деле пытались, где возможно, реализовать хотя бы отдельные пункты их злополучного плана, который был ими как бы невзначай опубликован в мае 2004 г. и вызвал критику короля Иордании Абдаллаха II, генсека Лиги арабских государств Амра Мусы и, наконец, сессии ЛАГ 22–23 мая 2004 г. в Тунисе, где одновременно, в качестве шага к компромиссу, была признана необходимость преобразований в арабском мире³⁶⁴. Однако практических шагов в этом направлении сделано не было.

Постепенно выяснилось, что США вовсе не были заинтересованы в действительно демократических преобразованиях на Ближнем Востоке, тем более — проводимых без их вмешательства. Наоборот, они стремились воспользоваться теми или иными слабостями или упущениями в политической практике арабов, дабы подчинить их себе, а в случае отказа подчиниться — принудить их к этому силой. В частности, советник президента США по национальной безопасности К. Райс сочла, что на Ближнем Востоке «дефицит свободы» — якобы причина терроризма, приписываемого ею, кстати, странам, «которые не хотят идти в фарватере американской политики». О том, что терроризм нередко провоцируется именно агрессивностью США, речь, разумеется, не шла³⁶⁵.

Политическая обстановка в Ливане всегда была сложной. Но после 2004 г. она особенно усложнилась. Наряду с проправительственными силами и оппозицией существовали и так называемые «перебежчики», менявшие свою позицию в зависимости от ситуации. Возникла в феврале 2005 г. и «третья сила» — группировка бывших министров и прочих политиков как христиан, так и мусульман (что свидетельствовало о практическом размытии принципа конфессионализма) во главе с экс-премьером Салимом аль-Хуссом. Цель свою они видели в сохранении национального единства и ливанского государства, которому, по их мнению, угрожали бесконечные споры власти и оппозиции. Практически к компромиссу между ними призвала депутат Бахия аль-Харири (сестра убитого премьера), выступившая в защиту Таифского соглашения, ставшего «конституцией», за сохранение боевых отрядов «Хизб Аллах» в ка-

честве движения сопротивления Израиллю, за дружбу с Сирией. Многообразную картину политического спектра Ливана дополняли всякого рода «умеренные оппозиционеры», а также «Хизб Аллах», остававшаяся вроде бы в оппозиции, но избежавшая конфронтации с президентом Лахудом и считавшая своим главным оппонентом христианскую часть оппозиции³⁶⁶.

«Хизб Аллах» впервые получила пост министра в правительстве Наджиба Микати, 50-летнего суннита, выпускника Гарварда, бессменного с 1998 г. члена всех кабинетов и сторонника аль-Харири, преуспевающего бизнесмена (в том числе в Сирии). Личный друг президента Сирии Б. Асада, Микати считался, тем не менее, «умеренно просирийским» деятелем, что дало ему поддержку и сторонников властей, и оппозиции среди депутатов. Сам Микати считал свое правительство «переходным», члены которого обязывались не выставлять свои кандидатуры на парламентских выборах 2005 г. и ограничивали свои задачи организацией выборов, содействием международному расследованию убийства Р. аль-Харири, стабилизацией экономики Ливана³⁶⁷.

Как уже отмечалось ранее, выборы в мае–июне 2005 г. дали преимущественно суннитам, шиитам и друзьям (80 мандатов против 33 у христиан), что совершенно не устраивало США и Запад в целом, так как Ливан прямо у них на глазах переставал быть откровенно прозападным государством с ориентацией на блок НАТО. Поэтому США стали делать все больший упор на якобы «господство» Сирии в Ливане, стали требовать от Сирии «прекратить поддержку терроризма» и «предоставить возможность ливанцам самим определять судьбу Ливана». Антисирийские выпады части ливанской оппозиции практически звучали в унисон с этими тезисами Вашингтона. Дело дошло до того, что в Конгресс США был представлен законопроект «Об освобождении Ливана и Сирии» (напоминающий принятый Конгрессом закон 1998 г. «Об освобождении Ирака»), в котором действия правительства Сирии квалифицируются как «угроза национальной безопасности Соединенных Штатов Америки и всеобщему миру» (!). Хорошо еще, что президент США Джордж Буш (младший), не очень четко представляющий себе, где находятся арабские страны, что они собой представляют и как на-

зываются, догадался пригласить к себе маронитского патриарха Насраллаха Сфейра. Патриарх напомнил президенту, что «Ливан был первым демократическим государством на Ближнем Востоке и останется центром распространения демократии в этом регионе», и даже процитировал папу Иоанна-Павла II: «Ливан является образцом демократии для Востока и Запада»³⁶⁸.

Несомненно негативным моментом ливанской ситуации является вмешательство во внутренние дела Ливана извне. Прежде всего это касается положения суннитов. Во-первых, гибель Р. аль-Харири лишила их вождя, способного гибко и точно ориентироваться в сложном калейдоскопе политической жизни Ливана. Во-вторых, лишь 20% суннитов вовлечены в деятельность исламозэкстремистов, но остальные во многом дезориентированы, ибо их политическая элита, ранее влиятельная (особенно в Бейруте, Триполи, Сайде), ныне стремительно теряет и авторитет среди единомышленников, и места в аппарате власти на всех уровнях. Все это способствует росту недовольства основной массы суннитов и распространению среди них экстремистских настроений, часто привносимых извне боевиками-суннитами из Сирии, Ирака, Палестины и других стран³⁶⁹.

С уходом войск Сирии в Ливане возникла (вернее — более четко оформилась) политическая чересполосица, наметившаяся еще в 2000 г. На юге Ливана и в Бейруте суннитский исламозэкстремизм в целом сдерживается (или вытесняется) влиянием «Хизб Аллах», в гораздо меньшей степени, «Амаль». Но на севере страны — в Триполи и Аккаре, «слабеющее ливанское руководство остается один на один с исламистами, пользующимися к тому же поддержкой извне». Эта формулировка П. А. Рассадина нуждается в некотором уточнении: во-первых, она относится к 2005 г., а во-вторых, несколько ослабляется его же призывом «учитывать... маргинальное положение на ливанской политической арене» суннитских радикалов, безусловно уступавших и по численности, и по боеспособности шиитам и друзьям, не говоря уже о гораздо более весомом представительстве последних в армии и госструктурах. Надежды суннитских радикалов связывались в основном с ростом недовольства своим положением как суннитской бедноты, так и элиты (особенно после гибели Р. аль-Харири), а также с упомянутым выше проникно-

вением в Ливан и беженцев, и боевиков-суннитов из соседних стран»³⁷⁰. Вражда «Хизб Аллах» с «Амаль», доходившая в ряде случаев до кровавых столкновений, парадоксальным образом работала на «Хизб Аллах», которая постоянно усиливалась за счет «Амаль», когда-то более многочисленной, но более рыхлой и неорганизованной, что и привело к ее ослаблению³⁷¹.

Зимой 2006–2007 гг., после начала столкновений армии с исламо-экстремистами в Нахр аль-Барид, по всему Ливану прокатилась волна терактов, явно организованная с целью дестабилизировать ливанское общество и отвлечь внимание армии от палестинских лагерей³⁷². Можно предположить также, что экстремисты старались привлечь обитателей лагерей на свою сторону с целью вербовки из них своих сторонников, дабы пополнить ряды для новых сражений в Палестине, Сирии, Ираке, Йемене, а также с целью «подготовки новых терактов и мятежей в самом Ливане. А для этого они нуждались в новых бойцах»³⁷³.

Жертвами терактов в конце 2006 г. — начале 2007 г. стали также некоторые деятели правящего лагеря, в том числе депутаты В. Идо и П. Жмайель. В преддверии президентских выборов этим акциям придали особое значение, в том числе намерение «ослабить парламентское большинство», «свалить правительство» и даже «ликвидировать парламентское большинство». В связи с этим около 20 депутатов выехали за рубеж, в основном в Египет, в июле 2007 г. А правительственному блоку и до этого не хватало голосов, чтобы на президентских выборах обеспечить победу своему кандидату³⁷⁴.

К политическим разногласиям добавились финансовые. Бесконечные бои, разрушения и иные потери дорого обошлись Ливану. Его внешний долг составил к 2007 г. 41 млрд долл. (более 180% ВВП). На конференции 25–26 января 2008 г. в Париже 30 стран обещали дать Ливану более 4,5 млрд долл. Но Ливан уже за 2007 г. должен был выплатить 7 млрд, а за 2008 г. — еще 9 млрд. Эти сведения вызвали возмущение и беспорядки в Бейруте, тем более, когда стало известно, что кабинет Ф. ас-Синьоры представил конференции программу политических реформ и приватизации государственной собственности, которую оппозиция признала «губительной», считая, что явно прозападная ориентация правительства не

позволит придать реформам демократический характер, а приватизация, тем более, будет проведена в интересах финансовых групп, поддерживающих правящий блок. Все это происходило на фоне переговоров Сирии, Ирана, Египта и ЛАГ по поводу Ливана, продолжавшейся в Ливане антисирийской кампании, попыток США направить ход событий в угодном им духе, в том числе путем все возрастающего давления на Сирию³⁷⁵.

Крайне запутанная ситуация в Ливане осложнилась еще больше президентскими выборами 2007–2008 гг. Конец 9-летнего (т.е. в глазах многих ливанцев незаконного и противоречившего конституции) срока пребывания на этом посту генерала Эмиля Лахуда и необходимость его замены даже, по мнению некоторых политологов, «вызвали в стране острый политический кризис». За пост президента боролось **большинство** депутатов (в Ливане они выбирают президента, но — обязательно маронита), поддержанное правительством во главе с премьером-суннитом, и **меньшинство** из сторонников уходящего президента Лахуда. Особую остроту, даже некоторую пикантность этому противостоянию, придавал явно не типичный для Ливана состав большинства и меньшинства. Первое, насчитывавшее 68 (из 127) депутатов Национального собрания, включало движение «Аль-Мустакбаль» (Будущее) во главе с Саадом аль-Харири (сыном погибшего премьера и главой коалиции его приверженцев), блок друзского вождя Валида Джумבלата, партию «Катаиб» Амина Жмайеля (экс-президента 1982–1988 гг.), к этому времени вставшую на просирийские позиции, «Ливанские силы» Самира Джааджи и Национально-либеральную партию клана Шамунов. Таким образом, большинство политически объединило в своих рядах мусульман, христиан и друзов, что наглядно свидетельствовало о том, что конфессиональная система Национального пакта 1943 г. если еще не изжила себя, то находится на пути к этому. О том же говорил и состав оппозиционного правительству меньшинства — шиитские партии «Хизб Аллах» и «Амаль», а также Блок за изменение и реформу во главе с экс-премьером лидером Свободного патриотического движения (СПД) генералом Мишелем Ауном. Аун, пробыв 15 лет в эмиграции во Франции, откуда он на-

правлял действия своих приверженцев в Ливане, в мае 2005 г. вернулся на родину, не скрывая своих президентских амбиций³⁷⁶.

Необычность коалиций «большинства» и «меньшинства», судя по всему, объяснялась не столько внутренними политико-идеологическими расхождениями (которые сохранялись, но временно были отодвинуты на второй план), сколько различием внешнеполитических ориентаций. «Большинство» хотело, судя по всему, избавить Ливан от опеки Сирии (только что выведшей свои войска из Ливана, но имевшей там много сторонников) и Ирана, успешно расширявшего свое влияние не только в Ливане, но и вообще в арабском мире, во многом — благодаря успехам «Хизб Аллах». «Большинство», как и правительство, стремилось использовать массовый протест ливанцев против убийства Р. аль-Харири, а также связанные с ним антисирийские демонстрации, главным образом сотен тысяч суннитов и маронитов, получившие название «Кедровой революции» и Движения 14 марта (дня наивысшего размаха этих демонстраций). В отличие от них «меньшинство» делало упор на борьбе против вмешательства США в дела Ливана и за сплочение всех ливанцев в сопротивлении Израилю. Упрекая правительство в «антипатриотизме», партии «меньшинства» также проводили мощные демонстрации, прежде всего шиитов и части маронитов, под антизападными и антиамериканскими лозунгами, за соблюдение «духа Таифа» и против «происков» Израиля. Разумеется, при этом «Хизб Аллах» максимально использовала свои достижения в войне 2006 г. с Израилем и обвиняла правительство и «большинство» в нежелании сотрудничать с оппозицией в общеливанских интересах, в том числе по вопросам обороны и экономики³⁷⁷.

Несколько «особую» позицию занимали Мишель Аун и его СПД. Долгое время придерживаясь антисирийской позиции, Аун круто изменил фронт и заключил союз с «Хизб Аллах» и «Амаль» с целью победить на выборах президента, в роли которого он видел только себя. Одновременно он обвинял «большинство» в игнорировании шиитов, т.е. «трети ливанского народа», а США — во вмешательстве в дела Ливана. Опросы населения указывали на сохранение Ауном популярности среди всех конфессий, и он явно надеялся «дожать» ливанцев броскими популистскими лозунгами, тем более

что его «общеливанский национализм» пользовался успехом и среди христиан, и среди мусульман (за исключением суннитов). В октябре 2007 г. за него были 36,8% опрошенных (включая 40,4% маронитов и 71,3% шиитов), а еще раньше, в августе 2006 г., его поддерживали 45% ливанцев.

Иными словами, и «большинство», и «меньшинство» были далеко не едиными, но внутренне противоречивыми коалициями разнородных сил, что свидетельствовало о сохранении зыбкости и неустойчивости общественной ситуации в стране. В подобных условиях победить мог любой кандидат, в том числе не самый популярный и влиятельный внутри страны, но опирающийся на реальную военную мощь и поддержку извне. Таковым оказался бывший главноком ливанской армии генерал Мишель Слейман, за которого еще в октябре 2007 г. выступали всего 9,3% ливанцев³⁷⁸.

Однако после длительных споров, столкновений между партиями вплоть до уличных боев, убийств депутатов от суннитов в июне 2007 г. и «Катаиб» в сентябре того же года, многократных консультаций видных деятелей страны (премьер-министра Ф. ас-Синьоры, председателя парламента Н. Берри, маронитского патриарха Н. Б. Сфейра, лидера суннитов С. аль-Харири, друзей — В. Джумבלата, шиитов — Х. Насраллаха и маронитских вождей М. Ауна и С. Джааджи), а также нажима в ноябре 2007 г. министров иностранных дел Франции, США, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, ОАЭ и генсека ЛАГ Амра Мусы «большинство» в конце концов официально выдвинуло в декабре кандидатуру Слеймана. После Ф. Шихаба и Э. Лахуда это был уже третий в истории Ливана генерал (и главноком армии, что в данном случае немаловажно), выдвигавшийся в качестве относительно нейтральной и компромиссной фигуры, всех устраивавшей. 25 мая 2008 г. 60-летний генерал стал 12-м президентом Ливана, будучи избран 118 голосами из 127 при активной поддержке маронитского патриарха Н. Б. Сфейра и генсека «Хизб Аллах» Х. Насраллаха³⁷⁹. Единение ведущих лидеров маронитов и шиитов оказалось решающим, хотя и было достигнуто с огромным трудом. Это несколько способствовало успокоению страстей, но отнюдь их не погасило!

За несколько часов до своего ухода с поста президента Э. Лахуд передал армии «полномочия по обеспечению безопасности» и «управление всеми силовыми структурами». Правительство, не признав это решение, взяло на себя исполнение полномочий президента, что вызвало волну критики, прежде всего со стороны Ауна и вообще сил оппозиции. Но на этот раз вершители судеб страны, не желая возврата к довыборному хаосу, вели себя более осторожно. В частности, патриарх маронитов (более других недовольных ходом событий) призывал ливанцев к единству, предложил снизить возраст избирателей до 18 лет (что было жестом в сторону мусульман, у которых молодежь была более многочисленной), а после парламентских выборов 7 июня 2009 г. советовал ливанцам не мешать формированию правительства во главе с лидером суннитов и блока «Аль-Мустакбаль» Саадом аль-Харири. Выборы явились удачей для правительственного большинства, получившего 71 мандат против 57, доставшихся оппозиции. Однако в 2009 г. была продолжена традиция постепенной неформальной «деконфессионализации» политической жизни Ливана. В выборах активно участвовали марониты, в том числе жившие за пределами страны эмигранты (более 100 тыс. чел.), среди которых преобладали марониты. Однако из 34 мест, отведенных маронитам, 16 отошли к оппозиции, ибо достались сторонникам Ауна из СПД и блока «Изменение и реформа», который тоже возглавил Аун. Сделав ставку на оппозицию, в частности на союз с «Хизб Аллаха», экс-генерал продолжал рваться к заветному посту президента, но, даже набирая очки и обходя по популярности всех конкурентов, все же отпугивал многих, в том числе маронитов, своей агрессивностью, самоуверенностью и «наполеоновскими» замашками.

Формально в конфессиональном отношении вновь избранные депутаты делились на 34 маронита, по 27 — шиитов и суннитов, 14 православных, по 8 друзов и католиков, 5 армян-григориан, 2 алавитов, 1 армяно-католика, 1 протестанта, 1 — вне конфессий. Но это распределение уже не играло, как раньше, решающей политической роли. Марониты — сторонники С. Джааджи и А. Жмайеля оказались в одном проправительственном блоке («14 марта») с суннитами из движения Саада аль-Харири и друзьями В. Джумблата, а

марониты — приверженцы Ауна объединились с шиитами из «Амаль» и «Хизб Аллах» и с широко известной армянской партией «Дашнакцутюн», составив оппозицию. Впрочем, это размежевание было не окончательным: вскоре после выборов ПСП В. Джумבלата (всегда тяготевшего к независимой оппозиции и свободе критики даже своих союзников) заявила о выходе из коалиции «14 марта». Джумблат явно опасался зависимости от более влиятельных и богатых маронитов и более многочисленных суннитов, предпочитая иметь руки развязанными, о чем свидетельствовали его заявления «в просирийском ключе» и сближение с «Хизб Аллах». Уход Джумבלата лишил «блок 14 марта» 11 депутатов ПСП, что резко уменьшило преимущество «большинства» над «меньшинством» до 3 мандатов и в определенной мере осложнило деятельность нового правительства во главе с назначенным в июне 2009 г. Саадом аль-Харири³⁸⁰.

Все это отнюдь не способствовало стабилизации обстановки, более того, как бы «замораживало» напряженность ситуации и неясность перспектив. К тому же стороны без конца подозревали друг друга в заговорах, интригах, провокациях, в частности оппозиция обвиняла США, Израиль и Саудовскую Аравию в намерении «вовлечь Хизбуллах, а затем Сирию и Иран в кровавый конфликт, используя незаконное вооружение Хизбуллах и межсектантские трения как повод». Из лагеря правых сил отвечали разоблачениями «ядерной программы Сирии» (наличие которой еще требовалось доказать) и грозили «крупными операциями» лояльных правительству сил «при поддержке милиций аль-Харири и Джумבלата» (вообще-то официально распущенных) против организаций и учреждений оппозиции»³⁸¹.

Периодически споры и угрозы перерастали в столкновения с применением оружия, с захватами и обменами (иногда — расстрелами) заложников. Боестолкновения чередовались с демонстрациями и забастовками, а попытки «сил порядка» их подавить нередко, вследствие военного преимущества сил оппозиции, приводили к «сдаче оружия» и «капитуляции» полиции и солдат³⁸². Нередко после окончания боев следовали заявления: «Не следует придавать значения всей этой суете» (Ф. ас-Синбора); «Имело место недора-

зумение» (С. аль-Харири); «Друзские горы всегда будут укрытием для Сопротивления, а Бейрут останется его колыбелью» (В. Джумблат о желании помочь бойцам «Хизб Аллаха» после стычек с ними). Любопытны были и некоторые свидетельства, в частности имама мечети Аль-Кудс в Сайде: «Многие сунниты сражались против сил правительства в рядах Хизбуллаха», так как «сегодня идет американо-саудовско-египетско-иорданская война против Хизбуллаха, потому что она борется против Израиля»³⁸³.

Правительство «национального единства» во главе с С. аль-Харири имело в своем составе 11 представителей оппозиции (из 30 министров), т.е. «гарантированную треть». Но единства не получилось, так как отношения между блоком «14 марта» и оппозицией не были урегулированы. Поэтому кабинет аль-Харири критиковали со всех сторон, но особенно маронитские партии «Катаиб» и ЛС. Лидер «Катаиб» А. Жмайель уже в декабре 2009 г. заявил, что кабинет обречен на неудачу, ибо «заминирован изнутри». В 2010 г. обстановка накалилась еще больше ввиду попыток лидеров «Катаиб» расправиться с «Хизб Аллаха», используя Спецтрибунал ООН по Ливану. 12 января 2011 г. 11 членов кабинета ушли в отставку, вызвав тем самым его крах. С. аль-Харири со своими сторонниками оказался в оппозиции.

Противоречивая, многоцветная, кипящая внутренними импульсами и подталкиваемая извне социальная реальность Ливана просто не могла не рождать все новые и новые кризисные ситуации. Война 2006 г. с Израилем, борьба армии Ливана с «Фатах аль-ислам» и «Джунд аш-Шам» в 2007 г. и другие операции имели своим результатом укрепление авторитета армии и в то же время маронитов, всегда занимавших в армии ведущее положение благодаря более тесным, чем у других общин, связям с Западом, его генштабами, военными академиями, разведслужбами, образовательными учреждениями. Не случайно в это же время произошел своего рода «политический ренессанс» маронитов. Хотя многие их вожди погибли в междоусобицах предыдущих десятилетий, а их видный лидер Самир Джааджа был даже осужден пожизненно в 1995 г., марониты сохранили свое влияние и на экономику, и на политику страны.

В 2005 г. после вывода войск Сирии из Ливана был освобожден из заключения С. Джааджа, начавший быстро восстанавливать структуры и влияние партии ЛС (в его отсутствие партия была запрещена, но действовала в подполье под руководством его жены Стриды). В 2006 г. на «встрече в Кедрах» (в г. Бшарре) была сделана попытка сплотить все силы маронитов. Однако это не удалось: часть маронитов поддержала С. Джааджу, осудив М. Ауна, претендовавшего на общеливанское лидерство, но другая — склонялась к Ауну, отвергая амбиции слишком быстро, по их мнению, усилившегося Джааджи. Тем не менее Джааджа последовательно установил контакты с Европарламентом, ЛАГ и США в 2007 г., с Генсеком ООН, госсекретарем США и членами американского Конгресса в 2008 г., с ливанской диаспорой в Кувейте — в 2009 г.³⁸⁴

После выборов в июне 2009 г. ЛС получили посты министров юстиции и культуры. Но вскоре премьер Саад аль-Харири вынужден был уйти в отставку, столкнувшись с критикой оппозиции. Джааджа полностью его поддержал. Он также последовательно выступал против «Хизб Аллах», в чем нашел общий язык с В. Джумблатом. В дальнейшем популярность Джааджи только росла вследствие его выступлений за снижение возрастного ценза для избирателей в январе 2010 г., но главным образом благодаря его «ореолу патриота-мученика, пострадавшего от оккупационного режима» (т.е. сирийцев, с которыми Джааджа в разное время, как и многие другие ливанские деятели, то блокировался, то расходился), и именно тогда, когда его соперники из иных партий (особенно «Катаиб» или СПД) отсиживались в эмиграции³⁸⁵. В дальнейшем, в том числе на массовом митинге сторонников «движения 14 марта» в Бейруте 13 марта 2011 г., Джааджа продолжал требовать разоружения «Хизб Аллах» и уничтожения этого «государства в государстве». В этом было главное отличие его политики от политики Ауна. Раскол среди маронитов тем самым сохранялся³⁸⁶.

Аун по-прежнему не ограничивался опорой лишь на своих сторонников, стараясь обращаться ко всем ливанцам, критикуя США, поддерживая «Хизб Аллах», разоблачая некомпетентность «коалиции 14 марта», желавшей единолично управлять Ливаном, и постепенно сближаясь с Сирией, руководство которой Аун поблагодарил

(во время встречи с президентом Сирии Башаром Асадом в декабре 2009 г.) за «поддержку процесса национального примирения» в Ливане³⁸⁷. Это сближение было предопределено как необходимостью противопоставить влияние Сирии усилившемуся давлению на Ливан США и прочих держав Запада, так и союзом СПД с «Хизб Аллах», которая симпатизировала влиятельным в Сирии алавитам и в дальнейшем помогала им противостоять исламоэкстремистам «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

Отставка правительства Ливана 12 января 2011 г. после ухода из него 11 министров активизировала позицию Ауна, который резко воспротивился назначению премьером С. аль-Харири (тогда — исполнявшего временно обязанности главы кабинета) и настоял на назначении миллиардера, экс-премьера и суннита из Триполи Наджиба Микати. Кабинет формировался почти полгода (по мнению многих, из-за несговорчивости Ауна) и увидел свет лишь 13 июня 2011 г. в составе 30 чел., из которых 16 были шиитами (включая 2 членов «Хизб Аллах»), а министром внутренних дел стал близкий к Ауну экс-генерал Марван Шарбель. Благодаря этому СПД оказывало заметное влияние на деятельность правительства Микати³⁸⁸. Что же касается С. аль-Харири, то он выехал в Саудовскую Аравию, где и прожил около 3 лет в г. Джидда. Эмиграция стала уже традицией (в том числе по соображениям безопасности) для ушедших в отставку ливанских политиков. Достаточно вспомнить пребывание во Франции Амина Жмайеля в 1989–2000 гг. и Мишеля Ауна в 1991–2005 гг., а также гибель не уехавших вовремя Р. аль-Харири, К. Джумблата, Р. Караме, Э. Хобейки, Р. Муаввада и многих других, включая П. Жмайеля (внука основателя «Катаиб») в 2006 г., депутатов А. Ганеша и В. Идо в 2007 г.³⁸⁹

Хотя Ливан оказался в целом невовлеченным в события пресловутой «арабской политической весны», он все же пережил многие из характерных для нее событий. Во-первых, в Ливан устремились беженцы из соседних стран, прежде всего из Сирии, пытавшиеся уйти из районов боевых действий. По данным ООН, к началу 2015 г. в Ливане, помимо 4 млн ливанцев, находились около 1100 тыс. зарегистрированных и примерно 500 тыс. незарегистрированных беженцев, прибывших преимущественно из Сирии за

2011–2014 гг. При этом общие масштабы миграций из Сирии за эти годы превышают 3 млн чел. и оказывают негативное воздействие на экономическое, социальное и политическое положение соседей Сирии, особенно Ливана, Турции и Иордании³⁹⁰.

Во-вторых, формально существующие в Ливане демократические институты не работают. Парламент не избирался с 2009 г. ввиду невозможности обеспечить соответствующие процедуры. Новый избирательный закон, о котором толкуют уже года два, так и не принят из-за саботажа тех или иных группировок или кланов. Президентские выборы превращены в бесконечный марафон отмен или пересмотров кандидатур, иногда — длиной чуть ли не в год, когда обязанности президента исполняет премьер-министр (нередко тоже занимающий свою основную должность временно, без утверждения парламентом)³⁹¹. Наконец, ввиду бесконечных споров и возражений различных партий недопустимо затягивается (обычно) формирование правительства. В частности, кабинет Н. Микати формировался с января по июнь 2011 г., а сменивший его кабинет Таммама Салама — с марта 2013 г. по февраль 2014 г.³⁹² Дееспособность всех этих кабинетов также вызывает немало вопросов. В частности, в правительство Салама вошли представители трех политических течений («8 марта», «14 марта» и центристов) и девяти конфессий (6 маронитов, 5 шиитов, 5 суннитов, 2 православных, 2 друга, по одному — армянин, католик, греко-католик и протестант)³⁹³. Учитывая традиционные разногласия между конфессиями Ливана, можно предположить накал дискуссий и расхождений в этом правительстве.

При этом возникали удивительные ситуации: Наджиб Микати не мог решить ни проблему соотношения министров от различных группировок, ни разработать новый избирательный закон. Однако после его отставки и премьер, и члены его кабинета почти год оставались «временно исполняющими» свои обязанности, поскольку Т. Салам, пришедший им на смену, никак не мог сформировать новое правительство. Естественно, нерешенные до этого проблемы все это время так и не решались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие кризисных явлений в жизни Ливана на рубеже XX–XXI вв. представляет собой во многом неизбежное следствие накопившихся за долгую историю страны, особенно в XX в., экономических, общественных, идеологических и прочих атавизмов, мешающих ее развитию и даже тянущих назад. К ним относится в первую очередь **конфессионализм**, хоть и теряющий постепенно свои позиции, но пока еще играющий важную роль. То же можно сказать о **традиционных** отношениях полуфеодального и вообще докапиталистического типа, которые часто цепко держат в сфере своего воздействия даже интеллигентов современной школы. Ливан — удивительная страна, где вестернизация сочетается с клановостью и религиозностью, прогрессивные убеждения — с мистицизмом, а безусловная модернизация — с ретрадиционализацией, вызванной, с одной стороны, подрывом позиций старой элиты и ее ценностей, с другой — протестом против глобализма Запада, его неокOLONиализма и духовной агрессии. И конечно, на Ливан, сравнительно небольшую страну, расположенную на важнейших торговых путях и стратегических коммуникациях международного значения, сильнейшее воздействие оказывают интриги, комбинации и вообще **влияния самого разного характера** европейских держав и США с их финансово-экономической и военной мощью, а также нажим извне близких по языку и культуре арабских стран, Ирана (опоры всех шиитов мира) и Турции (исторической метрополии)³⁹⁴.

Это в какой-то мере объясняет пассивность многих партий Ливана и их лидеров: они предпочитают не делать решительных шагов, например в деле избавления страны от конфессионализма, от традиционного наследия и т.п., не желая в дальнейшем нести ответственность за возможные негативные последствия преобразований, которых все ждут, но их же боятся, тем более — в условиях неста-

бильности, хаотичности и непредсказуемости «арабской политической весны». Поэтому по 20 раз откладываются выборы президента, которые повлекут за собой и смену правительства, чего далеко не все желают. Поэтому прежде всего парламент предпочитает не выработать новый закон о выборах, а просто отложить выборы в ноябре 2014 г. на 15 месяцев. Так проще и меньше хлопот! Недаром даже маронитский патриарх Бишара ар-Раи в одном из посланий говорил о «мраке политических расчетов», «мраке внешней зависимости» и отсутствии у политиков «культурных и нравственных качеств, чтобы осознать свою миссию как служение народу»³⁹⁵.

Вместе с тем ливанцы, несомненно, обрели в XX в. ценный политический и духовный опыт, многому их научивший. В массе своей они высказываются за демократию (81%), против совмещения политического и религиозного лидерства (всего 37% «за» против 75% «за» в Египте и 80% в Иордании). 16% ливанцев — против существования мусульманских партий (в Египте — всего 7%, в Марокко — около 9%). 67% мусульман Ливана опасаются трений между шиитами и суннитами, при этом такие опасения более свойственны суннитам (80%), чем шиитам (53%), что объясняется численным превосходством шиитов и наличием у них вооруженных организаций («Хизб Аллах», «Амаль»). Примерно так же делятся сунниты и шииты по своему отношению к исламоэкстремистам: их опасаются 66% суннитов, но всего лишь 34% шиитов.

Все эти опасения усугубляются тем, что доля сирийских мигрантов к 2014 г. составила около 35% всего населения Ливана (не считая 400 тыс. палестинцев, а также курдов, армян, черкесов, ассирийцев и других этносов, чье положение тоже изменилось, в основном — в худшую сторону, вследствие атак исламоэкстремистов («Аль-Каиды», ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и им подобных)³⁹⁶. Западная пресса писала о том, что в последние месяцы 2014 г. Ливан не пускал к себе многих беженцев. Однако некоторые все равно проникали в страну «тайными путями в горах», а другие — заново находили возможности попасть в Ливан легальным способом. В целом в ноябре 2014 г. количество официально зарегистрированных беженцев, перешедших границы Ливана, было на 75% меньше, чем их было летом³⁹⁷.

Пока что в стране не сложились условия для выхода из кризиса. На положение Ливана крайне негативно влияют, особенно с 2012–2013 гг., «сирийский конфликт и разгул террора джихадистов», все чаще вторгающихся на территорию Ливана, особенно после того, как «Хизб Аллах» стала открыто помогать властям Сирии в борьбе с исламоэкстремистами. Попытки противопоставить усилившуюся за последние годы ливанскую армию джихадистам могут поставить ее, по выражению А. В. Сарабьева, «между сциллой “халифата” (за который выступают джихадисты и поддерживающая их часть суннитов. — *Р. Л.*) и харибдой “сопротивления” (т.е. «Хизб Аллах». — *Р. Л.*)...», которое будет вынуждено пойти ва-банк». Иными словами, в этом случае возможен раскол страны по конфессиональному признаку, что лишь добавит всем ливанцам новые проблемы³⁹⁸.

К этому стоит добавить, что сирийский кризис уже в 2013 г. стоил Ливану 6,5 млрд евро. Поступления в ливанскую казну в связи с событиями в Сирии упали на 880 млн евро. Эта тенденция сохраняется уже третий год. В то же время расходы бюджета, особенно на здравоохранение и социальные нужды, выросли на 28%. И на фоне всех этих трудностей участились теракты, совершаемые преимущественно суннитскими экстремистами вроде группировки «Бригады Абдуллы Аззама». Мишель Аун еще в 2013 г. так объяснил ситуацию в Ливане: «Королевство Саудовская Аравия, Турция и Катар сеют в нашей стране сектантские противоречия, надеясь на помощь Соединенных Штатов и Европы. Сегодня эта зараза стала распространяться на наши города — Аккар и Триполи»³⁹⁹.

Названные Ауном города — традиционные центры ливанского суннизма. И они же после окончания гражданской войны 1975–1991 гг. не раз становились местом влияния, а то и опорой различных течений суннитского исламоэкстремизма (салафизма, халифатизма, джихадизма и т.п.). Учитывая рост удельного веса суннитов (преимущественно за счет сирийских, палестинских и прочих мигрантов) и продолжающийся отъезд христиан из Ливана (по некоторым, возможно, заниженным данным, их осталось не более 12% к декабрю 2014 г.), уменьшение доли христиан в стране принимает «обвальный и скорее всего необратимый характер». Можно согласиться с А. В. Сарабьевым, что «отток христиан из Ливана в соче-

тании с невысоким уровнем рождаемости (среди христиан. — *Р. Л.*) уже сейчас означает «снижение доли ... носителей уникальных традиций ближневосточного христианства» и «негативно сказывается на культурно-религиозном потенциале всех стран, затронутых этим процессом». Для Ливана же этот процесс может привести не только к пересмотру «квот конфессионального представительства в структурах», но и к полной трансформации политической системы, рожденной Национальным пактом 1943 г. Уже сейчас, по словам профессора Ливанского госуниверситета в Бейруте Сухейля Фараха, зарубежная «диаспора христиан — выходцев из Ливана вдвое превышает численность общины на родине»⁴⁰⁰.

Именно поэтому ситуация в стране, вроде бы улучшившаяся после окончания гражданской войны, опять обострилась после 2005 г., когда вслед за убийством Рафика аль-Харири стала давать сбои государственная машина Ливана: начались бесконечные откладывания выборов президента и парламента, неявки депутатов на жизненно важные заседания. Район Эрсаль на границе Ливана с Сирией превратился на деле в базу исламэкстремистов и их операций в Сирии. В августе 2014 г. здесь начались особенно упорные бои армии Ливана с боевиками ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и другими. Были убиты 16, ранены 85 и пропали без вести 22 ливанских военнослужащих. Впоследствии выяснилось, что в регионе действуют до 2,5 тыс. боевиков-экстремистов⁴⁰¹.

Реальная опасность нависла над страной, так как ИГИЛ «плановмерно взрывает ситуацию на просуннитском ливанском севере с целью включения его в халифат». Возможно, не все боевики здесь халифатисты, но они, безусловно, сторонники «суннитской идентичности», борющиеся против «шиитской экспансии», в симпатиях к которой они подозревают армию Ливана. И хотя к ноябрю 2014 г. армия с помощью «Хизб Аллах» отбила атаки экстремистов, бои в долине Бекаа все же продолжались. Расширение зоны боев привело к возрождению боевитости друзов, которые активизировали свое ополчение «Даи Аммар». Насчитывая несколько сот бойцов, оно готово отстоять земли друзов в горном регионе Шуф южнее Бейрута⁴⁰².

Помимо боев с израильянами, «Хизб Аллах» боролась с политической агентурой Израиля в своих рядах. В январе 2015 г. в спецслужбе «Хизб Аллах» были разоблачены 5 агентов израильской разведки во главе с предпринимателем-шиитом Мухаммедом Шаврабой, завербованным в 2008 г. и получившим за свои «услуги» в течение ряда лет около 1 млн долл. США. Это был уже третий случай такого рода: в 2011 г. в «Хизб Аллах» были ликвидированы 2 агента ЦРУ США, а в 2012 г. — еще трое, работавших и на США, и на Израиль. По мнению политолога Бахтияра Усманова, январские разоблачения 2015 г. явились наиболее существенными за все время противостояния спецслужб Израиля и «Хизб Аллах», тем более что Шавраба управлял многими компаниями, созданными шиитами в Италии и Испании для закупок оружия и высокотехнологичного оборудования. Все это указывает на то, что в движении шиитов «не все идеально и благополучно», но также на то, что «Хизб Аллах» способна противостоять спецслужбам США и Израиля, несомненно превосходящим своего противника в техническом и финансовом отношении⁴⁰³.

Вообще многое зависит от того, сумеет ли ливанская элита сплотиться, дабы отстоять единство страны и ее самостоятельность, особенно в хаосе оказавшейся губительной для арабов «политической весны». Конфессиональные общины, партии, отдельные кланы и группировки, тем более — те или иные лидеры и прочие деятели, пока что не демонстрируют склонности к согласию, к взаимной уступчивости и компромиссу. Хотя сотрудничество армии и «Хизб Аллах» в борьбе с экстремистами, посредничество Саада аль-Харири в деле получения от саудовцев 1 млрд долл. на переоснащение вооруженных сил Ливана и дипломатическая активность лидеров страны (премьера Т. Салама, министра иностранных дел Дж. Базиля и спикера парламента Н. Берри) в конце 2014 г. внушают некоторую надежду на улучшение положения⁴⁰⁴.

Исламэкстремисты (и не только они), разумеется, стремятся поставить под вопрос эту надежду. Так, 1 февраля 2015 г. боевиками «Джабхат ан-Нусра» в Дамаске был взорван автобус с 58 шиитами — паломниками из Ливана. При этом 6 человек погибло и 27 были ранены. Это произошло после того, как за две недели до

этого израильтянами на юге Сирии были убиты несколько бойцов «Хизб Аллах» и «иранский генерал», а «Хизб Аллах» в ответ на это убила 2 солдат Израиля в ходе атаки через ливанско-израильскую границу. Но паломники в автобусе 1 февраля были гражданскими лицами и среди них был тяжело ранен трехлетний ребенок. Пресса США констатировала, что «группы экстремистов-суннитов» нападают на шиитов «просто из-за их религиозной принадлежности», тем более что их паломничество было посвящено скорби по имаму Хусейну, первому мученику шиитского культа⁴⁰⁵.

В то же время взаимные атаки «Хизб Аллах» и армии Израиля не дают успокоения и ливанцам, и израильтянам по обе стороны границы. При этом гибнут не только военнослужащие данных двух государств, но и миротворцы ООН из нейтральных стран. Так, в январе 2015 г. в Южном Ливане в ходе перестрелки между шиитами «Хизб Аллах» и подразделениями Израиля был убит испанский военнослужащий из миротворческого контингента ООН. Представитель Испании в ООН осудил за это Израиль, хотя от имени ООН было заявлено, что данный случай «остается предметом изучения»⁴⁰⁶.

Несмотря на стремление Ливана оставаться вне событий «арабской весны», он в них периодически вовлекается. В частности, попытка «Хизб Аллах» помочь сирийской армии выбить «сирийских повстанцев», т.е. джихадистов, с позиций на Голанских высотах вызвала заявление Саада аль-Харири, ныне обосновавшегося в Париже, с призывом вывести отряды «Хизб Аллах» из Сирии. Политический смысл этого призыва весьма многообразен: это и акт солидарности с экстремистами, и проявление вражды к режиму Асада в Сирии, и жест лояльности в сторону Запада, и попытка как-то ограничить главного соперника суннитов в Ливане, хотя открыто С. аль-Харири указал лишь на «суннитско-шиитские трения» и якобы «разрушение Сирии», о котором твердили США и их союзники⁴⁰⁷. В то же время США оказывали военную помощь Ливану против периодически вторгавшихся в страну исламэкстремистов, обещая, что поставки вооружения в Ливан (на 1 млрд долл. в течение последних 8 лет) будут продолжены вплоть «до завершения дела»⁴⁰⁸. В январе 2015 г. выяснилось, что в течение нескольких месяцев

Саджа ад-Дулайми, бывшая жена главы ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади, перевела сотни тысяч долларов джихадистам, действовавшим на границе Ливана с Сирией⁴⁰⁹.

Ливан, ранее сталкивавшийся с «Аль-Каидой», ныне вовлечен также и в борьбу с ИГИЛ, каковая, по словам короля Иордании Абдаллаха II, является «третьей мировой войной». В ней, по мнению короля, участвуют «мусульмане, христиане, а также люди, исповедующие другие религии»⁴¹⁰. Да и как было Ливану избежать войны с ИГИЛ, когда в нее втянуты соседние с ним и влиятельные среди ливанцев Сирия и Ирак, вдохновляющий «Хизб Аллах» Иран, давно связанные с Ливаном в историческом, культурном и политическом отношении Иордания, Египет и Ливия?⁴¹¹ К тому же Ливан — страна Средиземноморья, остро реагирующая на всё происходящее в этом стратегически и геополитически важном регионе⁴¹². Именно благодаря агрессивной активности ИГИЛ и других организаций такого рода Средиземноморье превращается в один из центров международной напряженности. В частности, ИГИЛ распространяет идеологию «халифатизма» на Северном Кавказе и числит в своих рядах до 1700 выходцев из Российской Федерации⁴¹³.

Подвести итог событиям в Ливане трудно не только ввиду его вовлеченности (вернее — полувовлеченности) в умело организованную и направляемую извне псевдостоихию «арабской весны». Внутри Ливана продолжают играть свою роль социально-экономические, этнополитические и культурно-религиозные противоречия, регулярно порождающие конфликты и столкновения различной остроты. В то же время Ливан благодаря своему положению в мировой торговле и своей роли посредника между Востоком и Западом наиболее чутко ко все усложняющимся и быстро меняющимся тенденциям мировой политики, к малейшим изменениям атмосферы международных отношений. И конечно, необходимо принимать во внимание давние и разнообразные связи конфессий Ливана с зарубежными единоверцами: маронитов — с Ватиканом и католиками Запада, суннитов — с проблемами и настроениями большинства мусульман Азии и Африки, шиитов — с «братьями по вере» в Иране, Йемене и Ираке, православных — с христианами России и Восточной Европы, протестантов — с большинством хри-

стиан США, Великобритании и севера Европы. Ливан — это страна, в которой социокультурный и особенно религиозный фактор может доминировать над политическим и даже экономическим аспектами жизни. С одной стороны, Ливан широко открыт миру, почти космополитичен. С другой — он очень специфичен и неповторим, сочетая в своем облике ярко выраженные идентичности многих конфессий и этносов, упорно не сливающихся друг с другом в ходе многовекового сосуществования.

Все же вопреки обилию негативной информации, хотелось бы завершить наше исследование надеждой на лучшее будущее Ливана. В этой связи я позволю себе вновь процитировать профессора Сухейля Фараха: «Перед лицом грозной опасности христиане Ливана объединились. Христиане всех конфессий — и православные, и марониты, и католики, и протестанты, и все конфессии армянской ливанской общины и другие». Но еще более оптимистична следующая констатация Сухейля Фараха: «Умеренные силы шиитской, суннитской, друзской и алавитской общин стали для нашей общины опорой и защитой»⁴¹⁴. Можно лишь пожелать, чтобы эта тенденция, относительно новая в Ливане, в конце концов восторжествовала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Востока. Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945). М., 2006. С. 144; Al-Andalus y el Mediterraneo. Barcelona — Madrid, 1995. P. 192–193.

² Les Arabes du Message à l'histoire. Sous la direction de Dominique Chevallier et Andre Miquel. P., 1995. P. 11.

³ Шпажников Г. А. Религии Западной Азии. М., 1976. С. 150.

⁴ Там же. С. 152; Ланда Р. Г. У арабов Азии. М., 1969. С. 50–51. Сложность культурно-этнической истории Ливана побудила историка из США С. Джозефа даже причислить треть жителей страны — сирийцев, палестинцев, армян и др. — к «лицам неливанского происхождения», что спорно (Joseph S. Moslem-Cristian conflict in Lebanon — in «Moslem-Cristian conflicts». Folkeston (USA), 1978. P. 68).

⁵ Ланда Р. Г. У арабов Азии. С. 60.

⁶ Новейшая история арабских стран Азии. М., 1980. С. 19.

⁷ Шпажников Г. А. Указ. соч. С. 152. Следует оговориться, что перепись религиозного состава населения в Ливане никогда не проводилась. Поэтому абсолютно точных сведений привести нельзя.

⁸ Chaliand G. La résistance palestinienne. P., 1970. P. 39; Basbous A., Laurent A. Guerres secrètes au Liban. Gallimard (France), 1987. P. 17.

⁹ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Марониты: традиции, история, политика. М., 2013. С. 8–9; Abdul-Rahim Abu-Husain. Rebellion, Myth Making and National Building: Lebanon from an Ottoman Mountain Itizam to a Nation State. Tokyo, 2009. P. 58–60.

¹⁰ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 9; Шпажников Г. А. Указ. соч. С. 153–155. Характерно, что при посещении Сикстинской капеллы в Ватикане первым, кого увидел автор этих строк в 1973 г., был патриарх маронитов, который, как известно, является кардиналом римской курии от восточных церквей.

^{10a} Johnson M. Class and Client in Beirut. The Sunni Muslim Community and the Lebanese State 1840–1985. London, 1986. P. 13.

¹¹ Шпажников Г. А. Указ. соч. С. 167.

¹² Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965. С. 113.

¹³ Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005. С. 42.

¹⁴ В ходе борьбы с арабами-мусульманами верхушка маронитов даже предлагала заменить арабский язык арамейским или финикийским, а эмблемой сделать мальтийский крест, подчеркнув тем самым преемственность маронитов по отношению к крестоносцам. В то же время они хотели монополизировать общенациональную эмблему Ливана — кедр. Ими даже

был образован вместе с другими христианами Фронт защиты кедр. Эмблемой православных ливанцев служит изображение Георгия Победоносца, у суннитов — полумесяц, у шиитов — меч Али с раздвоенным клинком. См.: Родионов М. А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982. С. 114–115; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 67.

¹⁵ Развитие капитализма в арабском мире. М., 1988. С. 146.

¹⁶ Шпажников Г. А. Указ. соч. С. 167. В частности, почти целиком из друзей состоит Прогрессивно-социалистическая партия Ливана.

¹⁷ Johnson M. Op. cit. P. 16; La Méditerranée: l'espace et l'histoire. Neûchatel (Suisse), 1977. P. 139–141.

¹⁸ Rodinson M. Dynamique de l'évolution interne et des influences externes dans l'histoire culturelle de la Méditerranée // Actes du 1-er Congrès d'études des cultures Méditerranéennes. Alger, 1973. P. 20–30.

¹⁹ Ланда Р. Г. У арабов Азии. С. 61.

²⁰ Стоклицкий С. Л. Ливан: тревоги и надежды. М., 1988. С. 118.

²¹ Шпажников Г. А. Указ. соч. С. 152.

²² Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 77–81.

²³ Ланда Р. Г. История арабских стран. С. 144; Johnson M. Op. cit. P. 13.

²⁴ Крымский А. Е. История новой арабской литературы. М., 1971. С. 312; Ланда Р. Г. У арабов Азии. С. 66–68. Правда, «учатся у прошлого» ливанцы по-разному. Обилие общин и верований с разными статусами и судьбами породило 9 типов школ, из которых государственные посещают лишь 46% учеников. В школах страны используются 20 различных учебников истории, нередко противоречащих друг другу (Picard E. Liban, état de discorde. Mesnil — sur — L'Estrée, 1988. P. 17–18).

²⁵ Котлов Л. Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии. М., 1975. С. 172–175; Смилянская И. М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. М., 1965. С. 172.

²⁶ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 145–146.

²⁷ Там же. С. 146–147.

²⁸ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 118–119.

²⁹ Там же. С. 120–121.

³⁰ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 148, 151; Social stratification and Development in the Mediterranean Basin. The Hague, 1973. P. 63.

³¹ Левин З. И. Философ из Фурейки. М., 1965. С. 14–29; Юсупов Д. И., Занд М. Амин ар-Рейхани. М., 1959. С. 5.

³² Крымский А. Е. Указ. соч. С. 291; Юсупов Д. И., Занд М. Указ. соч. С. 7–9. Всего Рейхани опубликовал 249 произведений на арабском и 15 на

английском языке (Амин ар-Рейхани. Биобиблиографический указатель. Вступит. статья и редакция Д. И. Юсупова. М., 1959. С. 22, 27–35.

³³ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 191, 192, 197, 199.

³⁴ The Lebanese in the World: a Century of Emigration. London, 1992. P. 243–260; La moriscologie: orientation et methodologie. Zaghouan (Tunisie), 2001. P. 161–162.

³⁵ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 209, 222, 231, 236, 245, 260, 266, 274–272; Стоклицкий С. Л. Указ. соч. С. 118.

³⁶ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 296–297.

³⁷ Там же. С. 300–301; Bouvier J. Vocabulaire et mécanismes économiques. P., 1972. P. 365; Monroe E. Les enjeux politiques en Méditerranée. P., 1939. P. 75; Ravenel B. Méditerranée. Le Nord contre le Sud. P., 1990.

³⁸ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 302–306; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 154.

³⁹ Ланда Р. г. История арабских стран. С. 178.

⁴⁰ История Востока. Т. V. С. 144–145; Новейшая история арабских стран Азии, 1988. С. 20–21; Аль-Хилу Ю. Х. Экономика Ливана. М., 1959. С. 41.

⁴¹ Amin S., Yachir F. La Méditerranée dans le monde. Les enjeux de la transnationalisation. Paris — Casablanca — Tokyo, 1988. P. 12–14.

⁴² Всматриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М., 2013. С. 246; Новейшая история арабских стран Азии. С. 21; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 155.

⁴³ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 343–347; Les Arabes du Message à l'histoire... P. 470–471.

⁴⁴ История Востока. Т. V. С. 145–146; Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 346–348; Les Arabes du Message à l'histoire... P. 471–474

⁴⁵ История Востока. Т. V. С. 146–147; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 155; Vallaud P. Le Liban au bout du fusil. Evreux, 1976. P. 46–47. Практически был принят проект патриарха Хувайека (Abu Hurayn Abdul-Rahim. Rebellion. Myth Making and Nation Building: Lobanon from Ottoman Mountain Itizam to a Nation State. Tokyo, 2009. P. 58).

⁴⁶ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 157. В правительство Ливана, созданное осенью 1918 г. (и разогнанное англичанами через неделю), вошли 5 суннитов и три христианина. Их отстранили за ориентацию на эмира Фейсала (Johnson M. Op. cit. P. 22–24).

⁴⁷ Фомин А. М. Сирия и Ливан в англо-французских отношениях (1918–1920) // Восток. 2003. № 2. С. 32.

⁴⁸ Там же. С. 40–42.

⁴⁹ Там же. С. 42–43. Следует иметь в виду, что франко-британские противоречия еще более обострялись ввиду претензий на «османское наследство» со стороны Италии и США (см. Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 31–34). В конечном итоге англо-французы отделались мелкими уступками Вашингтону и Риму.

⁵⁰ История Востока. Т. V. С. 146. Фейсал вынужден был бежать 25 июля 1920 г. в занятый англичанами порт Хайфа в Палестине. Но через год, 11 июля 1921 г., Англия посадила его на трон созданного в марте того же года «подмандатного королевства» Ирак (Там же. С. 179).

⁵¹ Фомин А. М. Указ. соч. С. 51.

⁵² Подробнее см.: Там же. С. 46–50, 52–56.

⁵³ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 157–159; Johnson M. Op. cit. P. 23; *Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 491.

⁵⁴ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 157–159; Johnson M. Op. cit. P. 14–15, 23–24, 28–29, 53–56, 110–112.

⁵⁵ Новейшая история арабских стран Азии. С. 26; Barak O. *The Hardships of Consociation. The Perils of Partition: Lebanon, 1943–1990*. Jerusalem, 2000. P. 2–3; Johnson M. Op. cit. P. 82–95; Joseph S. *Moslem-Christian Conflict in Lebanon: perspectives of evolution of sectarianism* — in: «Moslem-Christian conflicts: economical, political and social origins». Folkestone (USA), 1978. P. 63–82.

⁵⁶ Соркин Г. З. Антиимпериалистическая Лига (1927–1935). М., 1965. С. 63; Lévi-Provençal E. *L'émir Shakib Arslan (1869–1946)*. // *Cahiers de l'Orient contemporain*. P., 1947, fascicules IX–X. P. 5–19; *Revue algérienne des sciences juridiques, économiques et politiques*. Alger, 1972, № 4. P. 927.

⁵⁷ Абу Шахра С. Формирование антифранцузской коалиции политических сил в Ливане и борьба за независимость 1939–1946 гг. М., 1988. С. 10–11; Агавельян Ю. В. *Община друзов в политической жизни Ливана*. // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки*. М., 2000. Вып. 4. С. 190–195; Johnson M. Op. cit. P. 23–25.

⁵⁸ Подробнее см.: Луцкий В. Б. *Национально-освободительная война в Сирии (1925–1927)*. М., 1964. С. 141–320.

⁵⁹ *Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 381.

⁶⁰ Луцкий В. Б., лично знавший многих членов партии, называет ее «Ливанской партией народа», ссылаясь при этом на книгу ее генерального секретаря Фуада Шимали «Рабочие профсоюзы» (Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 122, 325).

⁶¹ Там же. С. 122; Новейшая история арабских стран Азии. С. 27.

⁶² История Востока. Т. V. С. 150; подробнее см.: Косач Г. Г. *Красный флаг над Ближним Востоком?* М., 2001; Он же. *Первый коммунист Лива-*

на: социализм и большевистская Россия // Всматриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М., 2013. С. 231–251. Термин «арабизация» — условный. В партии и после 1930 г. было всегда много курдов (включая ее многолетнего генерального секретаря Халида Багдаша), армян и представителей прочих этносов, населявших Сирию и Ливан.

⁶³ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 238–243, 270–273; Саид, Амин. Ас-саура аль-арабийя аль-кубра (Великая арабская революция). Каир /б. г./, Т. 3. С. 351–360.

⁶⁴ История Востока. Т. V. С. 148. Национальные и конфессиональные меньшинства стран Леванта традиционно опасались суннитов, привыкших третировать их за 400 лет османского господства.

⁶⁵ Луцкий В. Б. Указ. соч. С. 274–276; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 290–291; *Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 484.

⁶⁶ Новейшая история арабских стран Азии. С. 31–33; Аль-Хилу Ю. Х. Экономика Ливана. М., 1959. С. 21, 27.

⁶⁷ Впоследствии, в 1947 г., известный историк Альберт Хаурани признал, что «требования сирийцев прекратить мандат оказали серьезное воздействие на позиции маронитов Ливана», подтолкнув их «к принятию точки зрения, менее непримиримой по отношению к взглядам арабских мусульман и более критической по отношению к политике Франции» (цит. по: Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 291).

⁶⁸ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 292.

⁶⁹ История Востока. Т. V. С. 151. Компартия Ливана накануне 2-й мировой войны насчитывала более 10 тыс. чел., первоначально — из среды православных, но потом на 50% шиитов и на 15% друзов. Ее популярность росла по мере критики буржуазии Ливана и реформизма в рядах националистов и в политической практике арабских правительств (Picard E. Op. cit. P. 162).

⁷⁰ История Востока. Т. V. С. 151–152; Новейшая история арабских стран Азии. С. 33–34; Мельников Е. Н. Политический и государственный строй Ливана. М., 1974. С. 42–43.

⁷¹ Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 33; Салиби К. С. Очерки по истории Ливана. М., 1969. С. 262; Johnson M. Op. cit. P. 24, 122; Barak O. Op. cit. P. 2.

⁷² Johnson M. Op. cit. P. 24–25. О реальном единстве действий суннитов Ливана и Сирии свидетельствует, помимо всего прочего, факт финансирования Риадом ас-Сольхом, богатейшим суннитом Бейрута и Сайды, сирийской партии «Национальный блок». Р. ас-Сольха называли в 30-е

годы «главным мозгом арабского национализма на Ближнем Востоке» (*Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 502).

⁷³ Johnson M. *Op. cit.* P. 25–26.

⁷⁴ История Востока. Т. V. С. 152; *Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 489, 501–503.

⁷⁵ История Востока. Т. V. С. 152–153, 184, 214, 227, 239.

⁷⁶ Agulhon M., Nouschi A., Schor R. *La France de 1914 a 1940*. Tours, 1993. P. 51–80.

⁷⁷ *Ibid.* P. 175.

⁷⁸ Рубинский Ю. И. Тревожные годы Франции. М., 1973. С. 371.

⁷⁹ Gallissot R., Badia G. *Marxisme et l'Algérie*. P., 1976. P. 409; Julien Ch.-A. *L'Afrique du Nord en marche*. P., 1972. P. 122.

⁸⁰ *Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 484.

⁸¹ История Востока. Т. V. С. 154; Новейшая история арабских стран Азии. С. 35.

⁸² Lévi-Provençal. *Op. cit.* P. 10–19.

⁸³ Мирский Г. И. Ирак в смутное время (1930–1941 гг.). М., 1961. С. 140–160; История Востока. Т. V. С. 153.

⁸⁴ Абу Шакра С. Формирование антифранцузской коалиции политических сил в Ливане и борьба за независимость 1939–1946 гг. М., 1988. С. 14; История Востока. Т. V. С. 153–154.

⁸⁵ Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 годы. М., 1957. С. 211.

⁸⁶ Там же. С. 227.

⁸⁷ Там же. С. 234.

⁸⁸ Там же. С. 260–262.

⁸⁹ История Востока. Т. V. С. 154–155; Новейшая история арабских стран Азии. С. 36–37; Абу Шакра. Указ. соч. С. 14.

⁹⁰ Шарль де Голль. Военные мемуары. Единство. 1942–1944 годы. М., 1960. С. 27–28.

⁹¹ Там же. С. 34.

⁹² Там же. С. 36–37.

⁹³ Там же. С. 229.

⁹⁴ Charles de Gaulle. *Discours et messages*. Т. II. Paris, 1946. P. 215; *Les Arabes du Message à l'histoire*. P. 504–505; Johnson M. *Op. cit.* P. 26.

⁹⁵ Профессор Майкл Джонсон считает, что режим, установленный президентом Б. аль-Хури в 1943–1952 гг. (как и сменивший его в 1952–1958 гг. режим другого лидера маронитов — Камиля Шамуна), направлял действия ливанского государства «непосредственно в кратковременных интересах коммерческо-финансовой буржуазии» (Johnson M. *Op. cit.* P. 7).

⁹⁶ Les Arabes du Message à l'histoire. P. 504–505.

⁹⁷ Шарль де Голль. Военные мемуары..., 1960. С. 229–231.

⁹⁸ Там же. С. 232–234; Les Arabes du Message à l'histoire. P. 506–507.

⁹⁹ Новейшая история арабских стран Азии. С. 37; История Востока. Т. V. С. 156; Vallaud P. Le Liban au bout du fusil. P. 49. В первых составах палаты депутатов (1943–1951) было 55 представителей: 19 от маронитов, 11 от суннитов, 10 от шиитов, 6 от православных, 4 от друзов, 3 от греко-католиков, 2 от армяно-григориан, 1 от прочих меньшинств (Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 84–85).

¹⁰⁰ Catroux, général. Dans la bataille de la Méditerranée. Egypte, Levant, Afrique du Nord. 1940–1944. Témoignages et commentaires. Paris, 1949. P. 426–427.

¹⁰¹ Les Arabes du Message à l'histoire. P. 507.

¹⁰² Абу Шахра С. Указ. соч. С. 12–13; Traboulsi F. A. History of Modern Lebanon. L., 2007. P. 113.

¹⁰³ Новиков Н. В. Пути и перепутья дипломата (записки о 1943–1944 гг.). М., 1976. С. 9, 27, 150, 182, 189.

¹⁰⁴ История Востока. Т. V. С. 156.

¹⁰⁵ Там же. С. 156–157; Новейшая история арабских стран Азии. С. 39.

¹⁰⁶ Абу Шахра С. Указ. соч. С. 15; История Востока. Т. V. С. 157–158; Новейшая история арабских стран Азии. С. 39–40.

¹⁰⁷ Очевидно, этому содействовала и смена власти в Англии и Франции, где во главе правительств к этому времени стояли уже не выразители традиционных «имперских» взглядов Уинстон Черчилль и Шарль де Голль, а лейборист Клемент Эттли и социалист Феликс Гуэн, более чувствительные к позиции левых кругов своих стран, к идеям национального и социального освобождения, доминировавшим в первые годы после Второй мировой войны и в Европе, и за ее пределами.

¹⁰⁸ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 157.

¹⁰⁹ Новейшая история арабских стран Азии. С. 114; Johnson M. Op. cit. P. 120.

¹¹⁰ Johnson M. Op. cit. P. 120–121.

¹¹¹ Ibid. P. 36, 120–122.

¹¹² Ibid. P. 57–59. Всего в общественной жизни Ливана в XX в. подвизались в качестве политиков, бизнесменов, депутатов, юристов и прочих 12 представителей клана ас-Сольх. Менее влиятельны, но также заметны были среди суннитов кланы Байюм (14 представителей), Салам (15 представителей), Фахури (7 представителей).

¹¹³ Новейшая история арабских стран Азии. С. 114–115; Dubar C., Nasr S. Les classes sociales au Liban. P., 1976. P. 67–71; Picard E. Liban, état de

discorde. Mesnil-sur-l'Estrée, 1988, P. 83–85. В 1973–1974 гг. из 80 банков Ливана 16 принадлежали арабам-неливанцам, а 36 — иностранным капиталистам, главным образом из Англии, Франции, Германии и Швейцарии (Bulloch J. Death of a country. L., 1977. P. 73–74).

¹¹⁴ Dubar C., Nasr S. Op. cit. P. 71–72.

¹¹⁵ Ibid. P. 73.

¹¹⁶ Ibid. P. 75–79; Аль-Ахбар. 15.03.1975; Ан-Нахар. 09.06.1975.

¹¹⁷ История Востока. М., 2008. Т. VI. С. 138; Dubar C., Nasr S. Op. cit. P. 118; Picard E. Op. cit. P. 86.

¹¹⁸ Dubar C., Nasr S. Op. cit. P. 118–136.

¹¹⁹ Stratification sociale et développement dans le Bassin Méditerranéen. The Hague — Paris, 1973. P. 61.

¹²⁰ Peuples Méditerranéens. P., № 41–42, mars 1988. P. 31–34. Ливанские политологи и социологи (в частности, лично беседовавшие с автором в 1967 г. Салим Наср и Эдмон Наим) — большие поклонники великого социолога и философа Питирима Сорокина и его трактовки таких понятий, как «социальная вертикаль», «социальная мобильность», «социальная иерархия и стратификация» и т. д. (Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1932. С. 297–307).

¹²¹ Ланда Р. Г. У арабов Азии. С. 42.

¹²² Ан-Нахар, 17.08.1967.

¹²³ Stratification sociale et développement... P. 70–73.

¹²⁴ Political Dictionary of the Middle East in Twentieth Century. Jerusalem, 1972. P. 30; Dana Adam Schmidt. Armageddon in the Middle East. New York, 1974. P. 120–123.

¹²⁵ Новейшая история арабских стран Азии. С. 115; Political Dictionary... P. 37.

¹²⁶ Ахир Саа. Каир, 01.10.1967; Barak O. The Hardschips of Consociation... P. 7; Johnson M. Op. cit. P. 122; The Lebanon Conflict. Political Shifts, Regional Impact and Economic Outlook. By Mina Toksöz. London, 1986. P. 26–28.

¹²⁷ Barak O. Op. cit. P. 7–8; Johnson M. Op. cit. P. 168.

¹²⁸ Johnson M. Op. cit. P. 58; Picard E. Op. cit. P. 96.

¹²⁹ Johnson M. Op. cit. P. 58–59, 168.

¹³⁰ Ibid. P. 122; Picard E. Op. cit. P. 95–101. Всего в Ливане насчитывалось свыше 15 политических партий, но их роль была второстепенной. Депутаты парламента учитывались не по партийной, а прежде всего по религиозной принадлежности. Не менее важен был личностно-клановый фактор: в 1960–1972 гг. 17–20 депутатов (из 99) группировались вокруг того или иного лидера (Арслана, Салама и др.). Да и «партийцы» счита-

лись прежде всего сторонниками Джумблата (ПСП), Жмайеля («Катаиб») и т.п. Были также мелкие или быстро исчезавшие партии, не получавшие мест в парламенте, но игравшие нередко заметную роль в тех или иных событиях (Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 33–50).

¹³¹ История Востока. Т. VI. С. 178–179; Johnson M. Op. cit. P. 123–124.

¹³² Johnson M. Op. cit. P. 7, 30, 100, 118–120. Шагнун откровенно презирал многих парламентариев. Впоследствии он вспоминал, как 17 сентября 1952 г. 56 депутатов подписали петицию в поддержку Б. аль-Хури, а уже через 5 дней «те же самые депутаты единодушно избрали президентом меня» (цит. по: Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 100).

¹³³ Новейшая история арабских стран Азии. С. 116–117; Johnson M. Op. cit. P. 48–78. Шарль Малик — бывший посол Ливана в США, «энтузиаст» проамериканизма.

¹³⁴ История Востока. Т. VI. С. 179; Johnson M. Op. cit. P. 123–124.

¹³⁵ Саиб Салам (р. 1905) — наиболее видный представитель клана Саламов, богатейших торговцев и суннитских займов Бейрута. Депутат в 1943–1972 гг. Министр внутренних дел в 1946 г., государственный министр в 1956 г., премьер в 1952–1953 гг., 1960–1961 гг., 1970–1973 гг. Соперничал за лидерство среди суннитов с кланом ас-Сольхов и своими бывшими союзниками А. Яфи и У. ад-Дана (Johnson M. Op. cit. P. 36, 48–49).

¹³⁶ Караме (иногда — Карами) Рашид — лидер суннитов Триполи и главный соперник Саиба Салама в борьбе за пост премьера. Выступал за «национальное единение» и межконфессиональный компромисс. Был премьером в 1961–1964 гг., 1965–1966 гг., 1967–1970 гг.

¹³⁷ Johnson M. Op. cit. P. 123–124.

¹³⁸ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 161–163.

¹³⁹ Новейшая история арабских стран Азии. С. 118–119. Шамун даже заявил, что врагом Ливана является не Израиль, а Египет (Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 42).

¹⁴⁰ Автор этих строк был свидетелем массовых демонстраций в Москве летом 1958 г. перед посольством США под лозунгом «Руки прочь от Ливана!»

¹⁴¹ См.: Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М. — Новгород, 2008. С. 668–670.

¹⁴² История Востока. Т. VI. С. 179.

¹⁴³ Johnson M. Op. cit. P. 137–138.

¹⁴⁴ Ibid. P. 138; The Lebanon Conflict. By M. Toksöz. L., 1987. P. 12–15.

¹⁴⁵ Burhan G. Le malaise arabe. L'Etat contre la nation. P., 1991. P. 105–109. Власть бюрократии в Ливане была многослойна и учитывала интере-

сы разных групп. Например, блок шихабистов в парламенте имел в 1964 г. 38 мест, а в 1968 г. — 27 мест, сторонники Шамуна — соответственно 7 и 11 мест, ПСП (друзы) — 9 и 7 мест, а 4 фракции региональных вождей — 21 и 17 мест. Среди 99 депутатов были 15 латифундистов, 19 бизнесменов, 10 бывших госчиновников, 7 религиозных деятелей, 2 офицера и 36 юристов. Все они были людьми имущими, верными своим конфессиям и феодальным «боссам», мало значения придавая своей партийной принадлежности (Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 93–99).

¹⁴⁶ Буржуазия и социальная эволюция стран Востока. М., 1985. С. 39–41; Amin S. L'accumulation dans l'échelle mondiale. P., 1970. P. 144; Аль-Ахрам. 13.03.1979.

¹⁴⁷ Belâl A. Développement et facteurs non-économiques. Rabat, 1980. P. 36; Stratification sociale et développement. P. 22.

¹⁴⁸ Новейшая история арабских стран Азии. С. 120; Шабаева В. И. Внешнеторговые связи и их роль в экономике Ливана (1960–1970). М., 1973. С. 21.

¹⁴⁹ Новейшая история арабских стран Азии. С. 120–121; Johnson M. Op. cit. P. 137.

¹⁵⁰ Barak O. The Hardships of Consociation... P. 22.

¹⁵¹ Johnson M. Op. cit. P. 140.

¹⁵² Ibid. P. 140–141.

¹⁵³ Ланда Р. Г. Управленческие кадры и социальная эволюция стран Азии и Африки. М., 1985. С. 20–40; Развитие капитализма в арабском мире. М., 1988. С. 95, 103; Johnson M. Op. cit. P. 141–143.

¹⁵⁴ Развитие капитализма в арабском мире. С. 82–88; Dubar C., Nasr S. Op. cit. P. 77–258; Johnson M. Op. cit. P. 100, 106, 138, 140.

¹⁵⁵ Новейшая история арабских стран Азии. С. 121–22; Развитие капитализма в арабском мире. С. 91–92; Johnson M. Op. cit. P. 128, 173, 180; Picard E. Op. cit. P. 151. В 1967 г. автор этих строк видел в Бейруте вывески следующих банков: «Арабо-африканский», «Бельгийско-ливанский», «Банк Кувейта и арабского мира», «Банк кедров», «Банк заморского Ливана» (хранивший капиталы ливанцев, живших в Америке, Африке и Европе). В то время в Бейруте проживало до 900 тыс. чел. (почти половина населения страны в то время) и каждый третий из них владел автомобилем (Ланда Р. Г. У арабов Азии. С. 60–61).

¹⁵⁶ Sayegh F. A. Zionist colonialism in Palestine. Beirut, 1965. P. 15; The Palestine Question. A Brief History. United Nations. New York, 1980. P. 25.

¹⁵⁷ Quandt W., Jabber F., Lesch A. The Politics of Palestinian Nationalism. Berkeley — Los Angeles, 1973. P. 14–22; Al-Aziz, Husein Qasim. Some Features of the Palestinian Uprising. Baghdad, [s. l.].

- ¹⁵⁸ Оксанин А. К. К вопросу о палестинской проблеме // Проблемы экономики и истории Ближнего и Среднего Востока. М., 1966. С. 171–175.
- ¹⁵⁹ Tragedy of the Palestinian Arab Refugees. [s. l.], 1966. P. 24.
- ¹⁶⁰ Harkabi Y. Palestinians and Israel. Jerusalem, 1974. P. 3–4.
- ¹⁶¹ Sayegh F. A. Op. cit. P. 31. По данным ООН, в Дейр Ясине погибли 255 арабов, а в ответ арабы потом атаковали колонну противника, убив при этом 77 чел. (The Palestine Question. A Brief History. UN, New York, 1980. P. 16).
- ¹⁶² Cattan H. Palestine, the Arabs and Israel. The Search for Justice. L., 1969–1970. P. 39, 42–45.
- ¹⁶³ Sayegh F. A. Op. cit. P. 42. Эксперты ООН в 1980 г. подтвердили, что именно бойня в Дейр Ясине «спровоцировала бегство из других арабских деревень и городов» (The Palestine Question... P. 16).
- ¹⁶⁴ The Islamic Review. Woking [England], May 1970. P. 21.
- ¹⁶⁵ Например, в Иордании, где 506 тыс. беженцев вместе с ранее там проживавшими палестинцами составили 2/3 населения, 60% трудоспособных жителей в 1958 г. не имели работы (Котлов Л. Н. Иордания в новейшее время. М., 1962. С. 119).
- ¹⁶⁶ Оксанин А. Указ. соч. С. 177; The Middle East and North Africa 1968–1969. L. P. 95–96; Ibid., 1969–1970. P. 96–101.
- ¹⁶⁷ Лагеря палестинских беженцев, которые автор этих строк видел в Ливане весной 1967 г. в черте Бейрута, несмотря на относительное благополучие Ливана в то время, лишь подтверждали видом своих палаток, их обитателей и обстановки разговоры бейрутинцев о крайнем неблагополучии и тяжелых условиях жизни беженцев.
- ¹⁶⁸ Документ ООН E/c № 456, Add, 4, 25 september 1970. P. 5.
- ¹⁶⁹ Ibid. P. 27.
- ¹⁷⁰ Толкунов Л. Ближний Восток: от войны к переговорам. М., 1974. С. 37.
- ¹⁷¹ Fortune. July 1970. P. 86.
- ¹⁷² The Middle East Journal. 1969. № 3. P. 296.
- ¹⁷³ История Востока. Т. V. С. 171.
- ¹⁷⁴ John R., Hadawi S. The Palestine Diary. 1945–1948. Vol. 2. Beirut, 1970. P. 290.
- ¹⁷⁵ Ibid. P. 326–327; Dana Adam Schmidt. Op. cit. P. 120–123; Political Dictionary of the Middle East in the Twentieth Century. Jerusalem, 1972. P. 36.
- ¹⁷⁶ John R., Hadawi S. Op. cit. P. 99, 168–169, 200–202, 214–216. Как известно, впоследствии Израиль по-своему «учел» замечания Шамуна, изгнав со своей территории большинство (до 70%) проживавших на ней до мая 1948 г. арабов.

¹⁷⁷ Political Dictionary... P. 37.

¹⁷⁸ Документы ООН Е/с № 5/456, 1970, add. 4, 25 september, P. 27; Vallaud P. *Le Liban au bout du fusil*. Evreux, 1976. P. 67–68.

¹⁷⁹ Johnson M. *Op. cit.* P. 159.

¹⁸⁰ Хайят, Тахир. Нахва уруба мутахаррира (К освободительному арабизму). Халеб, 1956. С. 11; Аль-Ахвани, Ахмад Фуад. Аль-кауумийя аль-арабийя (Арабский национализм). Каир, 1960. С. 16.

¹⁸¹ Quandt W., Jabber F., Lesch A. *Op. cit.* P. 49. Палестинцы в Ливане были на 85% суннитами, на 15% — христианами (Harris W. *Faces of Lebanon*. Princeton, 1999. P. 152). Но в целом они руководствовались не религиозными взглядами, а идеологией национализма. Вместе с тем чаще других на их стороне выступали сунниты Ливана.

¹⁸² New York University Journal of International Law and Politics. Spring 1970, № 1. P. 210; Picard E. *Op. cit.* P. 153.

¹⁸³ The Middle East Journal. 1963. № 7. P. 507–526.

¹⁸⁴ Аль-Адави, Ибрахим Ахмад. Харракат ат-тасаллул дыдда аль-кауумийя аль-арабийя (Тайные движения против арабского национализма). Каир, 1961. С. 11, 16, 85.

¹⁸⁵ За рубежом. 1975. № 11 (768). С. 15. Например, Я. Арафат в 1966 г. был арестован в Ливане и вместе с группой своих сторонников пробыл три недели в заключении (Basbous A., Laurent A. *Op. cit.* P. 20; Vallaud P. *Le Liban au bout du fusil*. P., Evreux, 1976. P. 690.

¹⁸⁶ Quandt W., Jabber F., Lesch A. *Op. cit.* P. 83–84.

¹⁸⁷ Fatch. 15.10.1969.

¹⁸⁸ За рубежом. 1975. № 11 (768). С. 15.

¹⁸⁹ Fortune. Jule 1970. P. 89. Антуан Басбу и Анни Лоран сообщают, в качестве примера неоднозначности позиции арабов, что Сирия, всячески поощрявшая партизан-палестинцев на занятых Израилем территориях, в то же время не разрешала им использовать Сирию как плацдарм и даже в июле 1970 г., в разгар сражений ПДС в Иордании, заблокировала передачу фидаям 30 броневиков, присланных из Алжира в сирийский порт Латакию (Basbous A., Laurent A. *Op. cit.* P. 20–21).

¹⁹⁰ Alencastre A. *El Fatah*. Alger, 1970. P. 17.

¹⁹¹ Ibid. P. 21. В 1972 г. Зухейр Мухсин (руководитель сирийской секции ПДС) заявил, что ПДС практически вышло за рамки «регионального ограниченного сопротивления» (Мухсин З. Ас-саура аль-филастынийя бейна-ль-фикр ва-ль-мумараса (Палестинская революция между теорией и практикой). Дамаск, 1972. С. 97.

¹⁹² Ланда Р. Г. Палестинское движение сопротивления // Спецбюллетень ИВАН СССР. № 2/118. М., 1971. С. 14.

¹⁹³ Démocratie Nouvelle. Paris, 1968. P. 7.

¹⁹⁴ Мухсин, Зухейр. Ас-саура аль-филастынийя бейна-ль-фикр ва-ль-мумараса (Палестинская революция между теорией и практикой). Дамаск, 1972. С. 97.

¹⁹⁵ Аль-Хатыб, Х. Фи-т-таджриба ас-саурийя аль-филастынийя (Из революционного опыта палестинцев). Дамаск, 1972. С. 32.

¹⁹⁶ В 1970 г. (без учета Египта и стран Африки) из 1392,5 тыс. палестинцев находились на оккупированных территориях 982,9 тыс. чел. Остальные, сосредоточенные в основном в Сирии, Ливане и Кувейте, почти не имели работы: из 409,6 тыс. чел. было всего 90,7 тыс. занятых. См.: Шуун филастынийя (Палестинские вопросы). 1975. № 41–42. С. 416.

¹⁹⁷ Не стоит огульно всем палестинцам (как и всем ливанцам) приписывать единую точку зрения. Среди палестинцев к 1973 г. 80 тыс. чел. имели университетские дипломы. «Лучшие врачи и инженеры, водопроводчики и электрики в Бейруте... — палестинцы», — отмечал Д. А. Шмидт. Он же указывал, что в отличие от беженцев и прочих бедняков, «в зоне залива (Персидского. — Р. Л.) они образовали новую бюрократию нефтяных шейхств. Они также менеджеры радиостанций, предприниматели, учителя, техники, советники шейхов». Вряд ли их позиция была иной, чем позиция шейхов (Schmidt D. A. Op. cit. P. 151–152).

¹⁹⁸ Шуун филастынийя. 1975. № 41–42. С. 417–422.

¹⁹⁹ Там же. С. 400–401; Quandt W., Jabber F., Lesch A. Op. cit. P. 193; Schmidt D. A. Op. cit. P. 148; L'Humanité, 17–19.12.1975. Точных данных о численности палестинцев в Ливане нет. Например, в 1980 г. назывались и 300 тыс. чел. (Вольнов Л. Л. Ливанский дневник. М., 1980. С. 68) и 600 тыс. чел. (Father Peter J. Mahfoud. Lebanon and the turmoil of the Middle East. New York, 1980. P. 37). Но с 1970 г. в ливанской прессе велись дискуссии о будущем «демократического государства Палестины» (См.: Аль-Анвар. 08.03.1970), вызывавшие комментарии в Израиле (См.: Harkabi Y. Op. cit. P. 81–106).

²⁰⁰ Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 27; Sayegh A. Palestine and Arab Nationalism. Beirut, 1970. P. 73.

²⁰¹ Хури, Ильяс. Ихсаат филастынийя (Палестинская статистика). Бейрут, 1974. С. 225–283; Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 25.

²⁰² Ланда Р. Г. Социальные основы Палестинского движения сопротивления // Спецбюллетень ИВАН СССР. 1979. № 2 (205). С. 78–79. Генсек ДФОП Найеф Хаватма был христианином из иорданских бедуинов, члены ЦК ДФОП — не только палестинцами, но и ливанцами, сирийцами, иракцами. В руководство НФОП входили, помимо уроженцев всех арабских стран, также выходцы из Турции, Ирана и Латинской Америки.

²⁰³ Schmidt D. A. Op. cit. P. 192; L'Humanité. 10.05.1976.

²⁰⁴ Chaliand G. La résistance palestinienne. P., 1970. P. 74; The New York Times. 05.07.1971. Не только «леваки», но и многие другие бойцы ПДС, включая членов Фатха, считали необходимыми крайние меры для возрождения «боевого духа» после неудач 1970–1971 гг.

²⁰⁵ Сказались и «точечные» удары диверсантов Израиля по руководству ПДС: в июне 1972 г. в Бейруте был убит главный редактор газеты НФОП «Аль-Хадаф» Гассан аль-Канафани, в октябре 1972 г. — делегат Фатха в Риме Ваиль Зуайтар, в декабре 1972 г. — делегат ПДС в Париже Махмуд аль-Хамшари, в январе 1973 г. — представитель ПДС в Никозии Башир аль-Хайр. В ночь на 10 апреля 1973 г. израильским десантом в Бейруте были убиты военные лидеры и основатели Фатха Юсуф ан-Наджар и Камаль Адван, а также — Камаль Насер (Народы Азии и Африки. 1976. № 5. С. 19).

²⁰⁶ Quandt W., Jabber F., Lesch A. Op. cit. P. 121–122, 204.

²⁰⁷ История Востока. Т. VI. С. 180–181; Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 342.

²⁰⁸ Johnson M. Op. cit. P. 32, 165. В то же время, несмотря на засилье феодалов и компрадоров, тормозивших индустриализацию, в Ливане 70-х гг. наблюдался относительно высокий уровень концентрации промышленности: 300 предприятий (не менее 25 занятых на каждом), составляя всего 0,3% их общего числа, давали 67% всей продукции, а доля средних и промежуточных (мелкопредпринимательских) слоев достигла 14% активного населения (Nasr S., Dubar C. Les classes sociales au Liban. P., 1976. P. 198; Statistical Abstract of Kuwait. El Kuwait, 1980. P. 119).

²⁰⁹ Vallaud P. Op. cit. P. 34–36.

²¹⁰ Ibid. P. 37–38; Liban: espoirs et réalités. P. 142; Picard E. Op. cit. P. 134–136.

^{210a} Зеленин Д. А. Эволюция национально-освободительного движения арабского народа Палестины (1920–1990). М., 1990. С. 13–14.

²¹¹ Среди христиан 16% получали среднее образование в середине 70-х гг., а среди шиитов — лишь 6% (См.: Vallaud P. Op. cit. P. 36).

²¹² Johnson M. Op. cit. P. 24, 226. Первый удар Израиля в Ливане был нанесен по шиитской деревне Мейс аль-Джабаль: 14 июня 1968 г. на нее обрушились 50 снарядов из мортир (Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 341).

²¹³ Afrique — Asie. 1984. № 316. P. 12; Proche-Orient et Tiers-Monde. 1983. № 9. P. 49.

²¹⁴ Правда. 20.04.1984; Le Monde. 12–13.02.1984; Picard E. Op. cit. P. 161–162; Roy O. Généalogie de l'islamisme. P., 1995. P. 71.

²¹⁵ Новейшая история арабских стран Азии. С. 126–127.

- ²¹⁶ Там же. С. 128.
- ²¹⁷ Там же. С. 128–129.
- ²¹⁸ Там же. С. 130–131; Bulloch J. Death of a country. The Civil War in Lebanon. L., 1977. P. 25–27; The Middle East and North Africa, 1967–1968. L., 1967. P. 454.
- ²¹⁹ Vallaud P. Op. cit. P. 10–12. Антуан Басбу и Анна Лоран утверждают, что «Катаиб» убили не беженцев, а вооруженных палестинцев в отместку за «смерть четырех христиан» (Bosbous A., Laurent A. Op. cit. P. 342).
- ²²⁰ Vallaud P. Op. cit. P. 12–15. В правительство первоначально вошли всего 6 человек: Рашид Караме — от суннитов, Адиль Осейран — от шиитов, Маджид Арслан — от друзов, Гассан ат-Тувайни от православных, Филипп Такла и Камиль Шамун — от маронитов. Шамун тогда (в 1980 г.) был крупным бизнесменом и официальным представителем ряда английских компаний, богатым торговцем оружием и ярым сторонником США.
- ²²¹ Ibid. P. 158–159.
- ²²² Ibid. P. 17–18; Bulloch J. Op. cit. P. 15.
- ²²³ Vallaud P. Op. cit. P. 19–21.
- ²²⁴ Ibid. P. 52. По данным Пьера Валло, в 1976 г. в Ливане насчитывалось 23% маронитов, 7% православных, 5% греко-католиков (униатов) и 5% прочих христиан, т.е. всего христиан — 40%. Но мусульман было уже около 60% (27% шиитов, 26% суннитов и 7% друзов).
- ²²⁵ Vallaud P. Op. cit. P. 52–53; Развитие капитализма в арабском мире. С. 145.
- ²²⁶ Vallaud P. Op. cit. P. 55. Об ожесточенности борьбы за перемены свидетельствует цифра в 40 тыс. убитых в апреле 1975 г. — ноябре 1976 г. При этом среди христиан на каждого погибшего бойца приходилось 4 мирных граждан, среди мусульман — около 9 (Johnson M. Op. cit. P. 190).
- ²²⁷ Новейшая история арабских стран Азии. С. 136–137.
- ²²⁸ Там же. С. 137–140; Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 343; The Lebanon Conflict... P. 4.
- ²²⁹ Новейшая история арабских стран Азии. С. 137; Johnson M. Op. cit. P. 192; Picard E. Op. cit. P. 170.
- ²³⁰ Bulloch J. Op. cit. P. 59–60.
- ²³¹ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988. Документы и материалы. М., 1989. С. 238–239; Горбунова Н. М. Ливан накануне гражданской войны (1975–1976) // Арабские страны. История, экономика и политика. М., 1986. С. 243–251; Picard E. Op. cit. P. 175–178; Afrique — Asie. № 111, 14–27 juin 1976. P. 16; Johnson M. Op. cit. P. 192–193.

²³² Матвеев И. А. Национальная и общечеловеческая слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке. М., 2004. С. 93; Johnson M. Op. cit. P. 193–194; The Middle East. May 1978. № 43. P. 34. Фарук Каддуми (Абу Лутф), глава политического департамента ПДС, так охарактеризовал тогда намерения Сирии: «Их цель — создать с помощью снарядов и броневиков сирийско-иорданско-ливанскую федерацию, включающую часть Палестины, а мы хотим этого избежать. Отсюда — желание Сирии разоружить палестинскую революцию и ливанское национальное движение. Мы — против этого» (Afrique — Asie. № 111, 14–27 juin 1976. P. 16–17). В то же время западные СМИ всячески нагнетали враждебное отношение к НПС и ПДС, особенно упирая на то, что «палестинские элементы ... ходят по улицам с оружием», «похищают, пытаются и даже иногда убивают сотни безоружных и ни в чем неповинных ливанцев и иностранцев» (Father Peter J. Mahfoud. Op. cit. P. 35–36). В июне 1977 г. христиане объявили «недействительным» Каирское соглашение 1969 г., регулировавшее отношения ПДС с властями Ливана, а лидер «Катаиб» Башир Жмайель потребовал сократить число палестинцев в Ливане до 176 тыс. чел. (Правда. 03.06.1977).

²³³ История Востока. Т. VI. С. 182; Новейшая история арабских стран Азии. С. 136–140; Father Peter J. Mahfoud. Op. cit. P. 37.

²³⁴ Мельников Е. Н. Указ. соч. С. 48; Новейшая история арабских стран Азии. С. 140; Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 348; Johnson M. Op. cit. P. 195; Picard E. Op. cit. P. 187–190.

²³⁵ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 37; Johnson M. Op. cit. P. 195–196; Kassir S. La guerre du Liban. De la dissension nationale au conflict régional. P., 1994. P. 333.

²³⁶ Вольнов Л. Л. Указ. соч. С. 21–27; Johnson M. Op. cit. P. 196–197. Само наличие множества группировок рождало массу слухов, недоразумений и вражды. Например, исчезновение в августе 1978 г. имама Мусы Садра, вождя «Движения обездоленных» (шиитов), во время его поездки в Ливию сразу же вызвало ожесточенные стычки шиитов из «Амаль» с «проливийскими милициями». В то же время большинство глав мусульманских группировок согласовывали свои действия с Сирией, «Хизб Аллаха» — с Ираном, а «Ливанские силы» (правые христиане) — с Израилем (Picard E. Op. cit. P. 190).

²³⁷ Johnson M. Op. cit. P. 197. В январе 1980 г. о посылке своих добровольцев в Ливан объявил Иран.

²³⁸ Ibid. P. 204; Kassir S. Op. cit. P. 479; Picard E. Op. cit. P. 194, 255.

²³⁹ История Востока. Т. VI. С. 182; Kassir S. Op. cit. P. 482–486; Shiar Youssef. What really happened in Beirut (Global Research, June 15, 2008). P. 4.

Майкл Джонсон считает, что только с 4 июня по 15 августа 1982 г. в Бейруте были убиты или ранены 29,5 тыс. чел., из них 40% — дети (Johnson M. Op. cit. P. 204).

²⁴⁰ Johnson M. Op. cit. P. 204–205.

²⁴¹ Ibid. P. 205; Harris W. *Faces of Lebanon*. Princeton, 1999. P. 176. Жестокость и терроризм в ходе гражданской войны в столь благополучном до 1968 г. Ливане стали обычным делом. 28 января 1978 г. был убит лидер ПДС в Ливане Абу Хасан, 22 апреля и 13 мая того же года — дважды ранен Амин Жмайель, 4 июня — его отец Пьер, 23 февраля 1980 г. — его брат Башир (все трое — лидеры «Катаиб»). 19 марта 1980 г. настала очередь Камиля Шамуна. Тогда же погибла 20-месячная дочь Башира Жмайеля. Массовые жертвы были при взрывах в старинном мусульманском квартале Баста в Бейруте 27 октября 1979 г., на рынке Рауше 17 июня 1980 г. и в аэропорту Бейрута 17 октября 1980 г., а также в палестинском лагере Аль-Джамиль в Баальбеке 18 июня 1980 г. и в кинотеатре «Мазраа» 13 июля 1980 г. Еще раньше, 16 июня 1976 г., был похищен и убит посол США в Ливане Фрэнсис Мелой (Kassir S. Op. cit. P. 212, 218, 331–335, 404–405).

^{241a} Мишель Аун (р. в 1935 г.) стажировался во Франции и США, в 1974 г. — майор, в 1975 г. — подполковник. С 1976 г. активно участвовал в гражданской войне, в основном против ПДС. В 1980 г. — полковник, в 1984 г. — бригадный генерал, награжден многими орденами, включая французский орден Почетного легиона. Патриот-государственник, противник нацизма и военного присутствия в Ливане как Сирии, так и Израиля.

²⁴² Панкратьев В. П. Арабо-израильские отношения в контексте ближневосточного конфликта в 1980–1990-е годы. М., 2009. С. 20; Стоклицкий С. Л. Указ. соч. С. 6–14; Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 217–219, 299, 345; Johnson M. Op. cit. P. 206.

²⁴³ Новейшая история арабских стран Азии. С. 150–151; Панкратьев В. П. Указ. соч. С. 24–28; Harris W. Op. cit. P. 185–193. По некоторым данным, ПСП Джумבלата получила помощь оружием и моральную поддержку даже от общины друзов в Израиле (Johnson M. Op. cit. P. 206).

²⁴⁴ Новейшая история арабских стран Азии. С. 151; Johnson M. Op. cit. P. 204–206.

²⁴⁵ В ноябре 1983 г. шииты взорвали в г. Тир (вторично!) штабквартиру войск Израиля в Ливане. Погибли 29 израильтян и 32 ливанца (Johnson M. Op. cit. P. 208). К июню 1985 г. армия Израиля потеряла в Ливане 654 чел. убитыми, 3900 ранеными, 4 пропавшими без вести и 21 по-

кончившими самоубийством. Военные расходы Израиля составили 3,5 млрд долл. (Picard E. Op. cit. P. 193, 255).

²⁴⁶ Новейшая история арабских стран Азии. С. 152–153; Les Arabes du Message à l'histoire. P. 539; Basbous A., Laurent A. Op. cit. P. 345–346.

²⁴⁷ Весь мир тогда познакомился с передачей телевидения Ливана, во время которой 4-летняя девочка исполнила песню «Аатыни Туфули» (Верните мне детство!). Присутствовавший в студии президент Жмайель взял девочку на руки и попросил всех ливанцев внять ее призыву.

²⁴⁸ Johnson M. Op. cit. P. 212; Roy O. Op. cit. P. 71–72. В. М. Ахмедов сообщает, что «Хизб Аллах» возникла из отколовшейся от «Амаль» и возглавленной выступившим против Н. Берри его заместителем Хусейном Мусави «Амаль исламий» и из двух шиитских ассоциаций «Братское семейство» и «Союз исламских студентов в Ливане», которые возглавлял Мухаммед Хусейн Фадлалх. Для их укрепления и усиления в чисто военном плане в Ливан тогда же, в 1982 г., были направлены 3 тыс. бойцов КСИР (Корпуса стражей исламской революции) (См.: Ахмедов В. М. Ливанская «Хезболла» как «центр силы» на Ближнем Востоке // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001. С. 12–14.

²⁴⁹ Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1986. С. 140–141; Johnson M. Op. cit. P. 212. «В 1982 г., — писал известный французский исламовед и публицист Жиль Кепель, — Иран создал в Ливане полупартию-полумилицию «Хизбаллах» на базе шиитской общины, составляющей около трети населения страны» (Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 119).

²⁵⁰ Развитие капитализма в арабском мире. С. 152; Johnson M. Op. cit. P. 209–210; DFLP Bulletin. Damascus, november 1986, № 86/35. P. 1–3, 5, 13.

²⁵¹ Johnson M. Op. cit. P. 199; The Lebanon Conflict..., P. 36. «Аль-Мурабитун», потеряв в 1975–1976 гг. до 800 бойцов, к 1982 г. имели всего 1,5 тыс. бойцов, но это было намного меньше актива «Амаль» (более 5 тыс. чел.).

²⁵² Johnson M. Op. cit. P. 213; Liban: espoirs et réalités. Paris, 1987. P. 152–154.

²⁵³ Гасратян А. В. Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000). М., 2004. С. 73; Социальный облик Востока. М., 1999. С. 59; L'Humanité, 21.09.1985; Picard E. Op. cit. P. 202.

²⁵⁴ Панкратьев В. П. Указ. соч. С. 21–22; Harris W. Op. cit. P. 150; Johnson M. Op. cit. P. 208–212, 226; The Lebanon Conflict... P. 35–36.

²⁵⁵ Развитие капитализма в арабских странах. С. 292–293; Социальный облик Востока. С. 59–60.

²⁵⁶ Les Arabes du message à l'histoire. P. 548; Paris — Match. 24.02.1984.

²⁵⁷ Новейшая история арабских стран Азии. С. 153–155. Амин Жмайель и Хафез аль-Асад в феврале 1984 г. — январе 1986 г. встречались в Дамаске 11 раз (Basbous A., Laurent A. *Op. cit.* P. 346).

²⁵⁸ Johnson M. *Op. cit.* P. 212–213. Джонсон явно идеализирует суннитов Ливана, считая, что лишь они не прониклись «сектантским духом», оставшись верными идеологии арабского национализма. Но все было гораздо сложнее. Неудачи суннитов и поддержка им извне очень скоро пробудили в них «сектантский дух», в то время как община друзов («одно из самых закрытых сообществ Ливана») продолжала отстаивать в рядах ПСП общеарабские патриотические позиции (The Lebanon Conflict... P. 36–38).

^{258a} Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. М., 2011. С. 367–368.

²⁵⁹ В 1983 г. в Ливане насчитывалось 175 тыс. армян (The Middle East and North Africa. L., 1996. P. 669), а в середине 70-х гг. — 250–300 тыс. Численность общины (как и других этносов в стране) постоянно менялась из-за эмиграции, военных действий, эпидемий и прочих бедствий (Дятлов В. И. Политический активизм армянской диаспоры в арабском мире // Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке. М., 1999. С. 19).

²⁶⁰ Дятлов В. И. Указ. соч. С. 24–26; Picard E. *Op. cit.* P. 31–32.

²⁶¹ Автору этих строк довелось слышать от многих палестинцев в Тунисе в декабре 1987 г., в том числе от заместителя Арафата Махмуда Аббаса (тогда известного под псевдонимом Абу Мазин), следующее: «Тунис — наилучшая страна для палестинцев. Здесь не стремятся нас контролировать, в чем-то ограничивать. Тунисцы полностью воздерживаются от какого-либо вмешательства в наши внутренние дела» (Ланда Р. Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991. С. 140).

²⁶² Basbous A., Laurent A. *Op. cit.* P. 125, 346–347; Harris W. *Op. cit.* P. 176, 198, 214. В ноябре 1986 г. ДФОП, как и другие секции ПДС, протестовал против осады бойцами «Амаль» лагеря палестинских беженцев Рашидийя близ города Тир. «Война “Амаль” против палестинцев в Ливане служит планам Израиля и США! “Амаль” хочет выкорчевать лагерь! Все демократические силы должны сплотиться, чтобы решить проблему Ливана», — писала пресса ПДС (DFLP Bulletin, November 1986, № 86/35. P. 1–6). Война «Амаль» и ПДС Арафата длилась с июня 1985 г. по январь 1988 г. и стоила жизни 2 тыс. чел. с обеих сторон (Picard E. *Op. cit.* P. 207).

²⁶³ Амин Жмайель опасался, во-первых, что пересмотр конституции приведет к сокращению его полномочий и вообще привилегий маронитов, а во-вторых, вполне резонно полагал, что отмена конфессиональных различий в стране, якобы «других различий не знающей», породит еще больший хаос, и не прекращение, а скорее ожесточение гражданской войны.

Практически так же думал Валид Джумблат, считавший, что министр иностранных дел Сирии Абд аль-Халим Хаддам, предлагая Жмайелю упразднить конфессионализм, «пренебрег ливанской реальностью» (Harris W. Op. cit. P. 198).

²⁶⁴ Harris W. Op. cit. P. 192–193.

²⁶⁵ Ibid. P. 222–223.

²⁶⁶ Зинькина Ю. В. Роль конфессионального фактора в социополитическом развитии Ливана во второй половине XX в. // Восток. 2009. № 6. С. 113–114. В дальнейшем продолжала возрастать тенденция к превалированию мусульман: в 2006 г. христиан в возрасте до 20 лет насчитывалось примерно 23,3%, а мусульман того же возраста — 76,7% (Там же. С. 114).

²⁶⁷ Там же. С. 114–115.

²⁶⁸ Там же. С. 113, 117–118; The Lebanon Conflict... P. 36. Многими ливанцами отмечалась также «негативная роль ливанских СМИ в разжигании религиозной нетерпимости и развязывании гражданской войны». Это объяснялось частично выездом за границу редакций многих газет и журналов и эмиграцией многих журналистов, которые стали выпускать свои издания в Париже, Лондоне, на Кипре, а также в соседних арабских странах. До этого были случаи гибели журналистов во время военных действий. [Эль-Курди С. Национальное своеобразие СМИ Ливана (особенности развития печати и телевидения, характер и перспективы их взаимодействия)]. М., 2002. С. 14–16.

²⁶⁹ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 164–165; Barak O. Op. cit. P. 27–28.

²⁷⁰ Barak O. Op. cit. P. 29–31; The Lebanon Conflict... P. 29; Picard E. Op. cit. P. 209.

²⁷¹ Harris W. Op. cit. P. 203–204.

²⁷² Ibid. P. 208.

²⁷³ Ibid. P. 218.

²⁷⁴ Ibid. P. 219–221; Barak O. Op. cit. P. 32–33.

²⁷⁵ СССР и ближневосточное урегулирование... С. 476; Barak O. Op. cit. P. 32; Picard E. Op. cit. P. 210–213.

²⁷⁶ Клан Франжье, претендуя на лидерство среди маронитов, в то же время часто занимал просирийскую позицию ввиду личной дружбы Сулеймана Франжье с Хафезом аль-Асадом и соперничества с возглавлявшим «Катаиб» кланом Жмайелей (Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 360–364).

²⁷⁷ Barak O. Op. cit. P. 32–34.

²⁷⁸ Harris W. Op. cit. P. 229–230. Предположения Харриса в дальнейшем подтвердились визитами в Дамаск заместителя госсекретаря США по

вопросам Ближнего Востока Роберта Мэрфи в феврале 1988 г. и самого
госсекретаря Джорджа Шульца в марте 1988 г.

²⁷⁹ Harris W. Op. cit. P. 231–232.

²⁸⁰ Мохов Н. Непреодолимый конфессионализм Ливана // Азия и Африка сегодня. 2008. № 6. С. 26; Barak O. Op. cit. P. 34–35; Harris W. Op. cit. P. 239–240; Shiar Youssef. What really happened in Beirut? — Global Research, June 15, 2008.

²⁸¹ Johnson M. Op. cit. P. 216–218.

²⁸² Ibid. P. 222–223; Traboulsi F. Op. cit. P. 113.

²⁸³ Johnson M. Op. cit. P. 222–225.

²⁸⁴ Развитие капитализма в арабском мире. С. 293; Johnson M. Op. cit. P. 225–226; The Middle East Journal. 1985, № 3. P. 270–272.

²⁸⁵ Кепель Ж. Указ. соч. С. 129; The Lebanon conflict... P. 38–39, 52.

²⁸⁶ Barak O. Op. cit. P. 35–36.

²⁸⁷ Harris W. Op. cit. P. 263.

²⁸⁸ Ibid. P. 243–246.

²⁸⁹ Ibid. P. 244–247? 264–266; Barak O. Op. cit. P. 36.

²⁹⁰ Родионов М. В., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 329–330.

²⁹¹ Barak O. Op. cit. P. 36–37.

²⁹² Уильям Харрис, как представляется, несколько преувеличивает значение Муаввада, не успевшего, по сути дела, сыграть никакой роли за 16 дней пребывания у власти, называя его «ливанским “Яном Масариком”», т.е. как бы борцом за общенациональное возрождение (Harris W. Op. cit. P. 280).

²⁹³ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 343.

²⁹⁴ Harris W. Op. cit. P. 252; Liban: espoirs et réalités. Paris, 1987. P. 26.

²⁹⁵ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 343; Harris W. Op. cit. P. 277.

²⁹⁶ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 332; Harris W. Op. cit. P. 277–278, 300.

²⁹⁷ Barak O. Op. cit. P. 37–38.

²⁹⁸ Harris W. Op. cit. P. 279–280; Liban: espoirs et réalités. P. 31–37.

²⁹⁹ История Востока. Т. VI. С. 184–185; Harris W. Op. cit. P. 280–282; The Lebanon Conflict... P. 52–53, 72.

³⁰⁰ Аль-Хайят. 31.08.1992. Тем не менее формально соблюдались прежние нормы представительства: в новом парламенте марониты из 128 мест имели 34 (вместо 30 из 108 в предыдущем), шииты — 27 (вместо 18), сунниты — 27 (вместо 20). Сохранили свои места православные (14), друзы (8), армяне и униаты (по 6). Впервые прошли 2 депутата от алавитов (Арабские страны Западной и Северной Африки. М., 1999. С. 9).

³⁰¹ Рафик аль-Харири, «человек, сделавший сам себя», не только создал в Саудовской Аравии и соседних государствах Залива подлинную бизнес-империю в торговле, промышленности и информатике, но и возглавил, будучи суннитом, мощную группировку предпринимателей-эмигрантов из Ливана в составе Фуада ас-Синьоры (своего бизнес-партнера из суннитов Сайды), Фарида Макари (своего компаньона по коммерческой компании, православного из Куры), Ясина Джабира (шиита из Набатии, подвизавшегося в торговле, строительстве и гостиничном бизнесе в Ливане, Великобритании и других странах) (См.: Harris W. *Op. cit.* P. 122). К тому же после 1982 г. аль-Харири потратил миллиарды фунтов на строительство больниц, шоссе и университетских центров в родной Сайде (Picard E. *Op. cit.* P. 217).

³⁰² Агавельян Ю. В. Некоторые особенности этноконфессиональной и социальной структуры ливанского общества в 70–90-е годы // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 1999. Вып. 3. С. 8–10.

³⁰³ Там же. С. 8–11. По некоторым данным, лица в возрасте 15–33 лет составляют 2/3 населения арабских стран (Левин З. И. Феномен «арабской весны» // Страны Востока в контексте современных мировых процессов. М., 2013. С. 27.

³⁰⁴ Агавельян Ю. В. Некоторые особенности... С. 10–11; Johnson M. *Op. cit.* P. 226.

³⁰⁵ The Middle East and North Africa. L., 1996. P. 669.

³⁰⁶ Агавельян Ю. В. Община друзей... С. 191–192; Harris W. *Op. cit.* P. 84; Johnson M. *Op. cit.* P. 226; The Middle East and North Africa. L., 1996. P. 669.

³⁰⁷ В отличие от других конфессий в религиозно-политической элите друзей с XVIII в. боролись только два клана — Арсланов и Джумблатов. Причем первые были традиционалистами, выступавшими в защиту интересов своей общины (за исключением ранее упоминавшегося Шакиба Арслана, ставшего идеологом панарабизма), а вторые — более восприимчивыми к новым демократическим идеям. С середины XX в. друзьями монопольно руководят Джумблаты, довольно гибко сочетающие в своей политической практике идеи прогресса и социализма со средневековым наследием (верой в переселение душ, базированием своего авторитета на харизме феодального типа). Валид Джумблат открыто признает, что он — «и прогрессивный деятель, и феодал» (Агавельян Ю. В. Община друзей... С. 192–193).

³⁰⁸ Агавельян Ю. В. Община друзей... С. 193–195.

³⁰⁹ Сажин В. И. Иран, «Хезболла» и палестино-израильское урегулирование // Ближний Восток и современность. 2005. № 25. С. 209–231.

«Хизб Аллах» начала свою деятельность в Ливане в 1982 г. как объединение радикальных шиитских групп при участии Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Она сразу же включилась в борьбу с Израилем, а также за создание «исламской республики» в Ливане, что удалось лишь частично, в долине Бекаа на востоке страны. Духовный лидер движения — шейх Мухаммед Хусейн Фадлаллах, главный муджахид (богослов-законовед) шиитской общины Ливана. Генеральный секретарь — Хасан Насраллах (в 80-е гг. был руководителем «Амаль» в долине Бекаа, но перешел в «Хизб Аллах» со своими многими сторонниками). «Хизб Аллах» создала также свои ячейки в Америке, Европе и Африке.

³¹⁰ Сажин В. И. Указ. соч. С. 217; Российская газета. 29.03.2005. Начиная с 1985 г. «Хизб Аллах» ежемесячно получала из Ирана 7 млн долл. (Picard E. Op. cit. P. 218).

³¹¹ По мере расширения масштабов деятельности «Хизб Аллах» ее руководство установило в Бейруте контакт (и фактически вступило в союз) с господствующей в Газе организацией ХАМАС (Харакат аль-Мукавама аль-Исламийя — Движение исламского сопротивления), а потом — с другой палестинской организацией — «Бригады мучеников Аль-Аксы». Наряду с этим «Хизб Аллах» пыталась создать свое подполье на Западном берегу реки Иордан, оккупированном Израилем, в частности в регионах Самарии и Бейт-Лехема (Вифлеема) (Сажин В. И. Указ. соч. С. 218–219, 221).

³¹² Отказались самораспуститься также некоторые палестинские отряды (но за ними была поддержка сирийцев) и так называемая Армия Южного Ливана, поддерживаемая израильтянами.

³¹³ История Востока. Т. VI. С. 184–185. Шииты в 80–90-х гг. стали самой политически активной общиной Ливана. В западных кварталах Бейрута было немало семей, в которых рядом сидели член ЛКП, боец «Амаль», муджахид «Хизб Аллах» и формально нейтральный солдат ливанской армии (Picard E. Op. cit. P. 221–222).

³¹⁴ О необходимости «принять во внимание политическую роль» «Хизб Аллах» заявил в 2005 г. министр иностранных дел РФ. С. В. Лавров, Генсек ООН Кофи Аннан сказал, что это — «сила, с которой следует считаться», а глава ПСП Валид Джумблат выразил надежду на возможное участие «Хизб Аллах» в строительстве нового Ливана, независимого от Сирии (Сажин В. И. Указ. соч. С. 226–227).

³¹⁵ Harris W. Op. cit. P. 280–281.

³¹⁶ Ibid. P. 281–282, 286; Le Monde. 11.02.1993.

³¹⁷ История Востока. Т. VI. С. 185.

³¹⁸ Волович А. А. Ливан и Сирия после Харири: испытание на прочность // Ближний Восток и современность. 2005. № 25. С. 276. Даже кри-

тиковавшая аль-Харири пресса США признавала его заслуги в «возрождении страны», особенно Бейрута (Harris W. Op. cit. P. 282–286).

³¹⁹ Волович А. А. Указ. соч. С. 275; Harris W. Op. cit. P. 285. По мнению Ю. В. Агавельян, Лахуд был озабочен «обеспечением безопасности» и «политической стабильности» и не намерен был рисковать ими «в интересах каких-либо региональных сообществ» (История Востока. Т. VI. С. 186). Думается все же, что тогда, в конце XX в., вряд ли кто-либо мог обеспечить «безопасность» и «стабильность» Ливана лучше, чем аль-Харири.

³²⁰ Агавельян Ю. В. Этноконфессиональные и социально-демографические особенности развития ливанского общества в посткризисный период // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 2002. Вып. 5. С. 166; История Востока. Т. VI. С. 183.

³²¹ Известия. 27.04.2000. Возможно, уход израильтян из Ливана был связан и с переговорами Арафата и Рабина в 90-х гг., возобновленных в 1999 г. кабинетом Эхуда Барака.

³²² Дунаев В. Судьба маронита // Известия. 27.05.2000.

³²³ Агавельян Ю. В. Этноконфессиональные и социально-демографические особенности... С. 169.

³²⁴ Волович А. А. Указ. соч. С. 275; Harris W. Op. cit. P. 282.

³²⁵ Известия. 01.11.2001.

³²⁶ Агавельян Ю. В. Ливанское общество в 90-е годы. Основные направления социальной политики в посткризисный период // Ближний Восток и современность. 2001. № 11. С. 6.

³²⁷ Там же. С. 7–8. Численность только эмигрантов-маронитов в 11 зарубежных странах составляла в первые годы XXI в. примерно 1620 тыс. чел. (Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 208–279).

³²⁸ Агавельян Ю. В. Ливанское общество... С. 7–8. Вместе с тем Уильяс Харрис утверждает, что восстановление шло неравномерно, игнорируя «промышленные и аграрные сектора вне Бейрута», что аль-Харири будто бы хотел возродить «Бейрут до 1975 г., т.е. как преимущественно торговый, финансовый и туристический центр», делая упор на «престижные проекты, включавшие расширение международного аэропорта Бейрута», «арабского спортивного городка» или знаменитого на весь мир «Казино дю Либан» (Harris W. Op. cit. P. 286).

³²⁹ Harris W. Op. cit. P. 284–287.

³³⁰ Волович А. А. Указ. соч. С. 275–276.

³³¹ Там же. С. 276–277.

³³² Там же. С. 277–278; Shiar Youssef. What really happened in Beirut? Global Research. June 15, 2008. P. 5–6.

³³³ Волович А. А. Указ. соч. С. 279. Как известно, именно эта поправка явилась формальным поводом для отставки аль-Харири и вызвала недовольство всех ливанцев (кроме маронитов), ибо нарушала учрежденное еще Национальным пактом 1943 г. зыбкое равновесие конфессиональных общин в политической системе страны. США пытались этим воспользоваться. В частности, заместитель госсекретаря США Паула Добрянски сравнила «кедровую революцию», т.е. демонстрации протеста против убийства аль-Харири, в Ливане, с «революцией роз» в Грузии и «оранжевой революцией» на Украине (Shiar Youssef. *Op. cit.* P. 6).

³³⁴ Христианские партии и группировки, в отличие от мусульманских, часто объединялись и вновь раскалывались, иногда даже имея названия и программы, что, по нашему мнению, связано было как с влиянием социальной и культурной многоукладности, этноконфессионального и регионального многообразия Ливана, так и с быстрой сменой событий и внешних воздействий в рассматриваемый период. Некоторую роль при этом сыграло, очевидно, усвоение христианской элитой страны политической культуры Франции с ее многопартийностью, пестротой идейных и философских течений, быстротой реакции на происходящие события.

³³⁵ Волович А. А. Указ. соч. С. 280; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 377–378.

³³⁶ Рассадин П. А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана (1943–2010 гг.). М., 2010. С. 24.

³³⁷ Traboulsi F. A. *History of Modern Lebanon*. London, 2007. P. 113–114.

³³⁸ Волович А. А. Указ. соч. С. 281.

³³⁹ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 378–379; Haggis W. *Op. cit.* P. 279.

³⁴⁰ Рассадин П. А. Возможные последствия вывода сирийского воинского контингента из Ливана // Современный Ближний Восток: сирийско-ливанское направление. Аналитические записки. Вып. 8 (10). Июнь 2005. М., 2005. С. 14–16; Traboulsi F. A. *Op. cit.* P. 114.

³⁴¹ Куделев В. В. «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители. М., 2008. С. 228.

³⁴² Там же. С. 228–231.

³⁴³ Куделев В. В. «Аль-Каида» и война в Ираке. М., 2009. С. 196–197.

³⁴⁴ Эпштейн А. Д. Израильская война против «Хезболлы». М., 2006. С. 11.

³⁴⁵ Там же. С. 13.

³⁴⁶ Там же. С. 35. Война 2006 г., в которой Израиль, по мнению многих, «потерпел поражение», способствовала «популярности “Хизб Аллаха”»

не только среди бедного сообщества ливанских шиитов, но и во всем Ливане и арабском мире» (Shiar Youssef. *Op. cit.* P. 5).

³⁴⁷ Формальным поводом для войны 2006 г. послужила операция палестинских боевиков на границе сектора Газа 25 июня, когда были убиты 2 и ранены 4 военнослужащих Израиля, а капрал Гилад Шалит взят в плен. Израильтяне в ответ вторглись в Газу и убили десятки палестинцев, но освободить Г. Шалита не сумели. В свою очередь, «Хизб Аллах» захватила 2 военных Израиля на ливано-израильской границе, что и вызвало удар армии Израиля по Ливану.

³⁴⁸ Эпштейн А. Д. Указ. соч. С. 44–48.

³⁴⁹ Там же. С. 63.

³⁵⁰ Там же. С. 73–74. Не стоит забывать и об экономических потерях Ливана — 7 млрд долл., что равно 30% ВВП страны (Саттиев М. Проблемы конфессионализма в Ливане // Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова. М., 2012. С. 264).

³⁵¹ Эпштейн А. Д. Указ. соч. Приложения. С. 151.

³⁵² Там же. С. 168–170.

³⁵³ Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. М., 2008. С. 299–301; Traboulsi F. *Op. cit.* P. 114.

³⁵⁴ Наумкин В. В. Ислам и мусульмане... С. 676–678.

³⁵⁵ Куделев В. В. «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители. С. 229–230; Сарабьев А. В. Ситуация в Ливане: системность конфликта и бессистемность решений // Ближний Восток и современность. 2007. С. 268–269.

³⁵⁶ Сарабьев А. В. Ситуация в Ливане... С. 267, 270–272.

³⁵⁷ Там же. С. 276–277.

³⁵⁸ Там же. С. 277. Не вызывает удивления, что в подобной обстановке в апреле 2007 г. более половины всех маронитов Ливана были готовы покинуть родину. После войны «Хизб Аллах» с Израилем 60 тыс. маронитов уехали за рубеж (Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 416).

³⁵⁹ Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. М., 2011. С. 367–369; Johnson M. *Op. cit.* P. 226.

³⁶⁰ Нечитайло Д. А. Указ. соч. С. 441.

³⁶¹ Там же. С. 442.

³⁶² Мамед-заде П. Н. План США «Большой Ближний Восток» и реакция на него в мире // Ближний Восток и современность. 2004. № 23. С. 65.

³⁶³ Там же. С. 66–67.

³⁶⁴ Там же. С. 68–69.

- ³⁶⁵ Там же. С. 73.
- ³⁶⁶ Волович А. А. Указ. соч. С. 284–287.
- ³⁶⁷ Там же. С. 288–289.
- ³⁶⁸ Там же. С. 293–294.
- ³⁶⁹ Рассадин П. А. Возможные последствия... С. 17.
- ³⁷⁰ Зимой 2006–2007 гг. в Ливан проникли несколько сот боевиков из Ирака и Пакистана (Сарабьев А. В. Ситуация в Ливане... С. 278).
- ³⁷¹ Рассадин П. А. Возможные последствия... С. 16–18.
- ³⁷² Сарабьев А. В. Ситуация в Ливане... С. 280.
- ³⁷³ По некоторым данным, количество боевиков, осуществлявших тогда теракты в Ливане, «по разным оценкам, не превосходило нескольких сотен» (Там же).
- ³⁷⁴ Там же. С. 281–282.
- ³⁷⁵ Там же. С. 282–283; Ахмедов В. М. Некоторые проблемы эволюции современной военно-политической элиты Сирии // Современный Ближний Восток: сирийско-ливанское направление. Аналитические заметки. Вып. 8 (10), июнь 2005. М., 2005. С. 13.
- ³⁷⁶ Мохов Н. В. Президентские выборы в Ливане // Ближний Восток и современность. 2008. № 35. С. 181–192, 211.
- ³⁷⁷ Там же. С. 193–195.
- ³⁷⁸ Там же. С. 195–196. В пользу Слеймана говорили его связи с военными кругами и ранее упомянутый положительный опыт сотрудничества с Генсеком и вообще структурами ООН.
- ³⁷⁹ Там же. С. 202–210; Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 392. Слейман был избран лишь после 18-й попытки провести голосование по его кандидатуре (Shiar Youssef. Op. cit. P. 7).
- ³⁸⁰ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 317, 355, 393, 419–421.
- ³⁸¹ Shiar Youssef. Op. cit. P. 8. Одновременно сообщалось, что разведслужбы Иордании и Саудовской Аравии заняты подготовкой «ливанских милиций» за пределами Ливана, а в феврале 2008 г. у побережья Ливана вновь появились военные корабли США.
- ³⁸² Ibid. P. 9–11.
- ³⁸³ Ibid. P. 11–13.
- ³⁸⁴ Родионов М. А., Сарабьев А. В. Указ. соч. С. 318, 334–335.
- ³⁸⁵ Там же. С. 336–337.
- ³⁸⁶ Там же. С. 338.
- ³⁸⁷ Там же. С. 356–357.
- ³⁸⁸ Там же. С. 359–360.

- ³⁸⁹ Шевченко В. С. Влияние сирийского кризиса на ситуацию в Ливане // Арабский мир в потоке событий и времени. М., 2014. С. 312–313.
- ³⁹⁰ Там же. С. 317.
- ³⁹⁰ New York Times. 02.01.2015.
- ³⁹¹ Например, не будучи избранными, функции президента «временного» исполняли премьеры Салим аль-Хусс (сентябрь 1988 г. — ноябрь 1989 г.), Мишель Аун (сентябрь 1988 г. — октябрь 1990 г.), Фуад ас-Синьора (ноябрь 2007 г. — май 2008 г.), Таммам Салам (май 2014 г. — февраль 2015 г.).
- ³⁹² Таммам Салам — сын известного политика Ливана XX в. Саиба Салама, неоднократно бывшего главой правительства в 1952–1973 гг.
- ³⁹³ Сарабьев А. В. «Сейсмография» ливанского системного кризиса // Войны и конфликты в Арабском мире. М., 2015. С. 16.
- ³⁹⁴ Подробнее см.: Там же. С. 3–4.
- ³⁹⁵ Там же. С. 17.
- ³⁹⁶ Там же. С. 20–22.
- ³⁹⁷ New York Times. 02.01.2015. По более поздним данным, ООН зарегистрировала в Ливане 1 150 000 только сирийских беженцев (т.е. 1/4 от 4,5 млн жителей Ливана). В свою очередь, Бейрут обращает внимание на 500 тыс. «незарегистрированных сирийцев» (См.: Associated Press, January 23, 2015).
- ³⁹⁸ Сарабьев А. В. «Сейсмография»... С. 23–24.
- ³⁹⁹ Шевченко В. С. Указ. соч. С. 317–318.
- ⁴⁰⁰ Сарабьев А. В. «Сейсмография»... С. 27; НГ-Религии. 04.03.2015.
- ⁴⁰¹ Ливан: обстановка накаляется // Новое Восточное обозрение. 15.08.2014.
- ⁴⁰² Сарабьев А. В. Ливанские политики: пир во время войны // Новое Восточное обозрение. 02.11.2014.
- ⁴⁰³ Усмонов Б. «Хизб Аллах»: выявлены очередные агенты «Моссад» // Новое Восточное обозрение. 17.04.2015.
- ⁴⁰⁴ Сарабьев А. В. Ливанские политики...
- ⁴⁰⁵ New York Times. 01.02.2015.
- ⁴⁰⁶ The Washington Post. 29.01.2015.
- ⁴⁰⁷ The Washington Post. 14.02.2015.
- ⁴⁰⁸ The Washington Post. 08.02.2015.
- ⁴⁰⁹ The Washington Post. 28.01.2015.
- ⁴¹⁰ Независимая газета. 03.03.2015.
- ⁴¹¹ Независимая газета. 05.02–25.02.2015.
- ⁴¹² Независимая газета. 25.02.2015.
- ⁴¹³ Независимая газета. 02.03.2015.
- ⁴¹⁴ Независимая газета. 04.03.2015.